

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2022

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2022

**JULY-
AUGUST**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zavadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... А. С. Кулева. Вариативность названий растений в толковых словарях современного русского языка
- 25..... Е. М. Мельникова. О глаголе *вакцинировать* в современной речи
- 37..... М. П. Селиванов. Из истории изучения произношения заимствованных слов в отечественной лингвистике

Из истории русского языка

- 48..... И. С. Добровольский. Комментарий к «Грамматике» Алипия (Гамановича): § 1. Церковнославянская азбука, § 2. Употребление и произношение букв

Язык художественной литературы

- 63..... И. А. Киселева, К. А. Поташова, А. С. Ермакова. Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М. Ю. Лермонтова
- 75..... Н. А. Николина, З. Ю. Петрова. Функционирование предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы
- 87..... Л. А. Трахтенберг. «Как часто, пестрою толпою окружен...»: Жуковский — Батюшков — Веневитинов — Лермонтов
- 100..... Н. А. Шапиро. Об одном стихотворении Яна Сатуновского

Книжные новинки

- 107..... О. В. Никитин. «Современная социолингвистика развивается бурно...» (о новой книге Л. П. Крысина)
- 118..... Н. В. Патрова. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах (о новой книге М. Л. Ковшовой)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Anna S. Kuleva*. Plant Names Variability in Explanatory Dictionaries of Modern Russian Language
- 25..... *Ekaterina M. Melnikova*. On the Verb *Vaccinate* in Modern Speech
- 37..... *Mikhail P. Selivanov*. The Excerpts of the Study of Loanwords Pronunciation in Russian Linguistics

From the History of the Russian Language

- 48..... *Ivan S. Dobrovol'skii*. Commentary on the “Grammar” by Alypy (Gamanovich): § 1. The Slavonic Alphabet, § 2. The Use and Pronunciation of the Letters

The Language of Fiction

- 63..... *Irina A. Kiseleva, Ksenia A. Potashova, Alyona S. Ermakova*. Semantic Fullness of the Concept “History” in the Artistic World of M. Yu. Lermontov
- 75..... *Natalya A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova*. Functioning of Artifact Metaphors and Similes in the Texts of Modern Russian Prose
- 87..... *Lev A. Trakhtenberg*. “How Often, Surrounded by the Motley Crowd...”: Zhukovsky — Batyushkov — Venevitinov — Lermontov
- 100..... *Nadezhda A. Shapiro*. On a Poem by Jan Satunovsky

Book News

- 107..... *Oleg V. Nikitin*. “Modern Sociolinguistics is Developing Rapidly...” (on L. P. Krysin’s New Book)
- 118..... *Natalia V. Patroeva*. Book Review: Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms (on a New Book of M. L. Kovshova)

Вариативность названий растений в толковых словарях современного русского языка

Анна Сергеевна Кулева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
an_kuleva@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170021740-3

АННОТАЦИЯ: Названия растений представляют собой важную, но недостаточно исследованную группу лексики, о чем можно судить по ее отражению в основных толковых словарях современного русского языка. С одной стороны, эта группа невелика и недостаточно актуальна: она от словаря к словарю сокращается за счет исключения устаревших, стилистически окрашенных, обиходных единиц, но при этом мало пополняется новыми лексемами. С другой стороны, обращает на себя внимание разнообразная вариативность названий. В толковых словарях варианты названий часто включаются в одну словарную статью, однако при сравнении словарей и сопоставлении их с широким кругом источников и корпусными данными становится очевидно, что вариативность названий растений отражается недостаточно системно, последовательно и адекватно. В одних случаях словари включают редкие, устаревшие или не подтверждаемые реальными примерами варианты (*азáлия/азалéя, базилик/базилика*), в других — недостаточно явно проводят разграничение между вариантами (например, с помощью стилистических, функциональных, хронологических помет), ср. *анемон/анемона (ветреница), георгин/георгина (далия) и мирт / (устар.) мирта*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, названия растений, Национальный корпус русского языка, толковый словарь, фитонимы

для цитирования: Кулева А. С. Вариативность названий растений в толковых словарях современного русского языка // Русская речь. 2022. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013161170021740-3.

Issues of Modern Russian Language

Plant Names Variability in Explanatory Dictionaries of Modern Russian Language

Anna S. Kuleva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), an_kuleva@mail.ru

АБСТРАКТ: The paper deals with plant names as an interesting section of Russian lexis. Plant names in explanatory dictionaries of Modern Russian demonstrate a lack of systematical description. On the one hand, this group is small and insufficiently relevant. Obsolete or substandard lexemes are excluded without addition of the new ones. On the other hand, one of the main problems remains the excess variability of plant names in explanatory dictionaries. In explanatory dictionaries, different variants of plant names are often included in the same dictionary entry. However, when comparing dictionaries to the wide range of sources and corpus data, it becomes obvious that the variability of the named plants is not systematic, consistent or adequate.

In some cases, dictionaries preserve rare or outdated variants (*азáлия / азалéя* ‘azalea’, *базилик / базилика* ‘basil’). Stylistic, functional and chronological labels can be used to distinguish different variants (with analysis of data from modern dictionaries, the Russian National Corpus and other sources), cf. *анемон / анемона* ‘anemone, windflower’, *георгин / георгина* ‘dahlia’ and *мирт / мирта* ‘myrtle’.

KEYWORDS: explanatory dictionary, phytonyms, lexicography, plant names, Russian National Corpus

FOR CITATION: Kuleva A. S. Plant Names Variability in Explanatory Dictionaries of Modern Russian Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 7–24. DOI: 10.31857/S013161170021740-3.

1. Названия растений в толковых словарях современного русского языка

Названия растений можно назвать важным элементом языковой картины мира [Зализняк Анна и др. 2005], однако в лингвистическом аспекте они до сих пор не исследованы в достаточной степени. К сожалению, фитонимическая лексика русского языка не получила системного осмысления и описания (до сих пор наиболее полным и системным сводом остается не переиздававшийся ботанический труд [Анненков 1878] — не только недостаточно известный, но и малодоступный современному читателю). Объем и состав этой лексической группы в современном русском языке можно в самом общем приближении оценить по данным толковых словарей. Так, СУ [Ушаков (ред.) 1935–1940], словарь среднего типа, отражающий лексику первой половины XX в., содержит 581 словарную статью, где описываются названия растений; МАС-2 [Евгеньева (ред.) 1981–1984], словарь среднего типа, отражающий лексику второй половины XX в., содержит 616 статей, однотомный СШв [Шведова (ред.) 2007], который можно признать наиболее современным лексическим трудом такого жанра, включает 391 статью. Сводный словарь, уточненный по РСС [Шведова (ред.) 2002: 514–558], БАС-1 [Словарь 1948–1965] и БАС-3 [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–], АТОС [Крысин (ред.) 2016], состоит из 738 позиций. При этом самый приблизительный подсчет по современным источникам дает число как минимум втрое большее. Для сравнения: указатель русских названий растений в классическом труде «Флора средней полосы европейской части России» [Маевский 2014] включает 1270 названий.

На данный момент в лексикографическом описании этой группы лексики накопились существенные недостатки, для преодоления которых необходим системный анализ этого пласта.

Прежде всего, выборка из толковых словарей показывает, что их словарь в части названий растений оказывается безусловно устаревшим, ср.: *брюква, вишенник* 'дикая степная вишня', *гардения, гваюла, глоксиния, джугара, дынное дерево* (=папайя), *кенаф, полуполба, померанец, рами, сморода* 'то же, что смородина (прост.)', *строфант, тау-сагыз, фернамбук* и др. (также в БАС-3: *акажу* (=кешью), *бакаут, берека*). Обращение к [НКРЯ] подтверждает малоупотребительность подобных названий в современном

языке: одни лексемы малоупотребительны сами по себе, другие называют растения, вышедшие сейчас из обихода (такие, как *брюква*).

С другой стороны, можно предположить, что ориентация русской толковой лексикографии на приоритет научного подхода (в данном случае — ботанического) приводит к неоправданному сужению рассматриваемой лексической группы в словарях. Как показывает сопоставление названных толковых словарей, из них постепенно вымываются единицы устаревшие, областные, стилистически окрашенные и т. п. (*желтофиоль*, *желтоцвет*, *крин*, *перелеска*), в особенности при наличии более употребительных вариантов (ср. *алой* vs *алоз*, *букс* и *буксус* vs *самшит*, *голубки* и *орлики* vs *аквилегия*, *капуцин* vs *настурция*, *лакрица* vs *солодка*, *сморода* vs *смородина*, *шпажник* vs *гладиолус*, *шпорник* vs *дельфиниум*). Исключаются из словника толковых словарей и лексемы вполне терминологичные, но недостаточно употребительные или по тем или иным причинам признаваемые неактуальными (*гваюла*, *далия*, *ежа*, *подмаренник*).

Новые единицы включаются в толковые словари очень медленными темпами: многие актуальные лексемы до сих пор не отражены толковыми словарями, некоторые из них можно найти только в орфографическом словаре или словарях иноязычных слов, реже — в самых новых лексикографических проектах. Ср.: *аквилегия*, *астрагал* в БАС-3 [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–], *базилик*, *борщевик*, *брокколи* в АТoS [Крысин (ред.) 2016], *актинидия*, *киви* в [Захаренко и др. 2008; Крысин 2010], *астильба*, *гейхера*, *рудбекия*, *хоста* (названия популярных сейчас садовых растений) в РОС [Лопатин, Иванова (ред.)].

Интересно, что при стремительно сокращающемся количестве лексем, называющих растения, в толковых словарях особой проблемой оказывается вариативность таких названий.

2. Варианты в заголовке словарной статьи

Помимо того, что многие растения могут иметь несколько названий (*анемона/ветреница*, *аквилегия/водосбор*, *календула/ноготки* и др.), а некоторые названия могут относиться к разным растениям (ср. *жасмин* — собственно *жасмин* ‘субтропический кустарник’ и *чубушник*), отдельные названия могут быть представлены в толковом словаре с отражением вариативности.

Можно выделить несколько типов.

1. Словообразовательные варианты; как правило, они рассматриваются как отдельные лексические единицы и приводятся в разных словарных

статьях, связанных отсылками (т. е. сближаются с вариантами типа *календула/ноготки*):

КОНОПЛЯ vs КОНОПЕЛЬ То же, что конопля — *Устар. и обл.* в МАС; ЛИЛИЯ vs ЛИЛЕЯ То же, что лилия — *Трад.-поэт.* в МАС, *поэт. устар.* в СУ;

ЛОПУХ vs ЛОПУШНИК То же, что лопух (МАС), ср. обл. Место, заросшее лопухами (СУ);

СМОРОДИНА vs СМОРОДА То же, что смородина — *Прост.* в МАС, обл. в СУ;

ЖАСМИН vs ЯСМИН То же, что жасмин — *Устар.* (СУ, МАС).

2. Различные варианты, представленные в заголовке одной словарной статьи.

2.1. Морфологические варианты, обычно различающиеся родом: *анемон/анемона, георгин/георгина*; этот тип подробнее будет рассмотрен ниже.

2.2. Преимущественно орфографические варианты: *акант/аканф, валерьяна/валериана, кизил/кизиль* и др.

2.3. Акцентологические (произносительные) варианты:

СШв: АЗА́ЛИЯ, -и и (*спец.*) АЗАЛЁ́Я; ср. в МАС, БАС-3, АТоС: АЗА́ЛИЯ;

МАС: *áйр* и *áур*; в СУ, БАС-1: *áур*;

МАС: *тёрн* и *терн*.

Есть и более сложные случаи, ср.:

МАС: ГОНОБО́БЕЛЬ, -я, м. и ГОНОБО́ЛЬ, -и, ж.; СУ: ГОНОБО́БЕЛЬ, ГОНОБО́Й и ГОНОБО́ЛЬ, я, мн. нет, м. (*обл.*). То же, что голубика;

СУ, БАС-1, МАС: КИЗИ́Л, -а и КИЗИ́ЛЬ, -я, м.; СШв: КИЗИ́Л, -а(-у) и (*устар.*) КИЗИ́ЛЬ, -я(ю), м.;

РСС: ЛАКРИ́ЦА, -ы, ж. и ЛАКРИ́ЧНИК, -а, м. То же, что солодка;

МАС: ОСТРОПЕ́СТР, -а, м. и ОСТРОПЕ́СТРО́, *нескл., ср.*;

МАС: РОГО́З, -а, м. и РОГО́ЗА́, -ы, ж.; в СУ, СШв: только РОГО́З.

Интересно, что однотипные случаи, различающиеся употребительностью или стилистической окраской, в словарях зачастую подаются не одинаково. Так, *азалия* и *азалея* — варианты заголовочного слова, но *лилия* и *лилея* даны в разных словарных статьях; *гонобобель*, м., *гоноболь*, ж. и др. различаются не только морфологически, однако помещены в одну словарную статью, являясь менее употребительными вариантами названия *голубика*.

3. Вариативность рода

Самая заметная группа вариантов — названия, различающиеся финалью и в большинстве случаев — грамматическим родом. Ср.:

Вот, например, одни говорят «мирт», как будто это растение — мужчина, а другие «мирта», как будто оно женщина (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция, 1998) [НКРЯ].

Это сравнительно небольшой ряд слов, среди которых основные:

МАС: АНЕМОН, -а, м. и АНЕМО́НА, -ы, ж., ср. ВЕТРЕНИЦА;
РСС: БАЗИЛІ́К, -а, м. и БАЗИЛІ́КА, -и, ж.; ср. в АТоС: БАЗИЛІ́К, -а, м.;
МАС: ГЕОРГІ́Н, -а, м. и ГЕОРГІ́НА, -ы, ж., ср. ДАЛИ́Я; СШв: ГЕОРГІ́Н, -а, м. и (спец.) ГЕОРГІ́НА, -ы, ж.; СУ, БАС-1: ГЕОРГІ́Н (и георгина *редко*);
МАС: ГОНОБО́БЕЛЬ, -я, м. и ГОНОБО́ЛЬ, -и, ж. То же, что голубика;
МАС: ДУРРА, -ы, ж. и ДУРРО, нескл., ср. Тропическое хлебное растение сем. злаков, сорт сорго;
МАС: МАНИО́КА, -и, ж. и МАНИО́К, -а, м.;
СУ, БАС-1, МАС: МИ́РТ, -а, м. и МИ́РТА, -ы, ж.;
МАС: ОСТРОПЕ́СТР, -а, м. и ОСТРОПЕ́СТРО́, нескл., ср.;
МАС: РОГО́З, -а, м. и РОГО́ЗА́, -ы, ж., СУ, СШв: РОГО́З;
МАС, РСС: ТЕРНОСЛИ́ВА, -ы, ж. и ТЕРНОСЛИ́В, -а, м.;
МАС: ТУТ², -а, м. и ТУ́ТА, -ы, ж. Тутовое дерево, шелковица, тутовник;
СШв: ТУ́ТА, -ы, ж. и ТУТ², -а, м.;
МАС: ЧИНА́Р, -а, м. и ЧИНА́РА, -ы, ж.; СШв: ЧИНА́РА, -ы, ж. и ЧИНА́Р, -а, м.

Можно отметить, что приведенные названия различны по употребительности. Это подтверждается тем, что некоторые варианты, в МАС имевшие статус равноправных и нейтральных, в более поздних словарях (СШв, РСС, АТоС) подаются иначе: в одних случаях меняется порядок вариантов, в других — один из вариантов снабжается пометой (*спец., устар.*), некоторые варианты исключаются (или же исключается вся словарная статья). Так, в СШв отсутствуют *анемон(а)*, *гонобобель* и пр., *дурра/о*, *маниок(а)*; разводятся варианты ГЕОРГИ́Н, -а, м. и (спец.) ГЕОРГИ́НА, -ы, ж.

Обращение к НКРЯ показывает, что разведение вариантов с помощью помет было правильным лексикографическим решением, более того, его следовало бы проводить более последовательно и системно. Хотя в силу совпадения отдельных форм поиск в корпусе затруднен (необходимо использовать поиск по точной форме и омонимичные формы разводить вручную), в каждом случае можно проследить некоторые тенденции. В дальнейших разделах анализируются данные основного корпуса НКРЯ;

для сравнения рассматривается функционирование соответствующих форм в поэтическом подкорпусе НКРЯ: как представляется, использование названий растений в поэтическом языке говорит об их глубокой укорененности в национальном языке, за пределами собственно «ботанического» дискурса.

3.1.1. Анемоны и георгины

МАС:

АНЕМОН, -а, м. и АНЕМОНА, -ы, ж. Травянистое растение сем. лютиковых, с цветками различной окраски.

ВЕТРЕНИЦА², -ы, ж. Травянистое лесное растение сем. лютиковых, с желтыми цветками, цветущее ранней весной, один из видов анемонов.

В МАС ветреница толкуется как 'один из видов анемонов'. Хотя можно сказать и наоборот: *анемона* — это садовая разновидность растения, дикорастущие формы которого называются *ветреница*. Во всяком случае, название *анемона* мы обычно находим в художественной литературе и справочниках по садоводству, тогда как в ботанических справочниках и определителях упоминаются разные виды *ветреницы*: *Ветреница алтайская*, *В. байкальская*, *В. дубравная*, *В. енисейская*, *В. лесная*, *В. нежная* и др., ср. [Маевский 2014: 64–65]. Кстати, и в ботанической литературе распространена своя вариативность: например, один и тот же вид растения *Anemone ranunculoides* называется по-русски *Ветреница лютичная*, или *лютиковидная*, или *лютиковая*. Однако очевидно, что садовое и ботаническое именование относится к одному и тому же растению: *Анемона лесная* и *Ветреница лесная* — это *Anemone sylvestris*. Сравним корпусные данные (по основному и поэтическому корпусу НКРЯ).

анемон

НКРЯ Найдено 103 документа, 168 вхождений.

ПК НКРЯ — 48 документов, 56 вхождений.

анемона

НКРЯ — 93 документа, 146 вхождений.

ПК НКРЯ — 45 документов, 52 вхождения.

ветреница

НКРЯ — 119 документов, 160 вхождений.

ПК НКРЯ — 8 документов, 10 вхождений.

Однако приведенные цифры создают неверное впечатление: во-первых, бóльшая часть примеров на запрос *анемон* и *анемона* совпадает, во-вторых, часть примеров относится к омонимам: ср. *ветреница*¹ 'женск. к ветреник: ветренный человек' (МАС) и *ветреница*² 'растение'. Даже при-

меры со словом *анемон/анемона* не все относятся к цветку: в некоторых из них говорится о животном, причем этот омоним (*морские анемоны* 'то же, что актинии' [БРЭ]) отсутствует в основных толковых словарях; есть и несколько сомнительных контекстов.

Примеры с *анемоной*-растением распределяются следующим образом (указывается количество вхождений в основном корпусе НКРЯ / в поэтическом корпусе):

совпадающие формы:

анемоны И.-В. мн. 59/17 (всего 77/27), ср. также Р. ед. ж.;
анемонам Д. мн. 0/2 (всего 0/2);
анемонами Т. мн. 13/2 (всего 14/2);
анемонах П. мн. 3/0 (всего 3/0);
анемоне П. ед. 0/0;

омонимичные формы:

анемон И.-В. ед. м. 13/10; Р. мн. ж. 11/3 (всего 28/15);
анемона Р. ед. м. 2/0; И. ед. ж. 14/4 (всего 18/5);
анемону Д. ед. м. 0/0; В. ед. ж. 0/1 (всего 2/1);

различающиеся формы:

анемонов Р. мн. м. 17/2 (всего 23/2);
анемоном Т. ед. м. 0/1 (всего 0/2);
анемоны Р. ед. ж. 3/6;
анемоной, анемоною Т. ед. ж. 0/0.

Казалось бы, с небольшим перевесом преимущество остается за формой м. р. (45 — 32/13, ж. р. 42 — 28/14), что соответствует словарной подаче. Однако хронологически и стилистически корпусные примеры различаются: формы м. р. преобладают в классической поэзии (Карамзин 1794, Жуковский 1809, Тютчев 1819, Шишков 1821, Мережковский 1890, Иванов 1902, Нарбут 1923, Набоков 1937), в прозе пер. пол. XX в. (Катаев 1936, Набоков 1937, Осоргин 1942), в стилизующей литературе (Орлов 1980, Юзефович 2001), тогда как формы ж. р. — в более современных контекстах. Интересно, что обратную картину демонстрируют лексемы *анемон-животное* и *ветреница*. Для первого слова в современном употреблении преобладают формы м. р., для второго конкуренция между омонимами заканчивается в пользу растения: если в текстах XIX в. преобладает *ветреница-кокетка*, то в текстах 2000-х гг. — *ветреница-растение* (ср. еще один омоним: *Возле домов москвичи ставили «цоглы с ветреницами» — мачты с флагами* (Б. В. Шергин. Слово о Москве. 1930–1960).

Конечно, сравнительно небольшое количество примеров не позволяет делать далеко идущие выводы, но дает возможность проследить опре-

деленную тенденцию к преодолению вариативности и разграничению омонимов.

Ср. примеры:

м. р.:

*Мне было жалко, что белые весенние цветы в засушенном виде всегда желтеют: майники, ландыши, грушовки, линея, подснежник, розовая кислица, лесной **анемон**, прелестный сибирский княжик и тот ароматный столбик, который по-местному назывался римской свечой (М. А. Осоргин. Времена. 1942).*

*Ковер из диких **анемонов** затягивал подножие сопок, но за рекой все как-то резко и грозно менялось (Л. Юзефович. Князь ветра. 2001).*

*Подобно как в саду, где роза с нежным крином,
Нарцисс и **анемон**, аврикула с ясьмином
И тысячи цветов
Пестреют на берегу кристальных ручейков,
Не знаешь, что хвалить, над чем остановиться,
(Н. М. Карамзин. Послание к женщинам. 1796).*

*Далече стелет челн лазурные тропы;
Белеет **анемон**, и дышит цвет миндальный,
И легкий пар таит волной фаты венчальной
Весны полуденной неслышные стопы.
(В. И. Иванов. Весна. 1902).*

ж. р.:

*После смыкания крон деревьев под пологом леса появляются белые или бледно окрашенные цветы <...>. Среди них — **ветреница, или анемона** (Е. Лапина. «И начало все расти и распускаться» // Наука и жизнь. 2007).*

*Это был неизвестно откуда попавший в наш сад и расцветший второй раз цветок лесной **анемоны** (К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы. 1946).*

*Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней **анемоны**,
В одном из окон полудетский лик.
(М. И. Цветаева. Встреча. 1906–1912).*

‘животное’:

*Наблюдали морскую **анемону**, относящуюся к виду *Actinia mesembryan-thetit*, которая прожила 66 лет (И. И. Мечников. Этюды оптимизма. 1907–1913).*

Теперь можно было видеть, как Рудольф шагает по рифу, осторожно ставя ноги то в колонию грибовидных кораллов, то между ярких **анемонов** (С. Жемайтис. Большая лагуна. 1977).

...ядовитая актиния, или **анемон**, метровое животное-растение шевелит щупальцами и ждет добычу (Л. Саксон. Принц Уэльский // Октябрь. 2001).

ветреница:

Вон там еще желтеют **ветреницы** — это первые весенние цветы на Урале, с тонким ароматом и меланхолическою окраской (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца. 1890).

Колокольцы, кукушкины слезки, майничек, таежная **ветреница**. Все тут цветы долговязы, зеленью бедны, к свету тянутся (В. Астафьев. Последний поклон. 1968–1991).

В английском садике высажены многолетние травянистые лесные, теневыносливые растения — аризема, хоста, ландыш, **ветреница (анемона)**, медуница (Л. Плотникова. Зеленый музей // Ландшафтный дизайн. 15.09.2002).

Ср. также интересный контекст, диссонирующий со словарным значением:

Анемоны — рано цветущие травянистые растения, например подснежники, ветреницы, веснухи и другие (В. А. Обручев. Плутония. 1924).

К сказанному можно добавить, что и материалы словарей, и корпусные примеры позволяют увидеть, что раньше вариативность была сильнее. Так, «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (цит. по [Словари и энциклопедии на Академикe]) фиксирует вариант *Анемоне*, соответствующий латинскому *Anemone*, но не встречающийся в НКРЯ и — вполне справедливо — не включенный в толковые словари.

Похожая ситуация складывается с названиями популярного садового цветка — это *георгин/георгина*, или *далия*.

МАС: ГЕОРГИН, -а, м. и ГЕОРГИНА, -ы, ж. Травянистое декоративное растение сем. сложноцветных, с клубневидными корнями и крупными цветками яркой окраски. [По имени русского академика И. И. Георги]. СШв: ГЕОРГИН, -а, м. и (спец.) ГЕОРГИНА, -ы, ж. Крупное садовое травянистое растение сем. сложноцветных с большими яркими цветками; сам такой цветок. <...> От имени рус. профессора-ботаника Ю. Г. Георги, выведшего в 1802 г. этот вид цветов.

АТoS: ГЕОРГИН, -а, род. мн. георгинов, м. и (устар.) ГЕОРГИНА, -ы, род. мн. георгин, ж.

БАС-3: ГЕОРГИН, -а, м. <...> □ Устар. и в проф. речи. Георгина, -ы, ж.

БАС-3: ДАЛИЯ, -и, ж. Устар. Георгин.

Любопытно, что «типично садовое» название этого цветка, происходящего из Мексики, не совпадает с международным латинским названием *Dahlia* (в честь шведского ботаника А. Даля), являясь специфически русским (в России он был назван в честь русского ученого Иоганна Готлиба, или Ивана Ивановича, Георги). Словари расходятся в оценке вариантов: если лингвистические словари отдают предпочтение варианту *георгин*, то ботанические, и в особенности садоводческие, источники указывают исключительно вариант *георгина* (в популярной переводной литературе для садоводов встречается и *далия*). Корпусные примеры распределяются следующим образом:

георгин

НКРЯ Найден 341 документ, 497 вхождений.

ПК НКРЯ Найдено 59 документов, 63 вхождения.

георгина

НКРЯ Найдено 296 документов, 425 вхождений.

ПК НКРЯ Найдено 57 документов, 61 вхождение.

далия

НКРЯ Найдено 16 документов, 31 вхождение.

ПК НКРЯ Найдено 3 документа, 4 вхождения.

Материал НКРЯ не подтверждает устарелость варианта *георгина*, хотя показывает, что форма женского рода действительно преобладает в садоводческих контекстах (заметим, что садоводство — занятие настолько распространенное, что едва ли может быть названо профессиональной сферой). Лексема *далия* остается редкой. Ср. примеры:

м. р.:

*Еще она несла букет, и Сереже дала нести цветы, два **георгина** на толстых ветках* (В. Ф. Панова. Сережа. 1955).

*Они отличались друг от друга, как **георгин** и ландыш* (В. А. Солоухин. Владимирские проселки. 1956–1957).

*Сквозь окошко было видно, как поднятая взрывом земля медленно распускалась большим черным **георгином** и медленно опадала* (И. Грекова. На испытаниях. 1967).

*Вижу — по дорожке идет с палочкой старичок и держит перед собой букетик **георгинов*** (Ю. Петкевич. Бессонница // Октябрь. 2002).

ж. р.:

*На столе в синей вазе с одним продолговатым бликом розовели три **георгины*** (В. В. Набоков. Король, дама, валет. 1927–1928).

*Потом я находил в книгах то засушенные цветы, то открытку с пышной **георгиной*** (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века. 1956).

Выкопка гладиолусов, монтебреции, лютиков, анемоны, георгин и клубневых бегоний (Т. Асс. Календарь земледельца // Сельская новь. 16.09.2003).
Осенью кроме герани, золотых шаров и флоксов радовать глаз будут гелениум, георгина и золотарник (А. Филимонова. Это еще цветочки! К 2020 году Москва превратится в большую клумбу // Известия. 01.12.2002).

далия:

— *Желтая далия мне будет к лицу — я брUNETка!* (И. А. Гончаров. Обрыв. 1869).

На цветниках красовались далии (георгины), лилии, гортензии, гиацинты, тюльпаны и, конечно, розы (А. Смирнова. Русский Версаль князей // Ландшафтный дизайн. 15.07.2001).

Итак, варианты хорошо известных названий могут употребляться параллельно, отличаясь тонкими оттенками значений или стилистической окраски. Однако заметная часть вариативных названий, отмечаемых в словарях, демонстрирует тенденцию к унификации или разграничению омонимов.

3.1.2. *Базилки, мирты и чинары*

Вполне объяснимо, что колебания в выборе формы слова отличают заимствованные лексемы. Тем не менее включение некоторых вариантов в толковые словари вызывает некоторые сомнения.

Название растения *базилік*, *м.* с вариантом *базиліка*, *ж.* отмечается из толковых словарей только в БАС-1 и РСС (лексема *базилік* фиксировалась в словарях иностранных слов и энциклопедиях, а затем в БАС-3 и АТoS). Это может показаться удивительным, пока мы не обратимся к НКРЯ. Действительно, *базилік* — популярное растение, которое используется в кулинарии (в частности, входит в состав «прованских трав»), но оно широко вошло в нашу жизнь сравнительно недавно — в последние два-три десятилетия. Однако вызывает вопросы включение варианта *базиліка*, превращающее название растения в частичный омоним архитектурного термина.

БАС-1: **БАЗИЛІК**, -а, *м.* и **БАЗИЛІКА**, -и, *ж.* *Бот.* Однолетнее травянистое растение сем. губоцветных; иначе: душистый василек, душка.

РСС: **БАЗИЛІК**, -а, *м.* и **БАЗИЛІКА**, -и, *ж.* Южное эфирно-масличное травянистое, полукустарниковое и невысокое кустарниковое растение сем. губоцветных, побеги к-рого употр. как пряность.

АТoS: **БАЗИЛІК**, -а, *м.* Южное полукустарниковое и кустарниковое растение сем. губоцветных, некоторые виды которого возделываются для получения эфирных масел и используются как пряность.

Ср.:

БАС-1: БАЗИЛИ́КА, -и, ж. *Архит.* Основная форма (наряду с крестово-купольной) античных и особенно средневековых церковных построек...

МАС: БАЗИЛИ́КА и БАЗИ́ЛИКА, -и, ж. *Архит.* Особый античный и средневековый тип постройки...

Ср. в [БРЭ]:

БАЗИ́ЛИКА вытянутое, прямоугольное в плане здание...

БАЗИЛИ́К род растений сем. губоцветных...

РОС: базили́к, -а (растение) и базили́ка, -и (*архит.*).

Корпусные примеры распределяются следующим образом (количество форм на *базилик*-растение выделено полужирным шрифтом):

базилик

НКРЯ Найден 251 документ, 676 вхождений.

ПК НКРЯ — 25 документов, 25 вхождений.

базилика

НКРЯ — 234 документа, 668 вхождений.

ПК НКРЯ — 27 документов, 27 вхождений.

совпадающие формы:

базилики И.-В. мн. здание 25/3 (всего 204/8), ср. также Р. ед. ж.;

базилика Д. мн. 3/1 (всего 3/1);

базиликами Т. мн. 4/0 (всего 4/0);

*базилика*х П. мн. 8/0 (всего 8/0);

*базил*ике П. ед. 55/1, **2/0** (всего 57/1);

омонимичные формы:

*базил*ик И.-В. ед. м. 42/0, **62/1**; Р. мн. ж. 0/9 (всего 105/10);

*базил*ика Р. ед. м. 136/0, **50/0**; И. ед. ж. 0/4, **3/0** (всего 189/4);

*базил*ику Д. ед. м. 0/0; В. ед. ж. 77/0 (всего 77/0);

различающиеся формы:

*базил*иков Р. мн. м. 0/0 (всего 0/0);

*базил*иком Т. ед. м. 0/0, **29/0** (всего 29/0);

*базил*ики Р. ед. ж. 176/5;

*базил*икой, *базил*икою Т. ед. ж. 23/2, **1/0** (всего 24/2), 0/0.

При этом практически все формы ж. р. и мн. ч. относятся к строению, все формы м. р. — к растению (еще встретилось 4 нестандартных примера на имена собственные), совпадение форм лексем *базил*ик-растение и *базил*ика-здание встречается только дважды: *на траве базилике* (1902), *кусус фруктовый на базилике* (2006). Исключением оказываются несколько

самых ранних примеров, где можно предположить неустоявшееся употребление:

Годовалыя растѣнія, какъ то портулакъ, базилика, бальзамины и т. п. конечно губить первый ночной морозъ (Магазинъ общепользныхъ знаний ... съ Генваря до Юня. 1795).

Путешественники превозносятъ церковь Лоретской Богоматери, церковь Нотр-Дам, Страсбургскій собор, ватиканскій базилик (Е. И. Расторгуев. Прогулки по Невскому проспекту. 1846).

Перед входомъ в пещеру, на скале, растутъ ароматическія травы — мята, базилика и др. (Е. И. Чириков. Путевой журнал. 1849–1852).

Базилика, да иссоп, да богородицына травка; <...> снизу пахло оставшимся еще на грядахъ иссопом и базиликой — травами, годными для умыванія царицы (Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова). Гроза на Москве. 1914).

Таким образом, если включение в толковые словари лексемы *базилик* вполне ожидаемо, то указание на вариативность едва ли оправданно: наоборот, мы можем здесь видеть преодоление омонимии. В других случаях уместно разведение вариантов (функциональное, стилистическое, хронологическое):

ГЕОРГИН, -а, м. и (спец.) ГЕОРГИНА, -ы, ж.;

МИРТ, -а, м. и (устар.) МИРТА, -ы, ж.; ЧИНАРА, -ы, ж. и (устар.) ЧИНАР, -а, м.;

ПОМИДОР, -а, м.; ср. (разг.) ПОМИДОРКА, -и, ж.

3.2. Развитие вариативности

Показательно, что практически в каждом случае для вариативных названий существует синоним, причем нередко более употребительный и/или общепризнанный (но не всегда отражаемый словарями). Если такого синонима нет, он может возникнуть, например, путем переноса на растение родового названия или названия одного из видов это растения (или даже какого-либо родственного или похожего растения). В других случаях один из вариантов вытесняется из употребления: иногда толковые словари это отражают, хотя зачастую словарная статья продолжает кочевать из словаря в словарь без изменений в силу лексикографической традиции. Ср.:

анемон / анемона (садовая разновидность) — *ветреница* (род);

базилик / базилика — в современном употреблении только *базилик*;

георгин / георгина — в ботанической и садоводческой литературе только *георгина*, синоним — *далия*;

гонобобель / гоноболь — *голубика* (синоним);

дурра / дурро (вид) — *сорго* (род);
кизил / кизиль (род) — *дёрен* (синоним) или *свидина* (вид); ср. также *ки-
зильник*;
лакрица / лакричник — *солодка* (синоним);
остропёстр / остропестро — *расторопша* (синоним);
тут / тута (*тутовник*) — *шелковица* (синоним);
чернобыльник / чернобыл / чернобыль (вид полыни) — *полынь* (род);
чинар / чинара — *платан* (род).

Интересно, что пара *рогоз/рогоза* в употреблении активно вытесняется словом *камыш*, т. е. названием другого, неродственного растения. В НКРЯ *камыш* встречается 3613 раз, *тростник* — 2283, а *рогоз* и *рогоза* — 167 и 117 (из них большая часть — совпадающие формы, а также фамилия *Рогозов* и другие неподходящие примеры). При этом названия *тростник* и особенно *камыш* очень часто употребляются неконкретно, по отношению к любым высоким водным растениям с характерными соцветиями. В стихотворных текстах разница еще заметнее: в поэтическом корпусе НКРЯ *рогоз* встречается только трижды, *тростник* — 481 раз, а *камыш* — 557 (возможно, потому что *камыш* *шуршат*, *шепчут* и *шелестят?*):

*О, как грустно шепчут камыши без счета,
Шелестящими шуршащими стеблями говорят.*
(К. Д. Бальмонт. Болото. 1903).

4. Акцентологические и орфографические варианты

Кратко остановимся на проблеме акцентологического и орфографического разнobia, очень характерного для словарной подачи названий растений. Ср.:

СШв: АЗÁЛИЯ, -и и (*спец.*) АЗАЛЁЯ, -и, ж. Декоративный кустарник сем. вересковых с розовыми, белыми, желтыми или красными цветками; сам такой цветок;

СУ, БАС-1, МАС, БАС-3: АЗÁЛИЯ; ср. АТоС: АЗÁЛИЯ, -и, ж. Южный кустарник сем. вересковых, с крупными цветками различной окраски.

Ср. в энциклопедических словарях:

АЗÁЛЕЯ (азалия) декоративные виды кустарников рода рододендрон [СЭС 1984];

АЗАЛЁЯ, азалия, виды рода рододендрон; назв. обычно употребляется в цветоводстве [Гиляров (ред.) 1986];

АЗÁЛИЯ (азалея), род кустарников сем. вересковых; см. в ст. Рододендрон [БРЭ].

Легко заметить, что вариант *азалия* традиционен для заимствованных названий растений в русском языке (ср. *аквилегия*, *бегония*, *кларкия*), тогда как вариант *азалея* соответствует латинскому оригиналу (*Azalea*, в отличие от *аквилегия*, *Aquilegia*), ср. *бугенвиллея/бугенвиллия*, *Bougainvillea*. Однако перенос ударения *азалéя* в авторитетном источнике остается малообъяснимым, а большинство ботанических справочников не может помочь в этом вопросе, поскольку ударение (как и другие произносительные особенности) в них не отражается: предполагается, что ботаники руководствуются правилами чтения латинского языка.

Ср. в НКРЯ:

азалия

Найдено 127 документов, 276 вхождений.

азалея

Найдено 3 документа, 6 вхождений, самый поздний пример:

*В мае наступает очередь синим **вистариям**, пионам, красным **азалеям**, белым **дейхсиям**, розовым **вигелиям*** (Д. Н. Анучин. Япония и японцы. 1907).

Отметим в этом контексте устаревшие единицы: *вистария* = *глициния*, *дейхсия* = *дейция*, *вигелия* = *вейгела*. Таким образом, в толковом словаре для варианта *азáлея* была бы более уместна помета *устар.*, а вариант *азалéя* едва ли следовало бы приводить.

Если сравнивать лингвистические словари с ботаническими справочниками, вариантов будет гораздо больше. Так, при сопоставлении редкого ботанического издания, где проставлены ударения, [Маевский 2014] и РОС [Лопатин, Иванова (ред.)] обнаруживаем соответствия: *áкси́рис* vs *акси́рис*, *бе́дренец* vs *бедренéц*, *бекма́нния* vs *бекма́ния*, *би́фора* vs *бифо́ра*, *бу́дра* vs *бу́дра*, *васи́льсник* vs *васили́стник*.

Приведенные примеры объединяет то, что эти названия отсутствуют в основных толковых словарях — и не все справедливо.

Неудивителен разнбой в названиях растений, если эти названия нельзя найти в словаре (только в последние годы они стали постепенно появляться в РОС). В последние годы выходят подготовленные специалистами ботанические определители, публикуется большое количество популярных справочников по садоводству (в том числе переводных), недостаток информации вызывает к жизни многочисленные интернет-энциклопедии — но толковые словари растительной лексикой пополняются медленно и незначительно, и разнбой увеличивается.

Однако и хорошо известная лексика, представленная в основных толковых словарях, нуждается в осмыслении, систематизации, проверке по

корпусным данным и адекватном лексикографическом описании. Для лексикографирования фитонимов требуется системная подача вариантов названий растений и разных названий одного растения, разграничение омонимов и значений многозначных слов, стратификация разных типов названий растений, и прежде всего — системное использование помет.

Источники

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 10.06.2022).

Маевский П. Ф. Флора средней полосы европейской части России. 11-е испр. и доп. изд. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2014. 635 с. (1-е изд. 1892.)

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.06.2022).

Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.06.2022).

Советский энциклопедический словарь. Прохоров А. М. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1984. 1633 с.

Литература

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Имп. Академия наук, 1878. 646 с.

Гиляров М. С. (гл. ред.). Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. 891 с.

Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1 – СПб.: Наука, 2004–.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1981–1984.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010. 939 с.

Крысин Л. П. (отв. ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.

Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://orfo.rustlang.ru/> (дата обращения: 10.06.2022).

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1935–1940.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Т. I. М.: Азбуковник, 2002. 800 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

- Annenkov N. I. *Botanicheskii slovar'* [Botanical dictionary]. St. Petersburg, Imp. Akademiya Nauk Publ., 1878. 646 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. The 2nd edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Gilyarov M. S. (ed.). *Biologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Biological encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1986. 891 p.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. T. 1–. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–.
- Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 939 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Academic explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1: A – Vilyat'; Vol. 2: Vina – Gyaur. Moscow, Publ. House YaSK, 2016.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Available at: <http://orfo.ruslang.ru/> (accessed 10.06.2022).
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Vol. I. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 800 p.
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern standard Russian language]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, 1948–1965.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, 1935–1940.
- Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar' inostrannykh slov* [New dictionary of foreign words]. The 3rd edition. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1040 p.
- Zaloznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key notions of the Russian linguistic worldview]. Moscow, Yazyki Slavyanskoii Kul'tury Publ., 2005. 540 p.

О глаголе *вакцинировать* в современной речи

Екатерина Михайловна Мельникова, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (Россия, Ярославль),
em09@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170021741-4

АННОТАЦИЯ: В статье описано функционирование в современной речи глагола *вакцинировать*. Ситуация пандемии активизирует не только производство новых единиц и появление новых значений, но и использование слов определенных тематических групп — таковым является данный глагол, заимствованный еще в XIX веке, употреблявшийся в книжной речи и получивший в словарях помету *спец.* Отмечается, что в современной речевой ситуации этот глагол и производные гнезда «вакцина», получив статус «слова года», входят в широкое употребление. Расширение сферы функционирования данных единиц и их использование в экспрессивно-оценочных конструкциях, в частности в метафорических образах, подтверждает тенденцию к детерминологизации и нейтрализации в современном языке. Описано грамматическое свойство двувидовости глагола *вакцинировать* — оно реализуется во всей парадигме и либо приводит к неоднозначности интерпретации, либо устраняется средствами контекста и перфективацией с помощью приставок *про-*, *от-*, *за-*, *с-*. Указывается, что одним из распространенных способов косвенного обозначения видового значения глагола *вакцинировать* в современной публицистике является своеобразная «переключка» газетного заголовка, содержащего данный глагол, и подзаголовка, в котором данный глагол замещается синонимом определенного вида.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вид, двувидовой глагол, способы устранения видовой омонимии, перфективация, детерминологизация, активные процессы в речи

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельникова Е. М. О глаголе *вакцинировать* в современной речи // Русская речь. 2022. № 4. С. 25–36. DOI: 10.31857/S013161170021741-4.

Issues of Modern Russian Language

On the Verb *Vaccinate* in Modern Speech

Ekaterina M. Melnikova, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Russia, Yaroslavl), em09@mail.ru

ABSTRACT: The article describes the functioning of the verb *vaccinate* in modern speech. The situation of a pandemic activates not only the production of new units and the emergence of new meanings, but also the use of words of certain thematic groups. The verb *vaccinate* is one example of a word assimilated during the pandemic. It was borrowed in the 19th century and used in literary language and received a special label in dictionaries. It is noted that in the modern speech this verb and derivatives of the nest ‘vaccine’, having received the status of ‘the word of the year’, are widely used. The expansion of the sphere of functioning of these units and their use in expressive-evaluative constructions, in particular in metaphorical images, confirms the tendency towards determinologization and neutralization in modern language. The article dwells on the fact that the verb *to vaccinate* is a two-aspect verb, which is characteristic to its whole paradigm and either leads to ambiguity of interpretation, or is eliminated by means of context and perfectivation using the prefixes *pro-*, *ot-*, *za-*, *s-*. It is indicated that one of the common ways of indirectly denoting the specific meaning of the verb *to vaccinate* in modern journalism is its ‘reflection’ from a newspaper headline in a subtitle, in which this verb is replaced by a synonym of a certain type.

KEYWORDS: species, two-species verb, ways to eliminate species homonymy, perfectivation, determinologization, active processes in speech

FOR CITATION: Melnikova E. M. On the Verb *Vaccinate* in Modern Speech. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 25–36. DOI: 10.31857/S013161170021741-4.

«Коронавирусная эпоха» привносит свои изменения в русскую речь. С одной стороны, появляются новые слова и новые значения. Так, деривационные и семантические особенности неологизмов лексико-семантического поля «коронавирус» описаны в [Иваненко, Журавлева 2020], [Романик 2020], рассмотрению словообразовательных особенностей сложных слов с компонентами *корона-* и *ковид-* и их орфографической кодификации посвящена работа Е. С. Громенко [Громенко 2021], лингвокогнитивная интерпретация активных процессов в русской лексике и русском словообразовании эпохи коронавируса представлена в [Радбиль, Рацибурская, Палоши 2021]. Обобщают опыт описания динамических процессов в русском языке периода пандемии коллективная монография «Русский язык коронавирусной эпохи» и «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021].

С другой стороны, ситуация пандемии активизирует использование в речи слов определенных тематических групп, повышая частотность употребления тех или иных языковых единиц. Одним из таких слов становится в современной речи глагол *вакцинировать*.

Статистика словоупотреблений этого глагола и его форм показательна: так, в основном корпусе НКРЯ фиксируется 265 вхождений, в газетном — 249 вхождений — небольшое количество контекстов объясняется тем, что охват документов ограничен 2019 годом в газетном и 2014 годом в основном корпусе. В то же время поисковый запрос в системе «Google» за 2019–2021 гг. в отношении только формы *вакцинировать* представляет 164 000 результатов (по данным на 05.12.21).

Слово *вах* («вакцина», «вакцинация», «вакцинировать») признано составителями Оксфордского словаря словом 2021 года: «Вах — сравнительно редкое слово, но к сентябрю 2021-го его стали употреблять в 72 раза чаще по сравнению с сентябрем 2020-го... Само слово *vaccine* («вакцина») за последний год стало встречаться в два раза чаще, а его производные *vaccinate* («вакцинировать») и *vaccination* («вакцинация») — в 34 и 18 раз чаще соответственно» [Морозова 2021].

Слова с латинским корнем *vaccina* давно заимствованы русским языком: «Словарь современного русского литературного языка» (БАС-1)¹ отмечает фиксацию слов *вакцинация*, *вакцина*, *вакцинатор* в словарях XIX века [Чернышев (ред.) 1948–1965]. Отдельной статьи для глагола *вакцинировать* в БАСе-1 нет, однако глагол упоминается в гнезде к слову *вакцина*.

Если обратиться к основным толковым словарям русского языка, изданным в XX–XXI вв., то глагол *вакцинировать* представлен в них следующим образом. Его нет в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (ТСУ), но есть статьи для слова *вакцина* с пометами *бакт. мед.* и *вакцинация* с пометой *мед.* [Ушаков (ред.) 1935–1940]. Отметим, что и в БАСе-1 толкование существительного *вакцина* сопровождается пометой *мед.*

«Малый академический словарь» (МАС) фиксирует глагол *вакцинировать* с пометой *мед.* [Евгеньева (ред.) 1981–1984].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (СО) 1968 года издания отмечено только слово *вакцина* с пометой *спец.* [Ожегов С. И. (ред.) 1968: 64]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ) глагол *вакцинировать* уже представлен с пометой *спец.* [Ожегов, Шведова (ред.) 2010: 67], то же мы находим и в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой (СШ) [Шведова (ред.) 2007: 72].

Помета *мед.* сохраняется у глагола *вакцинировать* и в «Большом толковом словаре» [БТС: 109]. А «Большой академический словарь русского языка» (БАС-2) слова *вакцина*, *вакцинация*, *вакцинировать*, *вакциноterapia* уже не сопровождает специальной пометой [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–2019]!

Таким образом, по словарным данным, глагол *вакцинировать* долгое время не являлся стилистически нейтральным; пометы *спец.*, *мед.* свидетельствуют об ограниченной сфере его функционирования в книжной речи. Однако наблюдаемый в современной речи процесс детерминации научной лексики — вхождения терминов в общелитературное употребление — коснулся слова *вакцина* и всех производных данного гнезда. Предпосылками такого процесса Н. С. Валгина называет расширение сферы

¹ В статье используются следующие сокращения: ТСУ — «Толковый словарь русского языка» (в 4 т.) [Ушаков (ред.) 1935–1940]; МАС — Малый академический словарь («Словарь русского языка». Т. 1–4) [Евгеньева (ред.) 1981–1984]; БТС — «Большой толковый словарь русского языка» [Кузнецов (ред.) 2000]; БАС-1 — «Словарь современного русского литературного языка». В 17 т. [Чернышев (ред.) 1948–1965]; БАС-2. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–2019]; СО: Словарь русского языка. [Ожегов С. И. (ред.) 1968]; СОШ: Толковый словарь русского языка [Ожегов, Шведова (ред.) 2010]; СШ — «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Шведова (ред.) 2007].

применения термина в речепрактике, «смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления», появление экспрессивно-оценочного компонента в структуре его значения [Валгина 2003: 96–107] (ср. также замечания о «деспециализации терминов» как активном процессе в языке газет в [Русский язык конца XX столетия 2000: 84–87]). Подтверждение этому в отношении производных гнезда «вакцина» мы находим в современных контекстах, наращивающих метафорическое словоупотребление. Так, тексты газетного подкорпуса НКРЯ за 2000–2010 гг. содержат метафоры *вакцина от терроризма* (Российская газета. 03.04.2003), *вакцина от коррупции* (Комсомольская правда. 09.02.2006), *вакцина от развала СНГ* (Комсомольская правда. 06.10.2007), *вакцина от «цветных революций»* (РБК Daily. 24.10.2007), а в текстах 2011–2019 гг. количество метафор возрастает: появляются *вакцина от доморощенных диктаторов* (Комсомольская правда. 18.06.2012), *вакцина от измен* (Комсомольская правда. 16.05.2013), *вакцина от нацистского вируса* (lenta.ru. 15.10.2014), *вакцина от охватившей планету зомби-заразы* (lenta.ru. 18.09.2015), *вакцина от идеализации прошлого* (lenta.ru. 23.06.2017), *вакцина от вируса войны* (Новая газета. 14.11.2018). Если добавить к этим данным результаты поисковой системы «Google» за 2019–2021 гг., то список метафор пополнят *вакцина от глупости* (8 контекстов), *вакцина от тупости* (5), *вакцина от лжи* (4), *вакцина от жадности* (3), *вакцина от жестокости* (3), *вакцина от любви* (3), *вакцина от нацизма* (3), *вакцина от убийства* (2), *вакцина от равнодушия* (2)... — список открытый, позволяющий по модели такого «медицинского кода» создавать и иные метафорические образы.

Грамматической особенностью глагола *вакцинировать* является его двувидовость. Все перечисленные выше словари отмечают это свойство глагола пометами *св.* и *нсв.*, за исключением БАСа-1: здесь этот глагол лишен такой характеристики и имеет помету *несов.*

Способность двувидового глагола проявлять значение совершенного или несовершенного вида в зависимости от контекста по-разному интерпретируется в лингвистике. Так, В. В. Виноградов, описывая видовые пары (формы) глаголов и обращаясь к двувидовым глаголам, рассматривал видовые формы двувидовых глаголов именно как формы одного и того же слова: «Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов» [Виноградов 2001: 410]. Согласно другой точке зрения, двувидовой глагол представлен парой омонимичных глаголов: так, А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев подчеркивают, что двувидовые глаголы «представляют

собою не что иное, как пары омонимичных глаголов сов. и несов. вида» [Зализняк, Шмелев 1997: 62]; «двувидовые глаголы целесообразно считать на данном этапе парой глаголов с омонимичным инфинитивом и рядом омонимичных форм», — считает Е. А. Горобец [Горобец 2007: 268].

Класс двувидовых глаголов в русском языке пополняется за счет двух продуктивных групп: глаголов на *-овать* и глаголов иноязычного происхождения на *-ировать* (*-изировать*) [Зализняк, Шмелев 1997]. По некоторым подсчетам, количество двувидовых глаголов достигает в современном русском языке 1400 [Горобец 2009] (ср. также относительно недавно появившиеся в русской речи глаголы *ангрейдировать*, *дигитализировать*, *интерактивировать*, *татуажировать* и др.).

Глагол *вакцинировать* относится к той группе двувидовых глаголов, которые используются в значениях обоих видов во всей парадигме [Русская корпусная грамматика]. Контексты его употребления могут поддерживать значение несовершенного и совершенного вида традиционными, описанными в грамматике способами:

- сочетаниями с фазисными глаголами (*Вакцинировать подростков от ковида начнут в декабре* (<https://73online.ru>));
- образованием аналитических форм будущего времени («Насильно *вакцинировать не будут*». В Госдуме рассказали, что внесения прививки от COVID-19 в нацкалендарь бояться не стоит (<https://www.fontanka.ru>));
- использованием обстоятельств времени (*Главный врач поликлиники № 27... объяснил, что пункт успешно вакцинировал новосибирцев на этой площадке полтора месяца в начале лета* (<http://www.nso.ru>); *В Петербурге к концу января 2022 года хотят вакцинировать 80% населения* (<https://regnum.ru>));
- построением однородных рядов с глаголами соответствующего вида (*Уральским казакам запретили носить маски и вакцинироваться* (<https://www.mk.ru>); *Приглашаем Вас прийти и вакцинировать Вашего ребенка в нашу поликлинику*);
- образованием форм причастий и деепричастий (*Врач, вакцинирующий женщину в клинике* (описание рекламного плаката); *Важно понимать, что, вакцинируя население, врачи спасают жизни тем, кто рискует умереть от осложнений* (<https://mininuniver.ru>); *Глава ВОЗ: преодолеть пандемию удастся, вакцинировав 70 процентов населения всего мира* (<https://news.un.org/ru>)).

Однако не всегда контекст помогает определить значение вида у двувидового глагола. В инфинитиве, в формах прошедшего времени,

сослагательного и повелительного наклонений, действительных причастий прошедшего времени без особых условий контекста определить видовое значение глагола сложно [РГ, т. 1: 589–590]. Омонимичны и формы настоящего времени несов. вида и будущего простого сов. вида. Приведем примеры: *Гинцбург назвал «преступлением» нежелание родителей **вакцинировать** детей от COVID-19* (Газета.ру); *Босс уровня: в ФРГ медик-миллионер незаконно **вакцинировал** граждан* (<https://iz.ru>); *Какие категории граждан **вакцинируют** на Кубани* (<https://rg.ru>); *Жителей самых отдаленных населенных пунктов Новосибирской области **вакцинируют** от коронавируса выездные мобильные бригады* (<https://minzdrav.gov.ru>). Интересно в этом отношении употребление форм инфинитива в сочетании с модальными словами типа *хотеть, можно, нужно* и глаголами волеизъявления *призывать, рекомендовать, разрешить*. Анализ контекстов выявляет еще один способ определения значения вида глагола *вакцинировать*. Содержащийся в заголовке газетной статьи, этот глагол «повторяется» в подзаголовке в виде своей синонимичной замены глаголом определенного вида — таким образом мы получаем косвенное указание на нужную интерпретацию вида глагола в заголовке (ср. замечание И. П. Мучника о субституции двувидового глагола аффиксальными формами: «например, форма прошедшего времени *реставрировал* в функции несовершенного вида субституируется аффиксальной формой *восстанавливал*, а в функции совершенного вида — формой *восстановил* (содержащей нулевой видовой аффикс)» [Мучник 1966: 62]. Приведем примеры:

Заголовок: *Львова-Белова: родители должны определять возраст, с которого **можно вакцинировать** детей.* — Подзаголовок: *Вопрос о возрасте, с которого **можно проводить вакцинацию** детей от коронавируса, должны решать родители, как и в целом вопрос о проведении вакцинации* (<https://tass.ru>);

Заголовок: *В Дании **рекомендовали вакцинировать** от коронавируса детей 5–11 лет.* — Подзаголовок: *Управление здравоохранения Дании **рекомендует** детям в возрасте от 5 до 11 лет **делать прививки** от коронавируса после соответствующего решения Европейского агентства лекарственных средств* (<https://tass.ru/>);

Заголовок: *В центре Гамалеи **призвали вакцинировать** от коронавируса домашних кошек.* — Подзаголовок: *Вирусолог Национального исследовательского центра эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи, профессор Александр Бутенко выступил с призывом **прививать** от COVID-19 домашних кошек* (<https://lenta.ru>).

Подобный способ указания на вид двувидового глагола мы наблюдаем и в случае употребления его в средневозвратном залоге — *вакцинироваться*:

Заголовок: *Врачи призвали беременных в Иркутской области вакцинироваться от коронавируса*. — Подзаголовок: *Заведующие женскими консультациями... призвали во время прямого эфира 26 ноября прививаться беременным женщинам от коронавируса* (<https://www.t24.su>);

Заголовок: *В США рекомендовали вакцинироваться из-за появления омикрон-штамма*. — Подзаголовок: *Медрегулятор США рекомендовал пройти полный курс вакцинации от коронавирусной инфекции всем лицам старше пяти лет в связи с появлением нового омикрон-штамма* (<https://russian.rt.com>).

Современная речевая практика иллюстрирует стремление двувидового глагола *вакцинировать* устранить видовую многозначность. Перфектное значение начинает поддерживаться префиксами, наиболее распространенные среди которых — *про-*, *от-*, *за-*, *с-* [Гловинская 2000: 189]. Данных о «соотношении темпа кодификации приставочных и суффиксальных новообразований», как и новых заимствованных двувидовых глаголов, немного — вследствие активного роста заимствований и «постоянной дифференциации по виду» [Гловинская 2000: 190]. Не зафиксированные в словарях приставочные глаголы тем не менее активны в узусе. Наиболее употребительным здесь является глагол *провакцинировать*, формы которого фиксирует НКРЯ — 1 вхождение в основном подкорпусе и 22 вхождения в газетном, где распространена форма страдательного причастия: *Зверя удалось застрелить, у нее нашли бешенство, в связи с чем люди провакцинированы* (Московский комсомолец, 29.11.2019). Современные электронные СМИ используют и глагол *провакцинироваться* (более 3000 результатов за 2019–2021 гг., по данным Google-поиска): *Академик Гинцбург советует провакцинироваться и жить спокойно* (<https://www.vesti.ru>).

Менее употребителен глагол *отвакцинировать*, однако и он встречается в современной публицистике: *Для того чтобы нам до конца года отвакцинировать, у нас должны быть вакцинированы в сутки не менее 5 тысяч человек* (<https://www.chita.ru>).

Контексты употребления глагола *отвакцинировать* часто оценочны и выражают иронию автора сообщения. Таков, например, заголовок статьи «*“Отвакцинировать” бюджет — Компания пасынка Татьяны Голиковой “Нанолек” в поисках нового шанса заработать на COVID-19*» (<https://finance.rambler.ru>) или реплика участника одного из интернет-форумов: *Все правительство и всех депутатов надо завакцинировать или*

отвакцинировать в первую очередь, а потом, спустя полгода остальных (<https://www.9111.ru>).

Приставки *про-* и *от-*, заметно активизировавшиеся в современной речи, заимствованы, по мнению М. Я. Гловинской, из профессиональной сферы [Гловинская 2000: 193–209]. Присоединяясь к основе двувидового глагола *вакцинировать(ся)*, они, вероятно, выражают не только значение совершенного вида, но и некоторые дополнительные смысловые оттенки — действия, окончательно исполненного и завершенного (ср. замечание М. Я. Гловинской о приставке *от-*, которая «в глагольной форме СОВ в какой-то мере может сохранять свое значение ‘полного прекращения действия или процесса после достижения им определенного объема’ как семантическую тень финитного способа действия» [Гловинская 2000: 195]).

Глаголы *завакцинировать(ся)* и *свакцинировать(ся)* еще менее употребительны в качестве видовой пары совершенного вида для *вакцинировать(ся)* и представлены в основном в разговорной речи участников интернет-общения.

Совсем другая приставка — приставка *ре-* — активно присоединяется к глаголу *вакцинировать(ся)*, но не выполняет функции различения вида глагола, а имеет словообразовательное значение повторения, возобновления. Глагол *ревакцинировать(ся)* и его формы фиксируются в небольшом количестве в НКРЯ с 2002 г. Современные контексты его употребления значительно разнообразнее. Они показывают, что этот глагол сохраняет свойства двувидовости и проявляет такой же характер поведения в контекстах, как и производящий глагол *вакцинировать(ся)*.

Таким образом, современная речевая ситуация свидетельствует об активизации двувидового глагола *вакцинировать*. Пришедший в русский язык еще в XIX веке, этот глагол долгое время сохранял стилистическую маркированность, употребляясь в книжной речи и получая в словарях помету *спец.* В XXI веке этот глагол и производные гнезда «вакцина», получив статус «слова года», входят в широкое употребление, имея все шансы стать стилистически нейтральными словами. Грамматическое свойство двувидовости глагола *вакцинировать* реализуется во всей парадигме его форм и либо приводит к неоднозначности интерпретации, либо устраняется средствами контекста и перфективацией с помощью приставок *про-*, *от-*, *за-*, *с-*. Одним из распространенных способов косвенного обозначения видового значения глагола *вакцинировать* в современной прессе является своеобразная «перекличка» газетного заголовка, содержащего данный глагол, и подзаголовка, в котором данный глагол замещается синонимом определенного вида.

Источники

Горбачевич К. С., Герд А. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–17. СПб.: Наука, 2004–2019.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4, 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Ожегов С. И. (ред.). Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1968. 900 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950–1965.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Литература

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 237–304.

Горобец Е. А. Статус двувидовых глаголов в современном русском языке // Ученые записки Казанского государственного университета (Гуманитарные науки). 2007. Т. 149, кн. 2. С. 263–271.

Горобец Е. А. Двувидовые глаголы: количественный состав // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (21), ч. 2. С. 37–40.

Громченко Е. С. Новые сложные слова с компонентами *корона-* и *ковид-* в русском языке (словообразовательный и нормативный аспекты) // Русская речь. 2021. № 5. С. 40–54.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии. München: Otto Sagner, 1997. 151 с.

Иваненко А. А., Журавлева К. А. Что заразнее: оценка употребительности лексем коронавирусной эпохи // Новые слова и словари новых слов. 2020. Сборник научных статей. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2020. С. 61–68.

- Морозова О. Оксфордский словарь выбрал слово года — *вах* («вакцина», «вакцинация», «вакцинировать») [Электронный ресурс] // Meduza.io. URL: <https://meduza.io/feature/2021/11/01/oksfordskiy-slovar-vybral-slovo-goda-vax-vaktsina-vaktsinatsiya-vaktsinirovat> (дата обращения: 05.12.2021).
- Мучник И. П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 61–75.
- Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
- РГ: Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Репринтное издание 1980 г. М.: 2005. 784 с.
- Романик А. Лексические новации русского языка в период пандемии коронавируса // Новые слова и словари новых слов. 2020. Сборник научных статей. Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2020. С. 137–144.
- Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 05.12.2021).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
- Русский язык коронавирусной эпохи. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. В 2 т. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.

References

- Glovinskaya M. Ya. [Active processes in grammar]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2000, pp. 237–304. (In Russ.)
- Gorobets E. A. [The status of two-species verbs in modern Russian]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (Gumanitarnye nauki)* [Scientific notes of Kazan State University (Humanities)]. 2007. Vol. 149, book 2, pp. 263–271. (In Russ.)
- Gorobets E. A. [Two-specific verbs: quantitative composition]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2009, no. 2 (21), part 2, pp. 37–40. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [New compound words with crown- and covid- components in Russian (derivational and normative aspects)]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 5, pp. 40–54. (In Russ.)
- Ivanenko A. A., Zhuravleva K. A. [What's more contagious: assessing the prevalence of tokens from the coronavirus era]. *Novye slova i slovari novykh slov. 2020. Sbornik nauchnykh statei. Institut lingvisticheskikh issledovanii RAN* [New words and dictionaries of new words. 2020. Collection of scientific articles. Institute for Linguistic Research RAS]. St. Petersburg, 2020, pp. 61–68. (In Russ.)
- Morozova O. [Oxford dictionary chose the word of the year — *vax* (vaccine, vaccination, vaccinate)]. Available at: <https://meduza.io/feature/2021/11/01/oksfordskiy-slovar-vybral-slovo-goda-vax-vaktsina-vaktsinatsiya-vaktsinirovat> (accessed 05.12.2021).

- Muchnik I. P. [Development of the system of two-species verbs in modern Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1966, no. 1, pp. 61–75. (In Russ.)
- Radbil' T. B., Ratsiburskaya L. V., Paloshi I. V. [Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the era of coronavirus: the linguo-cognitive aspect]. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 1, pp. 63–79. (In Russ.)
- RG: *Russkaya grammatika: nauchnye trudy. V 2 t. T. 1. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Russian grammar: scientific works. In 2 volumes. Vol. 1. Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian language]. Reprint edition 1980. Moscow, 2005. 784 p.
- Romanik A. [Lexical innovations of the Russian language during the coronavirus pandemic]. *Novye slova i slovari novykh slov. 2020. Sbornik nauchnykh statei. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [New words and dictionaries of new words. 2020. Collection of scientific articles. Institute for Linguistic Research RAS]. St. Petersburg, 2020, pp. 137–144. (In Russ.)
- Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 05.12.2021).
- Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language at the end of the XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kultury Publ., 2000. 480 p.
- Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi. Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi. V 2 t.* [Russian language of the coronavirus era. Dictionary of the Russian language of the coronavirus era. In 2 volumes.]. St. Petersburg., ILI RAN, 2021.
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Pod red. G. A. Zolotovoi* [Russian language (Grammatical teaching about the word). Ed. by G. A. Zolotova]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 720 p.
- Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Leksii po russkoi aspektologii* [Lectures on Russian aspectology]. München, Otto Sagner, 1997. 151 p.

Из истории изучения произношения заимствованных слов в отечественной лингвистике

Михаил Павлович Селиванов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), selivanov.michele@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170021742-5

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена истории изучения фонетики заимствований в XIX — первой половине XX в. Именно в этот период в отечественной лингвистике складывается представление о зависимости звуковой формы иноязычного включения от: а) языка-источника и его вариантов (как диалектных, так и индивидуальных), б) медиатора заимствования (письменного источника или живой речи) и его характера (опосредованного или нет, когда, например, есть возможность наблюдать артикуляцию), в) внеязыковых обстоятельств, влияющих на появление заимствования и заимствованию сопутствующих, г) социальной обособленности распространения заимствования (как устанавливаемой, так и возможной — ср.: знание иностранного языка и личные интересы), д) времени появления в речи людей, для которых русский язык является основным. Все перечисленные факторы влияния на звуковую форму заимствованного слова (и отдельно — соотношение между некоторыми из них) появлялись в отечественной теории постепенно и в зависимости от цели конкретного исследования и никогда не рассматривались в своей совокупности. В статье представлено развитие теории фонетического освоения заимствования в русской речи и методов изучения его формы и потенциальной тенденциозности в наличии определенного варианта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заимствованные слова, процесс заимствования, звуковая сторона слова, фонетическое освоение заимствования, фонетика заимствования

для цитирования: *Селиванов М. П.* Из истории изучения произношения заимствованных слов в отечественной лингвистике // Русская речь. 2022. № 4. С. 37–47. DOI: 10.31857/S013161170021742-5.

Issues of Modern Russian Language

The Excerpts of the Study of Loanwords Pronunciation in Russian Linguistics

Mikhail P. Selivanov, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), selivanov-michele@yandex.ru

ABSTRACT: The article describes the evolution of loanword and borrowing research in XIX — the first half of XX centuries. This can be thought of as a period of establishment of the main areas of Russian general study of phonetics of borrowing: a) the influence of the donor language and the extralinguistic background; b) the role of the method of borrowing and/or the matter of the original source in its further unleashing and expansion; c) the impact of general and additional sociolinguistic (as per example, language ability and allegiance to a particular social group); d) the “sense of neology”, the time, the timeline and their role in loanword formation in Russian language.

The factors listed were never studied in their entirety. The current study dwells on development of borrowing in Russian language hypotheses and forms of data analysis used by the scientists over the period to detect sound variation and to predict its conceivable tendencies.

KEYWORDS: borrowing, loanwords, loanword phonetics, pronunciation, foreign sound development

FOR CITATION: Selivanov M. P. The Excerpts of the Study of Loanwords Pronunciation in Russian Linguistics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 37–47. DOI: 10.31857/S013161170021742-5.

Известно, что слова, пришедшие в русский язык из других языков, по-разному приспосабливаются к русской произносительной системе. Некоторые из них проходят этот путь полностью, в других словах продолжают наблюдаться «следы» чужого происхождения. Вместе с новой волной заимствований появляется необходимость не только зафиксировать нормативное произношение недавно появившихся в русском языке слов, но и решить некоторые теоретические вопросы их функционирования. Современные исследования продолжают традицию всестороннего описания заимствований, начатую в российской лингвистике еще в конце XIX в. Уже тогда в науке складывается особое отношение к звуковой стороне заимствования: «Еще при заимствовании слова следует брать следующее правило: не брать слов, которые для русского звучат странно, т. е. содержат в себе звуки или сочетания звуков, чуждые русскому языку, — слова вроде *почтамт*, *цейхгауз*» [Брандт 1883: 7–8]. В той же работе Р. Ф. Брандта описывается разделение способов фонетического освоения заимствования на так называемое «коверканье» и использование заимствованного слова людьми образованными, которые «возрастают против такого “коверканья”» [Брандт 1883: 8]. Открытыми в то время оставались вопросы: насколько кардинальное изменение оригинальной формы могло относиться к «коверканью», всегда ли оно было противопоставлено речи образованных людей, отмечалась ли в конце XIX в. некоторая потребность (артикуляционная) в искажении слова чужого, но частотного, и, если так, то что, собственно, влияло на наличие в заимствованном слове звуков или сочетаний звуков «чуждых».

Из наиболее часто упоминаемых «смежных» с фонетикой заимствования проблем можно назвать следующие: 1) «ощущение новизны» заимствования; 2) социолингвистический параметр (экстралингвистический фактор вхождения заимствования (например, изменения в политическом спектре, промышленная революция и т. д.) и социальное определение говорящего (наличие образования, факт миграции и т. д.)); 3) индивидуальная осознанность при произношении заимствования. Тема «новизны» заимствования появляется в 1896 г. вместе с выходом сборника актуальных

слов и выражений — «Ходячие и меткие слова» М. И. Михельсона. Книга представляла собой компендиум русских и иностранных лексических единиц, появляющихся, что и следует из названия, в современной автору речи с целью точного денотативного обозначения (например *аббáт*) или выражения оценки (*плея́да*) (подробнее о соотношении «новизны» и «меткости» слова см. [Михельсон 1896: 4–8]). Незадолго до этого А. И. Соболевский формулирует мысль, что распознавание **нового** иностранного слова обуславливается формой, в которой оно пребывает после вхождения в русский язык (ср. *дэ́нди*, *пресс-папье́* и, по выражению автора, «несомненно русские заимствованные слова» — *а́нгел*, *генерáл* [Соболевский 1891: 1–2]). Соболевским же отмечается тенденция русификации при заимствовании: «Главная причина трудности выделения заимствованных слов из словарного материала русского языка заключается в том, что мы, заимствуя слова из иностранных языков, не усваиваем себе иностранных звуков» [Соболевский 1891: 8], т. о., проблема заимствования становится предметом изучения этимологии и истории вхождения слова в русский язык [Соболевский 1891: 13]. Вслед за этим в 1907 г. Ф. Е. Корш дифференцирует заимствования: 1) по способу вхождения в язык (посредством письма или устной речи), 2) по фонетическим законам так называемой «среды», откуда заимствование приходит, 3) по социальным особенностям распространения заимствования [Корш 1907: 755–756]. В «Опытах объяснения заимствованных слов в русском языке» Ф. Е. Корш объясняет звуковую сторону заимствования как особенность в его артикуляции (см. комментарий к этимологии *госпо́дь* и *полоу́мный* в [Корш 1907: 757, 763 и далее]). В 1915 г. И. И. Огиенко формулирует разделение заимствованных слов по типу их восприятия людьми, для кого русский язык являлся основным: 1) слова, которые не отличаются в своем произношении от исконно русских слов (*бу́ква*, *ло́шадь*, *буты́лка*, *сте́кло*), 2) слова «чисто иностранные», но частотные (*до́ктор*, *солда́т*, *студе́нт*, *гимна́зия*), 3) «слова-варваризмы», использование которых говорит о принадлежности к «интеллигенции» (*конста́тировать*, *инду́стрия*) [Огиенко 2016: 10–11]¹. На рубеже XIX–XX вв. «актуальность» слова (см. выше) относится ко времени появления иноязычного слова: время устанавливает форму, в которой существует заимствование («Что же касается слов, заимствованных в новое время, то их иностранное происхождение обыкновенно чувствуется легко» [Огиенко 2016: 11]). При этом форма заимствования подразумевается одна, вне всякого выбора. Кажется, что это описание своего рода эталона заимствования, который не дифференцировался в связи с, например, тем, кто заимствование воспринимает или пытается воспроизвести.

¹ Год первого издания — 1915.

Итак, уже в начале двадцатого века русскими учеными формулируется тезис, что заимствование (в отрыве от его формального и семантического развертывания в языке-реципиенте) может обладать некоторым фонетическим сигналом («маркером») о своей иноземной природе.

Первая работа по дифференциации маркированности иноязычного слова публикуется в 1931 г. и принадлежит Е. Д. Поливанову. Несвойственное основной фонетической системе звучание здесь есть одновременно указание на иностранное происхождение слова и на социальную обособленность в его употреблении (при этом социальная обособленность не всегда связывается со знанием иностранного языка) [Поливанов 1931]. Так формируется деление заимствования по форме и происхождению. Согласно начатому до Е. Д. Поливанова (см. выше) выделению заимствования в связи с его происхождением, существует некоторая форма, в которой иностранное слово приходит в язык в связи, например, с тем, что пришло оно из письменной, а не устной речи (*Альгамбра* (исп. *Alhambra*) вместо *Аля́мбра*, *абонемѐнт* (фр. *abonnement*) вместо *абонемáн*, *ковенáнт* (англ. *covenant*) вместо *каванант* и т. д.). Согласно же последующему формальному взгляду, несвойственные русской фонетической системе сегменты — как отдельный звук, так и позиционно обусловленная реализация (например, парные твердые перед [э] внутри морфемы (*модѐль*) [Панов 2007: 110, 126, 148]) — появляются там, где на то есть определенная экстралингвистическая причина или отдельный социальный параметр говорящего. При этом ошибочным было бы полагать, что вариант в произношении заимствования рассматривался в отечественной лингвистике первой половины XX в. только лишь как следствие некоторого экстралингвистического или социального влияния. Л. А. Булаховский описывает вариативность заимствований по их этимологической и морфемной распределенности (европеизмов с примерами: греческий суффикс *-izm* (*-isme/-ism*) (*космополити́зм*² и *романти́зм*), «ишпанизмы, гиспанизмы и гишпанизмы» (*Дон Гуáн* и *Дон Жуáн*, *лláносы* и *лья́носы*); фиксируется «сравнительно современное произношение» *портфѐль*, *фѐльетон* («ѐ» в галлицизмах и англицизме *фешѐнебельное*)) [Булаховский 1954: 26–27]. Обращение к слову написанному, однако, как показывает время, для фонетики заимствования имеет ценность не абсолютную, а условную. Как и в других случаях анализа графики, сейчас остается малопонятным, например, был ли в слове *ме́бель* [ö], как в словах *ле́т*, *плѐтка*, *пѐсий*, или это был другой гласный, аналога которому не было в русском языке. Произношение слова, по мнению Е. Д. Поливанова, в XIX–XX вв. может определять социальную принадлежность: «Но в интеллигентской

² Здесь и далее сохранена орфография автора.

звуковой системе русского языка имеется еще третья фонема: l “среднее”, или l западноевропейского типа — вроде французского l в *la lune*, немецкого l в *Land* и английского l перед гласным» [Поливанов 1931: 148] и наблюдается в словах *ля, локомотив, локатив* и *социал-демократ* (допуск. *социаль-демократ*) [Поливанов 1931: 148] (особенности графического отображения /l-европейское/ именно в конце слога позже отмечаются Л. А. Булаховским (*Вал(ь)тер, Нельсон, Трафалгар*) [Булаховский 1954: 26]).

Соотношение взглядов на заимствование в связи с особенностями его формы и его происхождением проявляется в определении перспективы его звуковой стороны: действительно ли существование «нового» звука в русской речи объясняется происхождением слова, или это только следствие некоторого смежного с гиперкоррекцией явления у тех представителей русскоязычного населения, кто владел иностранными языками и старался подчеркнуть «иностранность» своего лексикона (*фин[ã]сы, провен[ã]сы* (*финансы, провенансы*) [Шахматов 1941: 94]). Нерешенным остается вопрос, отдавал ли произносящий (согласно формальному взгляду, см. выше) себе отчет в некотором звуковом маркировании заимствования. Вопрос о степени осознанности произношения выводит на передний план проблему соотношения графики и звуковой оболочки слова. В отечественной лингвистике эта мысль будет сопровождать изучение произношения заимствований в эксплицитной и имплицитной формах (например, у М. В. Панова [Панов 2007] и М. Л. Каленчук [Каленчук 2019]), но всегда, когда произношение так или иначе связывается с определенным кругом говорящих. «...При литературном заимствовании слово сравнительно мало поддается изменениям, чему способствует более или менее основательное знакомство с чужим языком, хотя в этом случае заимствование не всегда следует иностранному произношению слов, но нередко орфографическому обозначению их, ср. *пэр* — *peer* (произн. пир)» [Богородицкий 1935: 323]. При этом отмечается, что заимствование устное поддается большим изменениям относительно оригинала вследствие, например, «народной этимологии» (хрестоматийный пример — эволюция *бульвár* в *гульвár* [Богородицкий 1935: 323]). Знакомство с иностранным языком подразумевало некоторую читательскую компетенцию, что связывало форму заимствования с социальной принадлежностью говорящего, в терминологии Е. Д. Поливанова — «субстратом» [Поливанов 1931: 141].

В. А. Богородицкий определяет фонетику заимствований «наличностью звуковых сочетаний», свойственных языку-источнику и не свойственных языку-реципиенту (например, сингармонизм в словах тюркского происхождения: *рундúk, тумán*) [Богородицкий 1935: 324]. Наиболее подробный анализ освоения заимствования автор дает на примере греческого языка: кажется, что изучение ассимиляции и диссимиляции греческих звуков

в русской речи можно назвать началом дальнейшей субституциональной теории заимствования. Не лишним будет оговорить, что понятие субституции (когда некоторый иностранный сегмент обязательно находит «соответствующий» ему аналог в, например, русском), очевидно, есть продолжение теории обособления заимствования в связи с историей, происхождением слова, а не вариативностью его произношения. Термин «субституция» у В. А. Богородицкого встречается лишь единожды, и, думается, неслучайно: вопрос о «замене иностранной фонемы» исчезает, как только появляется некоторое социальное разграничение: «франц. *ö* (орф. *eu*) — рус. *о* (орф. *ё, е*), напр. *монтёр, сапёр, маркёр*; франц. *ü* (орф. *u*) — рус. *у* (орф. *ю*), напр. *бюрó, сюжёт*, слово *жюри* обычно произносится в образованной речи с иностранным звуком *ÿ*, как нередко и слово *брошюра*» [Богородицкий 1935: 334], — подобным образом освещаются актуальные в то время условные соответствия между [i] (орф. *i*) после шипящих и рус. [ы] (орф. *и*) в *жирондист, шиш*; [wa] (орф. *oi*) в рус. [ya] (*троттуár, будуár*) перед согласным и в рус. [oj] перед гласным (*роjаль, фojэ*); носовые французского языка находят себя в сочетаниях «чистый гласный + носовой согласный» (*лáмпа, интeрeснýй*), здесь же отмечается вариативность русской формы французского [ɛ̃] (у автора — \bar{a}) — *Сен* и *Сент* (*Saint*), *Огюстэн* (*Augustin*), *гобелэн* (*gobelin*), *бюллетён* (*bulletin*), *бассейн* (*bassin*), *тамбурин* (*tambourin*) [Богородицкий 1935: 334–335]. Социальную обусловленность варианта (например, *кул[wá]p* и *кул[ya]p*) на обширном языковом материале в дальнейшем аргументирует М. В. Панов. Если же, однако, отказаться от «взгляда из будущего», то можно найти то самое «условие» ценности графического анализа слова в определенный момент времени. Вопрос о роли непосредственно и исключительно иностранной фонемы приобретает более глубокий смысл при рассмотрении ее как артикуляционного единства. Зная, что в русской языковой системе не существует универсальных фонетических законов по ряду причин языковых [Гловинская 1971], экстралингвистических [Панов 2007] и социолингвистических [Касаткин 1989], понимание фонемы как некоторого артикуляционного единства, которое может воспроизводиться в разных звуках в зависимости не только от своей позиции, но и от факторов суперсегментной фонетики (ср. «*Это на[ш] договор, а не их*», «*Это на[ж] долг, а не прихоть*») [Касаткина 2000: 105], фактора интенции («*Нале-в[о]!*») [Светозарова 2008: 793] и факторов, сопряженных с языком вообще лишь относительно (например, мода на особое произношение слова — *а[л:]ея* (*аллэя*) в первой половине XIX в. — см., например, [Шахматов 1941: 94]), следует назвать как нельзя актуальным в контексте фонетики заимствования. Ответ на вопрос о выборе того или иного звука в заимствованном слове (например, [в] или [w] в словах типа *вóннаби* (англ. *wannabe*)) сводится

к необходимости учитывать целый ряд условий. Выявление и описание этих факторов и определяет цель дальнейшего исследования.

Что представляет из себя «артикуляционное единство» в фонетике заимствований? Это «...фонемы, заимствованные из фонологической системы другого языка, встречающиеся главным образом в заимствованных словах, что особо подчеркивает иноземный характер соответствующего слова» [Трубецкой 2000: 242]³. Важной здесь видится сама формулировка феномена. Н. С. Трубецкой не отрицал возможность произнесения «чужого» сегмента в слове «русском», там, где его быть не должно: в подобных случаях происходит некоторое случайное или, напротив, насильственное уподобление русского иностранному (условно — диссимилиция, позиция говорящего (не будет лишним оговорить, что диссимилиция здесь — исключительно артикуляторное явление, связанное с гиперкоррекцией)). Противоположное этому явление (изменение именно иностранного слова до неузнаваемости) объясняется, например, феноменом народной этимологии (условно — ассимиляцией, позицией слушающего). Н. С. Трубецкой был первым в отечественной лингвистике, кто выделял заимствования на основании ощущения статусной, неологической чуждости, которая, рано или поздно, оказывает влияние на весь принимающий язык. Частный случай поведения фонемы донора в языке-реципиенте — изменения в других группах словарного фонда: появление иностранной /f/, /f'/ в русских *простофиля*, *фуфайка*. В данном случае Н. С. Трубецким предлагается объяснение, что «переход» иностранного слова в «основной фонд» языка может происходить долго — отсюда сохранение за фонемой особого экспрессивного значения: «...простор для их использования ограничивается арготическими выражениями» [Трубецкой 2000: 243]. Сегодня кажущееся слишком категоричным замечание (ввиду изменения социальной дифференциации) об экспрессивном значении иностранной фонемы в понимании Н. С. Трубецкого остается важным в связи с уже приведенными примерами социальной обусловленности «особого» звучания заимствования. Предрасположенность языка к более точному иноязычному включению предлагается сопоставить с «многообразием сочетаний», уже существующих в языке: Н. С. Трубецкой описывает фонетическое освоение заимствования как комплекс потенциальных фонетических ошибок при изучении языка-источника. В отечественной лингвистике мысль, что погрешности при освоении иностранного языка есть сопутствующий элемент «иноязычного влияния», представлена не только в формах методологии исследования звуковой стороны заимствования: Л. В. Щерба выделяет «недостаточность усвоения» иностранного языка как условие

³ Год первого издания — 1960.

языкового контакта вообще [Щерба 1974]. Случайный дополнительный социолингвистический параметр, вроде знакомства с определенным иностранным художественным произведением или влияния еще одного возможного языка-донора, который проявляется во время исследования, может не приниматься во внимание в связи с его объяснением как феномена ослабленной «социальной обусловленности» [Щерба 1974: 66]. Кажется, что именно это «ослабление», в понимании Л. В. Щербы, приобретает совершенно особую и далеко не однозначную актуальность в XXI в., когда «смешению языков» (чит. — включению формального заимствования) на всех уровнях соответствует, естественно, ускоряющийся темп: иностранная речь в радиоприемнике, в дублированном переводе, в заголовках газет, наименовании журналов, на этикетке и, наконец, внутри русской речи, «русской» рекламы, любого «русского» сообщения. При этом социолингвистические параметры у Л. В. Щербы относятся не к группе говорящих, но к «индивиду» [Щерба 1974: 67]. Индивидуальность в произношении заимствования кажется продолжением восприятия его как слова нового, чье пребывание в языке и чей характер пребывания в языке при возможном его влиянии на слова русские определяются тем, 1) кто слушает или видит, 2) кто говорит, 3) как говорит.

Сегодня процесс заимствования можно назвать одним из основных способов обновления словарного состава русского языка. Казалось бы почти утратившие лингвистическую значимость для фонетики заимствований работы ученых конца XIX — первой половины XX вв. во многом предсказывали постепенное «размытие» контраста между фонетическими системами русского и иностранного языков. Полученные на основании их изучения положения о степени осознанности выбора звуковой формы заимствования и влиянии на произношение социолингвистического параметра и чувства новизны приобретают особую актуальность именно сегодня, когда заимствование перестает рассматриваться как явление волнообразное и становится перманентным и усиливающимся, и во многом помогают установить перспективы дальнейшего исследования фонетики заимствований.

Литература

- Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М., Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 357 с.
- Брандт Р.Ф. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов: Речь, сказанная на годичном акте Нежинского Историко-Филологического института 1882 г. 30 августа профессором Романом Брандтом. М.: б. и., 1883. 23 с.

- Бромлей С. В. и др. Русская диалектология: Учеб. для студентов пед. Ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
- Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. 468 с.
- Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 54–96.
- Каленчук М. Л. Особенности произношения заимствованных слов в русской литературной речи начала XXI века // Русский язык за рубежом. 2019. № 2. С. 4–8.
- Касаткина Р. Ф. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последнее десятилетие // Слово в тексте и словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 102–108.
- Корш Ф. Е. Опыты объяснения заимствованных слов в русском языке. СПб.: Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, VI серия, 1907. Т. 1, выпуск 17. С. 755–768.
- Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. М.: Либроком, 2016. 136 с.
- Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: КомКнига, 2007. 456 с.
- Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 139–151.
- Светозарова Н. Д. О полном и сверхполном типе произнесения и его отражении в тексте художественного произведения // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 787–797.
- Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. СПб.: СПб. ун-т, Литогр. Д. Руднева (Литогр. рукопись), 1891. 128 с.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
- Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. [Лекции 1911–1912 гг.] Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
- Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 60–74.

References

- Bogoroditskii V. A. *Obshchii kurs russkoi grammatiki* [Russian grammar general course]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe Sotsial'no-Ekonomicheskoe Izdatel'stvo Publ., 1935. 357 p.
- Brandt R. F. *Neskol'ko zamechanii ob upotreblenii inostrannykh slov: Rech', skazannaya na godichnom akte Nezhinskogo Istoriko-Filologicheskogo instituta 1882 g. 30 avgusta professorom Romanom Brandtom* [Several statements on the loanword usage: Nezhinskiy Historical-

- Philological Institute annual proceedings report by prof. R. F. Brandt on 30th of August, 1882]. Moscow, 1883. 23 p.
- Bromlei S.V. et al. *Russkaya dialektologiya: Ucheb. dlya studentov ped. in-tov po spets. no. 2101 "Rus. yaz. I lit."* [Russian dialectology: Textbook for university students on specialty no. 2101 Russian Language and Literature]. Pod red. L.L. Kasatkina [edited by L.L. Kasatkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 224 p.
- Bulakhovskii L.A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka* [First half of the XIX century Russian literary language]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1954. 468 p.
- Glovinskaya M.Ya. [On one phonological sub-system in modern Russian language]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [Evolution of phonetics in modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 54–96. (In Russ.)
- Kalenchuk M.L. [Features of pronunciation of loan words in the Russian standard speech of the beginning of the XXI century]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2019, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.)
- Kasatkina R.F. [About last decade Russian prosodic changes]. *Slovo v tekste i slovare: Sbornik statei k 70-letiyu akademika Yu.D. Apresyana* [Dictionary word and text word. Dedicated to 70th jubilee of Y.D. Apresyan]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 102–108. (In Russ.)
- Korsh F.E. [Russian language borrowing theory research]. St. Petersburg, Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk, VI seriya, 1907, vol. 1, no. 17, pp. 755–768. (In Russ.)
- Ogienko I.I. *Inozemnye ehlementy v russkom yazyke: Istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkii yazyk* [Russian language foreign items: The history of loanwords entry into Russian language]. Moscow, Librokom Publ., 2016. 136 p.
- Panov M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [Evolution of Russian standard pronunciation in XVIIIth–XXth centuries]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 456 p.
- Polivanov E.D. [Intelligentia language phonetics]. *Za marksistskoe yazykoznanie* [After Marx glossology]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, pp. 139–151. (In Russ.)
- Shakhmatov A.A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Lektsii 1911–1912 gg.* [Notes on modern Russian literary language. 1911th–1912th course]. Vol. 1. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 288 p.
- Shcherba L.V. [On confusion of tongues phenomenon]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech production]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 60–74. (In Russ.)
- Sobolevskii A.I. *Russkie zaimstvovannye slova* [Loanwords in Russian language]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., Litogr. D. Rudneva (Litogr. rukopis) [Lit. Scr.], 1891. 128 p.
- Svetozarova N.D. [On full and hyper-full types of pronunciation and their reflexion in literary text]. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu Sandro V. Kodzasova* [Phonetics and non-phonetics. Dedicated to 70th jubilee of Sandro V. Kodzasov]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008, pp. 787–797. (In Russ.)
- Trubetskoi N.S. *Osnovy fonologii* [The basics of phonology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 352 p.

Из истории русского языка

Комментарий к «Грамматике» Алипия (Гамановича): § 1. Церковнославянская азбука, § 2. Употребление и произношение букв

Иван Сергеевич Добровольский, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), imperfect@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170021743-6

АННОТАЦИЯ: Впервые изданная в 1964 году «Грамматика церковнославянского языка» иеромонаха (впоследствии архиепископа) Алипия (Гамановича) и по сей день востребована специалистами по церковнославянской книжности. Однако, не являясь документированным описанием церковнославянских текстов Нового времени, «Грамматика» содержит немало неточностей и погрешностей. В условиях отсутствия альтернативной грамматики представляется уместным сопроводить классический учебник посильным комментарием, который бы отразил в той или иной степени актуальную лингвистическую характеристику церковнославянского наследия. В качестве примера в настоящей статье предлагается комментарий к § 1–2 «Грамматики», где речь идет о графико-орфографической системе. В комментарии учитывается материал оцифрованных версий ряда богослужебных книг (Евангелия, Апостола, Октоиха и др.), а также четвѣй версии Библии и Добротолюбия. В некоторых случаях в названных церковнославянских текстах обнаружены разные отклонения от орфографических правил, сформулированных архиепископом Алипием, например, вместо ожидаемых написаний гк, гг, гх в заимствованиях — находим нк, нг, нх, вместо *ї* перед гласной буквой — и, вместо *ѿ* в сложных словах — ѿ. Кроме того, в комментарии уточнен состав церковнославянских графем, стоящих в строке, в частности, обоснована возможность выделения особой графемы *ѣ* (ижицы с кендемой).

И. С. Добровольский. Комментарий к «Грамматике» Алипия (Гамановича): § 1. Церковнославянская азбука...
I. S. Dobrovol'skii. Commentary on the *Grammar* by Alypy (Gamanovich): § 1. The Slavonic Alphabet, § 2. The Use...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык Нового времени, графика, орфография, корпусное обследование

для цитирования: Добровольский И. С. Комментарий к «Грамматике» Алипия (Гамановича): § 1. Церковнославянская азбука, § 2. Употребление и произношение букв // Русская речь. 2022. № 4. С. 48–62. DOI: 10.31857/S013161170021743-6.

благодарности: Выражаю благодарность А. А. Плетневой и А. Н. Хитрову за поддержку, помощь и советы при подготовке статьи.

From the History of the Russian Language

Commentary on the “Grammar” by Alypy (Gamanovich): § 1. The Slavonic Alphabet, § 2. The Use and Pronunciation of the Letters

Ivan S. Dobrovol'skii, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), imperfect@yandex.ru

ABSTRACT: First published in 1964 *Grammar of the Church Slavonic Language* by Hieromonk (later Archbishop) Alypy (Gamanovich) is still highly regarded by specialists in Church Slavonic studies. However, not being a documented description of Church Slavonic texts of the early modern period, the *Grammar* contains many inaccuracies and errors. In the absence of an alternative grammar, it seems appropriate to accompany the classical textbook with a feasible commentary, which would reflect to some degree the actual linguistic analysis of the Church Slavonic texts. This article offers a commentary on § 1–2 of the *Grammar*, which deals with the graphic-orthographic system. The commentary takes into account material from digitized versions of a number of liturgical books (the Gospel, the Apostle, the Octoechos, etc.), as well as the Bible and the Philokalia. For instance: we

find нк, нг, нх instead of the expected гк, гг, гх in borrowings; н before a vowel instead of ѣ; ѿ in compound words instead of ѿ. In addition, the commentary specifies the inventory of the Church Slavonic graphemes; in particular, it provides a rationale for distinguishing a special grapheme ѵ.

KEYWORDS: Church Slavonic of modern period, graphics, orthography, corpus-based study

FOR CITATION: Dobrovol'skii I. S. Commentary on the "Grammar" by Alypy (Gamanovich): § 1. The Slavonic Alphabet, § 2. The Use and Pronunciation of the Letters. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 48–62. DOI: 10.31857/S013161170021743-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: I express my gratitude to A. A. Pletneva and A. N. Khitrov for their support, help and advice in preparing the article.

«Грамматика церковнославянского языка» Алипия (Гамановича), впервые изданная в 1964 г., до сих пор является по большому счету единственной книгой об орфографии и языке церковнославянских текстов Нового времени в целом¹. Задуманная иеромонахом (впоследствии архиепископом) Алипием как учебное пособие для семинарий и более широкого употребления [Алипий 1991: 16], «Грамматика» довольно активно используется современными исследователями церковнославянской книжности, хотя изначально не претендовала на документированное описание соответствующих текстов. Причем зачастую лингвистические данные извлекаются из книги Гамановича безоговорочно, как если бы это была научная монография, а не опыт написания учебника, принятый нефилологом. Между тем, хорошо известно, что «Грамматика» не свободна от погрешностей. Часть из них бросается в глаза. Например, утверждение, согласно которому «слово гдѣ в косвенных падежах един. числа склоняется по твердому склонению» [Алипий 1991: § 35, п. 7], по меньшей мере неточно, поскольку в церковнославянских текстах есть формы гдѣи и гдѣиѡ. А когда, описывая соответствия между полногласием и неполногласием, Гаманович замечает, что «слово „пелена“ в современном церковнославянском языке употребляется с таким же сочетанием, как и в русском: пеленѧ (вместо др.-сл. плѣна)» [Алипий 1991: § 14, примеч.],

¹ «Значительное число выпущенных с учебными целями популярных грамматик церковнославянского языка не представляют интереса в научном отношении» [Кравецкий, Плетнева 2001: 17]. Это утверждение остается во многом верным и для пособий, изданных за последние 20 лет.

то совершает фактическую ошибку, потому что в старославянских текстах (как и в древнерусских) представлено только *пелена*.

Иные недочеты проявляются в «Грамматике» после тщательного изучения церковнославянского материала. Так, из учебника можно заключить, что «изменение гортанных в свистящие» [Алипий 1991: § 11, п. «а»], т. е. эффект второй палатализации, — это церковнославянская особенность, не знающая отклонений; на практике, однако, в ряде случаев этот эффект отсутствует, ср. на *ко́лѣчкѣ*, *ко влѣгѣ*, *кѣ сноухѣ*, *ѡ сімѡнѣ колухѣ*, *ѡрѣкнѣа*, *ѡжгнѣтѣ* и др. В реальных церковнославянских текстах встречаются написания, нарушающие принципы, в соответствии с которыми «шипящие звуки... не сочетаются с... о» и «сочетание ц с о церковнославянский язык не допускает» [Алипий 1991: § 8, п. «а», «в»], ср. *поджѡгъ*, *шѡлкъ* (от 'шѣлк'), *шѡгла* 'шест, мачта', *развѡйничѡ*, *мѣгѣацѡгѡлѡхъ* и др. Подробнее об этих и других явлениях см. [Добровольский 2021].

Примеры погрешностей в книге Гамановича легко умножить, причем настолько, что становится очевидной необходимость новой церковнославянской грамматики. Однако, с одной стороны, ее создание — дело крайне трудоемкое и вряд ли выполнимое в ближайшем будущем, с другой стороны, даже когда такая грамматика появится, она не вытеснит моментально из научного оборота книгу Гамановича, так как инерция цитирования последней слишком велика. В этих обстоятельствах представляется уместным сопроводить классический учебник посильным комментарием, который бы отразил в той или иной степени актуальную лингвистическую характеристику церковнославянского наследия.

Ниже предлагается комментарий к § 1–2 «Грамматики», где речь идет о графико-орфографической системе. Оговорим некоторые детали. Во-первых, необходимо учитывать существование различных изданий «Грамматики». Вот что писал архиепископ Алипий в своей автобиографии:

В результате преподавания в течение нескольких лет мной была составлена «Грамматика церковнославянского языка». Свято-Троицкий монастырь [в Джорданвилле. — И. Д.] издал ее в 1964 г. Повторное издание с некоторыми поправками было в 1984 г. Протоиерей Иоанн Шо (Shaw) перевел мою грамматику на английский язык, и она была издана Свято-Троицким монастырем в 2001 г. В английском тексте я сделал еще некоторые поправки. ...Мне было очень приятно узнать, что моя грамматика приносит пользу и на Русской земле. В России было, кажется, два репринта: в 90-х гг. в России появилось переиздание первого варианта — 1964 года. Я немного расстроился, поскольку издание 1984-го значительно лучше, я что-то усовершенствовал, что-то добавил... Но мне разъяснили, что в 1964 году еще не было закона об авторском праве, потому и выбрали этот вариант, чтобы я не мог предъявить

претензий. А я и не собирался ни с кем ссориться. Наоборот, я очень рад, что моя книга пригодилась, что по ней учатся, что она нашла своего читателя [Алипий 2009].

Комментарий дается к тексту второго издания [Алипий 1991a]. При этом отмечаются отличия от первого и третьего (английского) издания [Алипий 1991; Алипий 2001]; в комментарии они обозначены как «1-е изд.» и «3-е изд.»².

Во-вторых, следует решить вопрос о церковнославянских источниках, которые нужно иметь в виду при составлении комментария. На какие тексты опирается «Грамматика», не вполне ясно. Гаманович приводит «Список цитируемых книг», но без выходных сведений: «Книги Свящ. Писания (Ветхого и Нового Завета), Богослужбные минеи (12 месяцев), Октоих, Триодь, постная и цветная, Часослов, Службник: утренняя, вечерняя, литургия... [далее перечисляются виды литургий. — И. Д.], Требник, Правильник, Пролог» [Алипий 1991a: 265]. В принципе можно было бы придерживаться этого списка (отобрав издания, которые предположительно были доступны Гамановичу), и тогда комментарий стал бы проверкой того, насколько аккуратно автор проанализировал эти источники. Неизвестно, однако, как именно Гаманович их использовал (в частности, изучал ли целиком или ограничивался избранными фрагментами), а значит, такая проверка едва ли осмысленна. Кроме того, существенно, что современные исследователи, как правило, судят по «Грамматике» о церковнославянском языке в целом, поэтому, на наш взгляд, при составлении комментария целесообразно исходить из более широкого круга источников.

В комментарии учитывается материал оцифрованных версий следующих книг³ (точкой показаны используемые далее сокращения; библиографию см. в разделе «Источники»): Ап.остол служебный, Ев.ангелие служебное, Ирм.ологий, Мин.ея служебная, Общ.ая минея, Окт.оих, Постн.ая триодь, Праздн.ичная минея, Пс.алтирь следованная, Служ.ебник, Тип.икон, Треб.ник, Цветн.ая триодь, Час.ослов. Перечисленные источники

² Сравнение первого и второго издания частично облегчается тем, что исправления и дополнения во втором издании набраны особым шрифтом. Поскольку второе издание повторяет верстку первого с минимальными изменениями, при ссылках на второе издание номера страниц, как правило, не указываются.

³ Электронные тексты взяты с сайта orthlib.ru и преобразованы в стандарт Юникод (unicode.org) с помощью пакета Lingua-CU, разработанного А. А. Андреевым (sci.ponomar.net). Эти тексты содержатся также в церковнославянском корпусе НКРЯ (ruscorpora.ru), который используется в ряде случаев как вспомогательный инструмент анализа; нужно учитывать, однако, что НКРЯ малоприменен для исследования графико-орфографической системы, см. об этом: [Добровольский 2021: 70, сноска 3]. Поскольку в ходе оцифровки в электронных текстах неизбежно возникали расхождения с печатными оригиналами, все сомнительные, выбивающиеся из общих закономерностей случаи были по возможности проверены по изданиям.

образуют определенное единство с точки зрения их литургической функции и места издания: это богослужебные книги, напечатанные в Москве. Кроме того, могут также привлекаться петербургская Библия (содержащая не служебную, а четью редакцию Священного Писания) и московское Добротолюбие (собрание святоотеческих сочинений). Совокупность исследованных источников в дальнейшем может называться корпусом.

При цитировании текстов корпуса указывается сокращенное наименование источника и количество употреблений, если их больше одного, например: *ѡ҃бѣнныѣ* Мин. 4; это значит, что написание *ѡ҃бѣнныѣ* встретилось в Минее служебной 4 раза. Для частотных примеров дается их общее число без подсчетов употреблений в каждом источнике: *вѣдѣнѣ ѣзю* 12 в Ев., Мин., Треб. и др.; заметим, что «и др.» после серии источников означает 'и в других источниках'. Если иллюстрируется явление, общее для всего корпуса, указание на источники может опускаться; кроме того, ряд словоформ может заменяться леммой: Р. ед. *кѣнѣ* 377, *пагкрѣтѣи* 25. Адреса примеров, отмеченных в метатексте или в оригинальных службах минейных текстов (а также в упоминаниях славянских святых на литии и в некоторых других случаях), снабжаются пометами «М» и «О» соответственно: *ѡ҃҃ѣнныѣ* Служ-М, *злѣчноѣ* Мин-О⁴. В адресе примера из метатекста оригинальной службы даётся только помета «М». Орфографическое и языковое варьирование, несущественное для анализа конкретного явления, отражается с помощью знака //: *ѡ҃҃ннѣи*//*ѡ҃҃ннѣи* (при анализе выбора между *гг* и *нг*).

Комментарий прежде всего нацелен на уточнение изложенных в «Грамматике» сведений о церковнославянском узусе *Нового времени*. Поэтому, как правило, не отмечаются явления, не описанные Гамановичем, и не комментируются экскурсы диахронического плана (о носовых гласных, о происхождении шипящих и т. п.), в том числе исторический очерк из «Введения». Кроме того, игнорируются различные некорректные и/или устаревшие формулировки («звук *ѣ*», «твердые гласные» и т. п.).

Настоящая работа не претендует на фундаментальное осмысление обнаруженных несоответствий между сведениями, изложенными в «Грамматике», и данными церковнославянского корпуса; такое осмысление (включая обсуждение полученных результатов и выводы) выходит за рамки собственно комментария и должно быть выделено в самостоятельную задачу.

⁴ Метатекст — это богослужебные указания, различные пояснения к основному тексту и т. п., например: *кѣнѣ... во ѡ҃҃ѣнныѣ прѣгѣборшесѣ кѣслѣстѣи, никѣкоже да ѣмать вѣбѣи* Служ-М, *переведенѣ ѡ҃҃ прѣгѣтѣгѣ грѣчѣскагѣ ѡ҃҃зѣка* Добр-М. Под оригинальными понимаются переводные службы, созданные на Руси и в других славянских странах в Средние века и в XVIII–XX вв. (написание *злѣчноѣ* представлено в службе собору преподобных отцов Киево-Печерских). Метатекст и оригинальные службы могут иметь орфографические и языковые особенности, отличающие их от прочих текстов корпуса.

§ 1. Церковнославянская азбука

С. 17. В церковнославянском языке 40 букв.

В алфавите, приведенном в «Грамматике», отсутствуют: графема⁵ ѿ и графема ѿ, т. е. начертание омеги с так наз. «великим апострофом», которое используется в корпусе вместо ѿ в междометиях ѿ, ѿле и ѿ, ѿтѣ (им посвящен § 117, где, однако, ѿ специально не обсуждается).

Можно также выделить особую графему ѿ — ижицу с кендемой. В самом деле, ѿ (без надстрочных знаков) передает в грецизмах фонему /в/, а ѿ — фонему /и/, ср. ѿгѣтѣ, кѿмѣлѣ. Графическое противопоставление в паре ѿ — ѿ в сущности такое же, как в паре и — ѿ: в обоих случаях надстрочный знак (кендема ѿ и так наз. «краткая» ѿ) «превращает» одну графему в другую и как бы становится ее частью⁶, в связи с чем показательно, что в составе прочих графем ни кендема, ни «краткая» не употребляются⁷. Написания ѿ, ѿ, ѿ и ѿ (ижицы с вариет в корпусе нет) можно рассматривать как позиционные варианты ѿ, ср. ѿлѣпѣ, дѿнѣсѣ дѣлѣ, ѿпостѣсь, ѿдра 'гибра'. Кендема над ѿ уступает место оксии, каморе, знаку придыхания и исо (т. е. комбинации оксии и придыхания) точно так же, как это делают две точки над і, ср. ітѣхѣ и ітѣхѣ, дѣтѣ ка.ісѣмы, іпподрѣмѣ, ікогѣ; понятно, что такое дополнительное распределение надстрочных знаков позволяет избежать нагромождения диакритики.

Состав букв и их алфавитный порядок варьируют по разным описаниям церковнославянской графики: и и ѿ могут объединяться в некоторых грамматиках как варианты одной буквы и, таким образом, занимать в азбуке одно и то же место; напротив, ѿ и ѿ могут трактоваться как разные буквы; ѿ может помещаться после и; буква ѿ зачастую не выделяется⁸; краткий обзор описаний XIX и нач. XX в. см. в [Плетнева 1992: 1.1]. В настоящем комментарии мы не решаем вопрос о том, какой вид должен иметь некий «канонический» церковнославянский алфавит, ограничиваясь только уточнением инвентаря графем, которые фактически используются в корпусе⁹.

⁵ Термин «графема» понимается согласно [Зализняк 2002].

⁶ Несколько иначе обстоит дело с великим апострофом ѿ, надписание которого над омегой модифицирует ее исходный вид: ѿ + ѿ → ѿ.

⁷ В то же время в истории русской письменности известны случаи, когда кендема могла функционировать как самостоятельная вспомогательная графема. Так, кендема ставится над гласными буквами в ряде восточнославянских памятников, испытавших второе южнославянское влияние, например: тѣло, нѣкто, зѣ, нѣ, см. [Гальченко 2001: 354]; в некоторых старовеликорусских рукописях кендема изредка встречается в качестве знака ударения, см. [Зализняк 2010: 206].

⁸ Однако в некоторых абecedариях [т. е. азбуках. — И. Д.] XV–XVII вв. встречается графема ѿ, см. [Зализняк 1999: 572].

⁹ Об алфавите как закреплённом культурной традицией списке и о проблеме расхождения между традиционным составом алфавита и реальным узусом см. [Зализняк 1999: § 2]. Следует заметить,

§ 2. Употребление и произношение букв

С. 18. Г в словах иностранных перед к, г, х произносится как н.

Следует добавить, что в нескольких случаях заимствования в корпусе записаны с сочетаниями нк, нг и нх: нк — *панкрати́й* Треб. (следом в тексте идет *нль пагкрати́й*), -ж Мин-О (ср. *пагкрати́й* 25); нг — *крина́* Постн.; *евангелъ* Треб.; *лонгина* Мин-О (ср. *логгинъ* 30); *пангеановъ*... *градъ* Мин.; Р. ед. *онгин* (от *онга*, мера веса и объема) Постн., Тип. 2, -ж *ми*, *онгий* 3 // *онгий* Добр., -ж Тип.; нх — *панхари́й* Треб. (следом в тексте идет *нль пагхари́й*)¹⁰.

...слова иностранные могут быть разного происхождения (греческие, латинские, еврейские, сирийские и др.); но в церковнославянский язык они вошли из греческого языка, а потому правописание их по возможности удерживается греческое.

В корпусе имеется несколько отклонений от орфографии греческого типа: 1) нк в латинских антропонимах — *конкорди́а* и *конкорди́й* Треб.; 2) нг и нх в древнееврейских антропонимах — *ангисъ*, *енгаддѣ* 2, *енгаддовыхъ*, *енгадстѣй*, *ингаддѣ*, *ингаліма*, *инганіміа*, *ингоніміа*; *анхисъ*, *анхисъ*, -а, -ѣ, *анхисовы* Библ. (ср. *анхисъ*- Библ. 18). Сочетание нг представлено также в русской лексике (по происхождению иноязычной), использованной в оригинальных службах: *архангелогородскаго*, *архангельскіа*, *берингова моръ*, *мангазейскаго*, *мангупскаго*, *монгольскіихъ*, *равангскаго*, *твнгисы*, *цынготныхъ*, Р. ед. *онгровла́хін* (от 'Венгрия'), *аренгскіихъ* Мин-О.

Ѣ пишется в начале, а ѣ в середине и в конце слов.

В нескольких случаях ѣ зафиксировано в середине слова (не для снятия омонимии, ср. ниже): 1) в начале второй части композитов — *тетроѣвліе* Тип-М 8 (ср. *тетроѣвліе* Тип-М 3), *вышеѣстѣтвенна* Добр.; 2) после приставок на *з* — *безѣленъ* Мин-О (ср. *безѣлѣнный* Постн. 2), *чрезѣстѣтвенно*, *начрезѣстѣткѣ* Добр. (ср. *чрезѣстѣтвенн*- Добр. 8, Мин-О 3). Может быть, это случайные отлеты от нормы.

...буква ѣ употребляется для отличия падежей двойственного и множественного чисел от созвучных им падежей единственного числа.

Как известно, спектр использования ѣ для графического разграничения омоформ в действительности шире. Случаи типа Зв. ед. *фариѣе* — И. мн.

что, по большому счету, инвентарь церковнославянских графем был описан в ходе добавления так наз. исторических букв в кириллическую часть стандарта Юникод [см. Unicode 2012]. В частности, в Юникод были включены единые (а не составные) символы *і*, *ѣ* и *ѵ*.

¹⁰ Сочетание гх, обычно не иллюстрируемое в учебниках церковнославянского, отмечено также в топониме *кѣхрѣн* Библ., Ап.

Фаріієє, Т. ед. Фаріієємх — Д. ед. Фаріієємх в «Грамматике» описываются в разделе «Части речи».

Согласная *з* (зело) пишется в следующих словах: *зѣздѣ*, *зѣліе*, *злѣкѣ*, *злѣ*, *зѣрѣ*, *зміи*, *зѣлѣ*.

1-е изд.: ...*зѣлѣ*, *зѣнница*.

В нескольких примерах вместо ожидаемого *з* находим *з*: *зѣздѣ* Добр., *вертоградѣ* *зѣліи*ный Библ. (Втор. 11:10), *злѣчноѣ* Мин-О; ср. в тех же источниках написания с *з*: *зѣздѣ*- Добр. 22; *зѣлі*- Библ. 11, в том числе *вертоградѣ* *зѣліи* 2 (3 Цар. 21:2); *злѣк*- (а также *злѣц*- и *злѣч*-) Мин. 42 (включая оригинальные службы). Напротив, в написаниях В. мн. *зѣнница* Мин. 4, *зѣнница* Добр. и *козлогласовѣніи*х Мин. (1 Пет. 4:3) буква *з* выступает вместо обычной для этих корней *з*, в том числе в *козлогласовѣніи*х Библ., Ап. (1 Пет. 4:3).

и пишется перед согласными. [*В сноске*:] Исключение: *сиѡна* царѣ *ѣморрейска*... может быть, для отличия от: *сиѡнѣ* — Святая гора.

Указанное исключение — не единственное. Буква *и* встречается перед гласными в следующих случаях: 1) в приставке *при*- (всего 271 раз, преимущественно в Мин. и Библ.), например, *приѣмѣ* Мин-О, *приѣднниѣ*сѣ Общ., *приѡвѣщннѣ*х Мин., *приѡвѣрѣтѣ* Мин., Библ. 4, *сприѡвѣщннѣ*шесѣ Библ., *приѡвѣщннѣ*х *ѣщи* Мин. 55, Библ., *приѡвѣбѣ* Пс., Библ., *приѡмноженнѣ*сѣ Добр. (ср. *приѣмѣ* 101, *приѣднниѣ*сѣ Общ., Мин. 2, *приѡвѣщннѣ* Добр. 2, *приѡвѣрѣтѣ* Ев., Добр. 2, *приѡвѣщннѣ*сѣ [и производные] 124, *приѡвѣщннѣ*х *ѣщи* 30 в Ирм., Праздн., Окт., Цветн. и др., *приѡвѣбѣ*х Мин-О, *приѡмноженнѣ* Добр. 2); 2) в приставке *ни*- — *ниѣдннѣ* 45, *ниѡвѣдѣ*же Постн., Добр.; 3) в конце первой части композитов — *триѡпостѣсиѡвѣ* Мин., *триѡвѣбѣдннѣ* *мѣчѣ* Общ., Пс., *шестнѣбѣ*льннѣ, *пакнѡвѣрѣтнѣ*гѡ Добр.; 4) в древнееврейских именах собственных — в названии реки *сиѡнѣ* Библ. в Сир. 24:29 (ср. в том же значении *сиѡнѣ* Библ. 3 в контекстах из Цар. 3), в именах царей *сиѡнѣ* Библ. 33, Пс. 2 (ср. название горы *сиѡнѣ*), *иѡнѣ* (и в производных) Библ. 67, Мин., Общ., Праздн., в названии местности *сиѡрѣ* (и в производных) Библ. 32; также в этнониме *ко китѣиѡмѣ* Библ.; 5) в греческом антропониме *помпнѣ* 10.

В примерах *иѡнѣ*, *сиѡрѣ*, *ко китѣиѡмѣ* и *помпнѣ* написание *и* перед гласной — это, по-видимому, вынужденная мера, позволяющая избежать столкновения двух *ї*; действительно, в корпусе две *ї* подряд (в различных комбинациях с надстрочными знаками) не обнаружены.

ї пишется: а) перед гласными, б) перед согласными в словах иностранных.

Как известно, *ї* пишется также перед *й* (ср. *мѡліи* ‘моль’, *оѡвѣиѣ*), а также в словах *миѡрѣ* ‘mundus’ (в отличие от *миѡрѣ* ‘рах’), *киѡ* (видимо, для разгра-

ничения частотных форм Р. ед. **вѣнѧ** 377 и И. ед. **вѣнѧ** 'culpa' 109) и одно-коренных, включая, например, **владѣмѣрѧ** и **вѣноградѧ**. Графический облик слова **мѣрѧ**, возможно, повлиял на написание **мѣрѣжкѧ** Мин-О (от названия реки *Мирожа* с затрудненной этимологией¹¹). Отметим еще **ѣ** в слове **сѣвѣрскѣй** Мин-О 6 (ср. **сѣвѣр**- Мин-О 43, Праздн-О 2).

ѧ пишется в начале... слова... Исключение: **ѧзыкъ**, в значении органа тела, для отличия от **ѣзыкъ** 'народ' и **ѧ** — их.

3-е изд., с. 25: ...**ѣзыкъ** in the sense of "nation, people" [often "heathen nation" — cf. Russ. "язычник" = "pagan"].

Во-первых, **ѧзыкъ** может также означать 'средство общения', а **ѣзыкъ** (во мн. числе) — 'язычники' (ср. уточнение в 3-м изд.). Во-вторых, в корпусе отмечены следующие отклонения от сформулированного правила: **на ѣкѣтѣкомѧ ѣзыкѣ, сѧ ѧзычнымѧ** ('с языческим')... **тѣчѣнѣмѧ** Мин-О, **всѧкъ ѧзю** ('недуг') **ѣсѣлѣнѣшаго оуѧзвѣннаго дѣвольскимѧ сломыслѣмѧ** Мин. (ср. **ѣзычнымѣ** 'языческими' Мин-О, **всѧкъ ѧзю** 12 в Ев., Мин., Треб. и др.). Буква **ѧ** в **ѧзю**, возможно, предвосхищает написание **оуѧзвѣннаго**.

С. 18–19. **о** пишется, обычно, в начале [слова]...; в середине слова в словах: **ѣрдѧнѧ**, **ѣоппѣѧ**, и в приставочных или сложных словах: **прѣоѣѧ**, **ѣонѣдѣже**, **первообрѧзноѣ** и под.; **ѣ** пишется: а) в словах, сложных с предлогом **ѣ**... б) для отличия падежей множ. и двойств. чисел от созвучных им падежей единств. числа... в) в словах иностранных.

1-е изд.: **о** пишется... в середине слова в словах: **ѣрдѧнѧ**, **ѣоппѣѧ** и **ѣонѣдѣже**, и в сложных словах: **прѣоѣѧ**, **первообрѧзноѣ** и под.

Реальная картина употребления **о** и **ѣ** в корпусе лишь отчасти соответствует «Грамматике». Поскольку материал здесь весьма велик (около 350 тыс. словоформ), уточнение условий дополнительного распределения и свободного варьирования этих букв нуждается в отдельном изучении. Предварительное представление может дать таблица 1, в которой собраны некоторые характерные написания, кроме тех, где **ѣ** используется для снятия омонимии, форм Р. ед. на **гѣ** (**дрѣвнѧгѣ** и др.) и Р. мн. на **-ѣкѧ**, наречий на **-ѣ**, а также ограниченного круга неизменяемых слов (в частности, **тѧкѣ**, **оуѣ**, **ѣкѣ**). Все словоформы лемматизированы (кроме приведенных в п. 3 и 5). Частотность примеров дается, если **ѣ** и **о** варьируют в одной и той же морфеме; источники при этом указываются только для редких написаний. Отметим, что выделение в таблице рубрик с корнями и приставками условно: по всей видимости, в одних случаях та или иная приставка (имеющая праславянский возраст) могла осмысляться кодификаторами

¹¹ Ю. Ю. Трусман [1897: 43] предполагает связь с эстон. *määra auk* 'барсучья яма'.

Окончание таблицы 1

После согласной буквы			
14.	В корнях после приставок 'без', 'воз', 'из', 'пред':	вѣзѡвръзныи 15 возѡвръжѣнїе Добр. 2 ѡзѡвѣржѣнїи 13 прѣдѡвѣщѣнїи ¹³	вѣзѡвръзныи 9 возѡвръжѣнїе Мин-О ѡзѡвѣржѣнїи Библ. 3, Мин-О ¹⁴
15.	В заимствованиях:	канѡнѡнѡ, ѡлѡкѡвѡ	—

и справщиками Нового времени как компонент нечленимого корня, а в других — как самостоятельная морфема, ср. [Кусмауль 2018: III.7.1]; возможно, прояснению этого вопроса поспособствует полномасштабное корпусное обследование.

С. 19. Буквы **ѡ**, **ѣ**, **ѡ** употребляются исключительно в словах иностранных.

Отметим написание **кѡ** вместо ожидаемого **ѣ** в слове **ѡѣкѡвѣржѣнїи** ѡѣсѡ Служ-М (ср. **ѡ ѡѣѣѡвѣржѣнїи** Тип-М).

Буква **ѡ**... имеет два произношения: как «в» и как «и».

О возможности выделения графемы **ѡ** см. комментарий к с. 17.

После **ѡ**, **ѣ** буква **ѡ** произносится как «в».

Этой формуле противоречит слово **пѡвѣржѣнїи** [Παῖσιος 63, где **ѡ** стоит на месте **ѡ** (а не **ѡ**); отметим также **неѡпѡстѡнѡ**, **пѡжѡдеѡпѡстѡнѡ** Добр., где буква **ѡ** стоит после **ѣ**, не восходящего к греч. **ε** (в составе **εѡ**), следовательно, читается так, как если бы находилась в начале слова. Таким образом, единственный четкий критерий выбора между чтениями [и] и [в] — наличие или отсутствие любого надстрочного знака над **ѡ**, см. комментарий к с. 17.

В некоторых случаях вместо **ѡ** в корпусе находим **ѡ**, например: **ѡвѡкѡпѡчѣрѣтѣнїи ѡлѡкѡвѡ** Треб. (ср. **ѡлѡкѡвѡ** 50), **ѡлѡкѡвѡ** Мин-О.

В прочих случаях **ѡ** произносится как «и» и над ним тогда стоит какой-нибудь знак — **ѡ**, **ѡ**, **ѡ**.

В корпусе также встретилось крайне редкое написание — **ѡ**, т. е. ижица со знаком **ѡ**: **ѡѡдрѡ** 'гибра' Добр., **ѡѡмон** Постн. (транслитерация слова ѡμνον).

¹³ Отметим также случай после приставки 'об': **ѡѡвѡстрѡнѡ** Мин-О.

¹⁴ После приставки 'пред' буква **ѡ** пишется только в слове **прѣдѡслѡтѡрѡнїи** Треб-М 3.

Источники¹⁵

- Ап. — Апостол. М., 1989.
Библ. — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2005.
Добр. — Добротолюбие в четырех частях. Тутаев, 2000.
Ев. — Священное Евангелие. М., 1984.
Ирм. — Ирмологий. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.
М — метатекст, см. сноску 4.
Мин. — Минея служебная. М., 1996–1997.
О — оригинальная служба, см. сноску 4.
Общ. — Минея общая. М., 2002.
Окт. — Октоих. М., 1981.
Постн., Цветн. — Триодь Постная и Цветная. М., 1992.
Праздн. — Минея праздничная. М., 1993.
Пс. — Псалтирь следованная. М., 1978. Ч. 1.
Служ. — Служебник. М., 1896.
Тип. — Типикон. М., 1906.
Треб. — Требник. М., 1980.
Цветн. — см. Постн., Цветн.
Час. — Часослов. М., 1980.

Литература

- Алипий (Гаманович), иеромонах.* Грамматика церковнославянского языка. М.: Художественная литература, 1991 [репринт изд. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1964]. 272 с.
- Алипий (Гаманович), иеромонах.* Грамматика церковнославянского языка. М.: Паломник, 1991а [репринт изд. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1984]. 272 с.
- Алипий, архиепископ Чикагский и Детройтский.* Автобиография / Публ. Д. Якубова // Альфа и Омега. 2009. № 54 [Электронное издание]. URL: <https://www.pravmir.ru/avtobiografiya> (дата обращения: 13.04.2022).
- Гальченко М.Г.* Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности. (Графико-орфографические признаки 2-го южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.: Алетейя, 2001. С. 325–382.
- Добровольский И.С.* Фонетические русизмы в церковнославянских текстах Нового времени: корпусное обследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2021. № 1. С. 69–94.

¹⁵ Использованы оцифрованные версии указанных изданий с сайта orthlib.ru (см. сноску 2). Подробнее об изданиях см. [Кравецкий, Плетнева 2021: 5–7].

И. С. Добровольский. Комментарий к «Грамматике» Алипия (Гамановича): § 1. Церковнославянская азбука...
I. S. Dobrovol'skii. Commentary on the "Grammar" by Alypy (Gamanovich): § 1. The Slavonic Alphabet, § 2. The Use...

- Зализняк А.А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.
- Зализняк А.А. О понятии графемы // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 559–576.
- Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской // Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 8–428.
- Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.
- Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. (гл. ред.). Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. 3. Г–Е / Ред. вып. А.А. Плетнева и И.С. Добровольский. М.: Грамота, 2021. 480 с.
- Кусмауль С.М. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI – первой половине XVII в.: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2018. 321 с.
- Плетнева А.А. Графико-орфографическая система церковнославянского языка // Славяноведение. 1992. № 4. С. 105–127.
- Трусман Ю.Ю. Этимология местных названий Псковского уезда. Ревель: Типография Г.Матизена, 1897. 95 с.
- Alypy (Gamanovich), archbishop. *Grammar of the Church Slavonic Language*. Jordanville, New York: Holy Trinity Monastery, Printshop of St. Job of Pochaev, 2001. 438 p.
- The Unicode Consortium. The Unicode Standard, Version 6.2.0. Mountain View, CA: The Unicode Consortium, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unicode.org/versions/components-6.2.0.html> (дата обращения: 13.04.2022).

References

- Alipii (Gamanovich), hieromonk. *Grammatika tserkovnoslavjanskogoazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1991. 272 p.
- Alipii (Gamanovich), hieromonk. *Grammatika tserkovnoslavjanskogoazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. Moscow, Palomnik Publ., 1991a. 272 p.
- Alipii, Archbishop of Chicago and the Detroit Diocese. [The Autobiography]. *Al'fa I Omega*, 2009, no. 54. Available at: <https://www.pravmir.ru/avtobiografiya> (accessed 13.04.2022). (In Russ.)
- Alypy (Gamanovich), archbishop. *Grammar of the Church Slavonic language*. Jordanville, New York, Holy Trinity Monastery, Printshop of St. Job of Pochaev, 2001. 438 p.
- Dobrovol'skii I. S. [Phonetic rusisms in modern Church Slavonic texts: a corpus study]. *Trudy Instituta russkogoazyka im. V. V. Vinogradova. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogoazyka* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Linguistic Source Studies and History of the Russian Language]. 2021, no. 1, pp. 69–94. (In Russ.)

- Gal'chenko M. G. [The second South Slavic influence in old Russian literature. (Graphic and orthographic signs of the second South Slavonic influence and chronology of their appearance in old Russian manuscripts of the end of the 14th – first half of the 15th century)]. Gal'chenko M. G. *Knizhnaya kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevnei Rusi. Izbrannye raboty*. [Book culture. Book writing. Inscriptions on the icons of ancient Russia. Selected works]. Moscow, Aleteiya Publ., 2001, pp. 325–382. (In Russ.)
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. *Istoriya tserkovnoslavjanskogo yazyka v Rossii (konets XIX – XX v.)* [The history of the Church Slavonic language in Russia (late 19th – 20th centuries)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2001, 400 p.
- Kravetskii A. G., Pletneva A. A. (ch. ed.). *Bol'shoi slovar' tserkovnoslavjanskogo yazyka Novogo vremeni* [The comprehensive dictionary of modern Church Slavonic]. Vol. 3. G–E. Moscow, Gramota Publ., 2021. 480 p.
- Kusmaul' S. M. *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavjanskogo yazyka vo vtoroi polovine 16 – pervoi polovine 17 v. Diss. kand. filol. nauk* [The formation of the orthographic norms of the Church Slavonic language in the second half of the 16th century and the first half of the 17th century. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 321 p.
- Pletneva A. A. [Graphics and orthography of the Church Slavonic language]. *Slavyanovedenie*, 1992, no. 4, pp. 105–127. (In Russ.)
- The Unicode Consortium. The Unicode Standard, Version 6.2.0*. Mountain View, CA: The Unicode Consortium, 2012. Available at: <http://www.unicode.org/versions/components-6.2.0.html> (accessed 13.04.2022).
- Trusman Yu. Yu. *Ehtimologiya mestnykh nazvanii Pskovskogo uezda* [Etymology of local names of Pskov County]. Revel', Tipografiya G. Matizena Publ., 1897. 95 p.
- Zaliznyak A. A. [On the most ancient Cyrillic abecedaries]. *Poetika. Istoriya literatury. Lingvistika. Sb. k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova*. [Essays in poetics, literary history and linguistics. Presented to Viacheslav Vsevolodovich Ivanov on the occasion of his seventieth birthday]. Moscow, OGI Publ., 1999, pp. 543–576. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. [On the concept of grapheme]. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie' s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiyu* ['Russian Nominal Declension,' with the selected works on modern Russian language and general linguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002, pp. 559–576. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. [From Proto-Slavic accentuation to Russian accentuation]. Zaliznyak A. A. *Trudy po aktsentologii* [Works on accentology]. Vol. 1. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010, pp. 8–428. (In Russ.)

Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М. Ю. Лермонтова

Киселева Ирина Александровна¹, Поташова Ксения Алексеевна²,
Ермакова Алена Сергеевна³, Государственное образовательное учреждение высшего
образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия),
¹ia.kiseleva@mgou.ru, ²ka.potashova@mgou.ru, ³as.ermakova@mgou.ru

DOI: 10.31857/S013161170021744-7

АННОТАЦИЯ: Предметом анализа настоящего исследования является семантика истории в поэзии Лермонтова. Актуальность осмысления истории для поэта определяется событиями, очевидцем и участником которых он был, — Кавказской войны, отголосков Отечественной войны 1812 года. В процессе анализа выявлено, что значение прошедших времен в языковой картине мира Лермонтова выражена через конкретные единицы языка: абстрактные номинативы *старина*, *поверье*, *преданье*, *история*, дающие общие представления об историческом процессе и обладающие широким эмоциональным спектром; слова, приобретающие в контексте его произведений оценочный характер, — *древнее*, *прошлое*, *минувшее*, *давнее*; словосочетания с конструктивно обусловленным значением *в преданьях славы*, *прежних лет*, *прежних дней*, *в прежни годы*, *старинны годы*, *давно тому назад*, придающие тексту оттенок фольклорной стилизации. Характерные для идиостиля Лермонтова стилизованные под фольклор конструкции приносят в поэтическое повествование черты разговорного стиля и задают иллюзию сказочности с семантикой взгляда в прошлое. Выявлено, что лексическое богатство понятия «история» и его смысловая наполненность

связаны с острым чувством личностной приобщенности Лермонтова к ценностно-смысловым координатам традиционной культуры. Память истории у Лермонтова является мерой духовно-нравственной состоятельности человека. Личностное бытие поэт рассматривает как органическую часть и аналог истории в ее традиционном понимании как движение времени и его ценностную содержательность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история, старина, преданье, героика, Кавказ, М. Ю. Лермонтов, картина мира

для цитирования: Киселева И. А., Поташова К. А., Ермакова А. С. Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 2022. № 4. С. 63–74. DOI: 10.31857/S013161170021744-7.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00025.

The Language of Fiction

Semantic Fullness of the Concept “History” in the Artistic World of M. Yu. Lermontov

Irina A. Kiseleva¹, Ksenia A. Potashova², Alyona S. Ermakova³, Moscow State Regional University (Moscow, Russia), ¹ia.kiseleva@mgou.ru, ²ka.potashova@mgou.ru, ³as.ermakova@mgou.ru

ABSTRACT: The subject of the analysis of this study is the semantics of history in Lermontov’s poetry. The relevance of understanding history for the poet is determined by the events that he witnessed and participated in — the Caucasian War, the echoes of the Patriotic War of 1812. In the course of the analysis, it was revealed that the meaning of past tenses in Lermontov’s linguistic picture of the world is expressed through specific units of language: abstract nominatives *antiquity*, *belief*, *tradition*, *history*, giving general ideas

about the historical process and having a wide emotional spectrum. Another feature of the linguistic picture are words that acquire an evaluative character in the context of his works are *ancient, past, long ago*, as well as phrases with a constructively conditioned meaning in the legends of glory, former years, former *days, former years, in recent years, long ago*, giving the text a touch of folklore stylization. The folklore-stylized constructions characteristic of Lermontov's idiosyncrasy bring the features of a conversational style into the poetic narrative and set an illusion of fabulousness with the semantics of looking into the past. The article reveals that lexical richness of the concept "history" and its semantic fullness are associated with a keen sense of Lermontov's personal involvement in the value-semantic coordinates of traditional culture. Lermontov's memory of history is a measure of a person's spiritual and moral worthiness. The poet considers personal existence as an organic part and an analogue of history in its traditional sense as the movement of time and its value content.

KEYWORDS: heroics, history, antiquity, tradition, the Caucasus, M. Yu. Lermontov, worldview

FOR CITATION: Kiseleva I. A., Potashova K. A., Ermakova A. S. Semantic Fullness of the Concept "History" in the Artistic World of M. Yu. Lermontov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 63–74. DOI: 10.31857/S013161170021744-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-28-00025.

В предисловии к «Журналу Печорина» М. Ю. Лермонтов, размышляя о предмете повествования, высказывает примечательное суждение, отражающее семантическую многозначность слова *история*: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [Лермонтов 1954–1957, т. 6: 249]. Данное суждение ярко демонстрирует бытование двух равноправных лексических значений слова *история* в языковой картине мира Лермонтова: 1) история как жизненный путь, судьба отдельно взятого человека («совокупность фактов и событий, связанных с кем-, чем-л.» [Евгеньева 1999, т. 1: 691]); 2) история как совокупность фактов прошлого, течение и развитие всего человечества («прошлое, сохраняющееся в памяти людей» [Евгеньева 1999, т. 1: 691]). Несмотря на то что в приведенном контексте

Лермонтов отдает предпочтение первому смыслу, все же «история целого народа» в значительной степени занимала творческое мышление поэта, обладающего «историческим чутьем» [Андреевский 2014: 297]. Истории отведено особое место в художественном мире Лермонтова: поэт разворачивает сюжеты своих произведений на фоне древнерусской истории, осмысляет события Отечественной войны 1812 года; предметом его пристального интереса становится начавшаяся в 1817 году Кавказская война. Современный поэту кавказский мир, в который Лермонтов был активно вовлечен, начиная с детских впечатлений в станице Шелковой, где гостил он ребенком, до участия в военных действиях в чине поручика Тенгинского полка, имел в его сознании безусловное историческое измерение. Поэт, безусловно, понимал и чувствовал, что именно на Кавказе в его время вершилась история.

Слово *история*, по данным «Частотного словаря языка М. Ю. Лермонтова», употребляется 52 раза [Мануйлов 1982: 732]. В значении общечеловеческого диахронического процесса слово *история* используется поэтом лишь единожды — в приведенном фрагменте из «Героя нашего времени». Непосредственно под «историей» Лермонтов понимал историю человека, т. е. его жизненный путь или отдельные поступки («Ее *история* ужасна, // Как вспоминанье без надежд» («Демон») [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 230], «Пусть *историю* страстей // И дел моих хранят далекие потомки» («Наполеон») [Лермонтов 1954–1957, т. 1: 47]); занимательный рассказ из жизни («Если хотите, я расскажу: это целая *история*», «Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь *историчку*» («Герой нашего времени») [Лермонтов 1954–1957, т. 6: 238, 208]); отрасль науки, дисциплину («...Длинный год // Провел он средь тетрадей, книг, *историй* // Грамматик, географий и теорий» («Сашка») [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 73]).

Следует отметить, что богатая смысловая наполненность слова *история* была характерной для языковой ситуации конца XVIII — первой трети XIX века. Аналогичное употребление этой лексемы находим и в словаре языка А. С. Пушкина — превалирующим у поэта оказывается обозначение этим словом отрасли науки «о прошлом человечества, стран, народов в их развитии», а также «рассказ, повествование, происшествие, случай» [Виноградов 2000, т. 2: 272–273]. Полисемия слова *история* напрямую связана с его этимологией. В активном составе русского языка эта лексема в значении «исторического повествования» была зафиксирована уже в XIV–XV вв. наряду с формами «исторический» и «историйский» [Срезневский 1893: 1151], [Черных 2007, т. 1: 360]. Затем в XVII — начале XVIII века слово было вытеснено формой польского происхождения «гистория» в значении «рассказ, происшествие, повесть» [Черных 2007, т. 1: 360]. Со второй половины XVIII века, т. е. периода, характеризующегося развитием

исторической науки, ставшей «почвой, на которой выросал интерес к судьбам народа» [Киселева 2019: 45], к историческим процессам прошлого, памятникам древнерусской культуры и устной словесности, старая форма *история* вновь начинает входить в активное словоупотребление со значением «закономерного поступательного развития действительности» [Черных 2007, т. 1: 360]. В подобном значении лексема не раз встречается в размышлениях Г. Р. Державина («истории веки», «история есть цепь злодейств» [Державин 1864–1867, т. 1: 625, т. 2: 715]) и используется Н. М. Карамзиным в названии его фундаментального труда об истории Государства Российского.

Для выражения значения ретроспективы, определяющей семантическую наполненность понятия «история», наделения звуковой оболочкой обращения к историческому прошлому государства Лермонтов использовал слово древнерусского происхождения *старина*, которое с XI века употреблялось для обозначения «прежнего времени» [Черных 2007, т. 2: 199]. Именно слово *старина* как в связи с наибольшей частотностью использования, так и в связи с присущей ему сосредоточенностью на выражении исторической памяти определяется как центр понятия «история» в языковой картине мира поэта. В то же время само употребление Лермонтовым слова *старина* отмечено различным спектром образности, оценочности и экспрессивности, что говорит о множественности смысловых оттенков этого слова.

В «Словаре языка Лермонтова» лексема *старина* встречается 44 раза, лексема «старинный» — 6 раз [Мануйлов 1982: 772]. Старина понимается поэтом как время прошедшее, эпоха со своими событиями, явлениями и героями («старинны годы»), это лексическое значение и выступает в качестве основного. Старина — это условное время, являющееся неким эталоном, призмой для оценивания событий современности. Эпитет *старинный* связан с высокими достоинствами человека: «Один Вадим да Ингелот // На сердце будут сохранять // Старинной вольности любовь» («Последний сын вольности» [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 116]). Старинные годы для Лермонтова — это времена свободы, укоренения в традиции, верной системы ценностных координат: «Где прежде греки воспевали // Их храбрость, вольность; но оне // Той страшной участи не знали, // И дышит всё здесь *старинной*, // Минувшей славой и войной» («Корсар» [Лермонтов, 1954–1957, т. 3: 43]).

В системе временных координат история может иметь различную отнесенность. История может вовсе не знать временной принадлежности: «В *старинны годы* люди были // Совсем не то, что в наши дни; // (Коль в мире есть любовь) любили // Чистосердечнее они» («Незабудка» [Лермонтов 1954–1957, т. 1: 91]). Или подразумевать отсылку к давно прошедшей

эпохе. Так, в поэме «Олег» Лермонтов под стариной подразумевает время до крещения Руси: «Во мгле языческой дубравы, // В года забытой *старины*, // Когда-то жертвенник кровавый // Дымился божеству войны» [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 57]. В этом фрагменте старина характеризуется как забытая, дополняется коннотативным оттенком пройденного, смененного этапа истории. Старина наделяется временными указателями, носящими условный характер, не дающими точной временной отнесенности — «в года», «когда-то». Примечательной чертой идиостилия Лермонтова является то, что лексемы «год», «век», «столетье», обозначающие «момент, точку на оси времени» [Колесникова 2018: 19], у него не выполняют функцию лексических показателей точной отнесенности истории к прошлому: «И *многие годы* неслышно прошли; // Но странник усталый из чуждой земли // Пылающей грудью ко влаге студеной // Еще не склонялся под кущей зеленой» («Три пальмы» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 124]); «Есть чувство правды в сердце человека, // Святое вечности зерно: // Пространство без границ, *теченье века* // Объемлет в краткий миг оно» («Мой дом» [Лермонтов 1954–1957, т. 1: 291]); «*Века* изгнания и мук, // *Века* бесплодных размышления, // Все оживилось в нем» («Демон» [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 228]). В лермонтовских текстах эти временные указатели хотя и задают движение времени, но не представляют историю как социокультурный процесс.

Старина у Лермонтова может быть недавним прошлым, как в стихотворении «Валерик», где поэтом дается отсылка к походам генерала А. П. Ермолова по покорению Кавказа: «Вот разговор о *старине* // В палатке ближней слышен мне; // Как при Ермолове ходили // В Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 168]. Очевидно, что основным критерием истории для Лермонтова является вовсе не отнесенность событий к древним эпохам, а их особый характер, не свойственный современности. В изображениях старины явственно звучит понимание поэтом живой связи настоящего с прошлым как мерил постоянства нравственных ценностей.

Старина у поэта — это время подвигов, концентрации физических и духовных сил, самоотверженности. Такое понимание истории и определяет «ассоциативное окружение» [Караулов 2015: 27] лексемы *старина*: «Помню я только *старинные* битвы, // Меч мой тяжелый да панцирь железный» («Пленный рыцарь» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 156]). Эти «старинные» качества и есть суть истинного богатырства, которому Лермонтов дал оценку в стихотворении «Бородино»: «Да, были люди в наше время, // Не то, что нынешнее племя: // Богатыри — не вы!» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 80]. В стихотворении Лермонтова «Поле Бородина» явленный в недавний период героизм русских воинов позволяет вписать Бородинскую

битву в сонм великих исторических событий: «Однако же в преданьях славы // Все громче Рымника, Полтавы // Гремит Бородино» [Лермонтов 1954–1957, т. 1: 290]. Лексемой *преданье*, имеющей значение передачи событий из поколения в поколение, поэт подчеркивает героический пафос Бородинской битвы. В этом стихотворении Лермонтов представляет целую цепь ассоциаций, связанных с пониманием истории как длящейся жизни социально-исторического сознания. В этом стихотворении понимание истории оказывается связано со словосочетанием конструктивно обусловленного значения *в преданьях славы* (ср.: «Преданья старины глубокой»; «Преданья Славы и любви» в поэме «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина [Пушкин 1937–1959, т. 4: 7, 85]) и с ментальными словами *вспомня, в памяти*, знаменующими связь времен в пространстве истории.

Старина у Лермонтова часто выступает мерой достоверности, истинной мудрости. В стихотворении «Валерик» акцентируется, что смысловое название одноименной реки — «речка смерти», у которой происходит увиденное самим поэтом кровавое сражение, «дано старинными людьми» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 168]. Изображенные Лермонтовым военные события, свидетелем которых он являлся, подтверждают смысл старинного топонима — Валерик (название «этимологизируется из первоначального Валеран хи в дословном переводе — “смерти река”» [Киселева 2014: 65]), не дают усомниться в его точности. В поэме «Сашка» традиция оценивается как нравственный кодекс: «От правил, утвержденных стариной, // Не отступлю, — я уважаю строго // Всех стариков» («Сашка» [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 43]). Подобное коннотативное значение старины как времени, задающего ценностную аксиому последующим поколениям, обнаруживается и в стихотворении «Последнее новоселье», в котором Лермонтов подчеркивает ценность истории как традиции. Утраченные «заветные отцовские поверья» есть предательство «велико<го>, священно<го> земли», и превращает людей в «жалкий и пустой народ» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 182]. В стихотворении «Приветствую тебя, воинственных славян...» Лермонтов, обращаясь к персонифицированному древнему городу, посредством риторического вопроса ставит знак равенства между героикой и прошлым: «Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет? // Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 46].

Пагубность отказа от исконных традиций звучит в иронических описаниях Лермонтовым среды обывателей, воспринимающих установки на просвещение и цивилизацию настолько буквально, что старина уже становится для них антиценностью. Старина в таком контексте реализуется в антиномиях «старое — новое», «внутреннее — внешнее»: «Меж двух соседей говор страстный // Но в наше время решено, // Что все старинное

смешно» («Тамбовская казначейша» [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 131]); «Но с успехом просвещения // Вместо грубой *старины* // Введены избретеня // Чужеземной стороны» («На серебряные шпоры я в раздумии гляжу...») [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 73]). Особенно остро мысль об искажении ценностной парадигмы как следствия утраты традиции, звучит в стихотворении «1-е января» («Как часто пестрою толпою...»), в котором поэт показывает трагический разлад современного ему сообщества. В этом произведении понимание старины как эпохи идеалов переносится Лермонтовым на сугубо личный жизненный опыт и связывается с «полетом души, ее возвращением к тем местам, которые были значимыми» [Косяков 2020: 8]. Собственные былые годы — годы детства — воспринимаются поэтом как идеал гармонии: из дисгармонии мира масок лирический поэт стремится «памятью к недавней старине» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 136]. Старина же в стихотворении обретает зримость и плотность, понимается как «царство дивное»: «Родные всё места: высокий барский дом // И сад с разрушенной теплицей; // Зеленой сетью трав подернут спящий пруд, // А за прудом село дымится — и встают // Вдали туманы над полями» [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 136].

История у Лермонтова связана и с фольклорной традицией, что проявилось как со стороны использования фольклорных формул, так и на содержательном уровне. Отсылки к «старинному» времени, к давним временам могут служить у Лермонтова началом повествования, конструкцией, аналогичной фольклорному зачину, задающей временные координаты дальнейшему повествованию и «акцентирующей повествовательное начало высказывания» [Киселева, Поташова 2020: 132]: «*Давным-давно*, у чистых вод // Где по кремням Подкумок мчится...» («Измаил-бей») [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 156]; «*В старинны годы жили-были // Два рыцаря, друзья*»; «*В старинны годы люди были*» («Незабудка») [Лермонтов 1954–1957, т. 1: 91]. Во всех приведенных примерах временная удаленность описываемых событий от говорящего создается с помощью использованных в «событийном контексте» [Падучева 2004: 518] фольклорных формул с семантикой взгляда в прошлое. Оригинальным приемом создания эффекта ретроспекции в идиостиле Лермонтова можно назвать стилизованную под фольклорную формулу конструкцию «давно тому назад»: «Выслушай. *Давно // Тому назад* имел я брата» («Хаджи Абрек») [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 275], «Клариссу юноша любил // *Давно тому назад*» («Гость») [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 218]; «*Давно тому назад*, в городе Тифлизе, жил один богатый турок» («Ашик-Кериб») [Лермонтов 1954–1957, т. 6: 194]. Смысловая редупликация, акцентирующая принадлежность событий прошлому, в этой лермонтовской формуле несет усиленное значение; вторая часть с более частной семантикой уточняет

первую, более общую, привносит черты живой речи и пафос сказочности, характерный для фольклора.

К старинным песням Лермонтов относит эпическое произведение, исполняемое под аккомпанемент гуслей, как это представлено в запеве к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: «Мы сложили ее на *старинный* лад, // Мы певали ее под гуслирный звон // И причитывали да присказывали» [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 101]. Под старинным ладом подразумевается былина или историческая песня в их исконной, народной терминологии — *ста́рина* с ударением на первом слоге. И хотя «в первой половине XIX в. слово былина вошло в активный тезаурус русского литературного языка» [Захарова 2014: 272], у Лермонтова все же использовалось именно народное именование жанра, связанное со стародавней историей. Старинной песнью поэт называет не только произведение русского фольклора, но и в целом героическое повествование. Оно могло исполняться и горцами в аналогичной манере певца-сказителя, характеризоваться героическим пафосом и величественным содержанием: «Вот начинает: три струны // Уж забренчали под рукою, // И живо, с дикой простотою // Запел он песню старины» («Измаил-Бей») [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 282]. Изображает Лермонтов и сам путь изустной передачи таких героических произведений от поколения к поколению: «Ты жадно слушаешь и песни старины, // И рыцарских времен волшебные преданья» («Умиравший гладиатор») [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 76]; «Пожалуй, сказку ты начни // Про прежние златые дни, // И я, припомнив *старину*, // Под говор слов твоих засну» («Боярин Орша») [Лермонтов 1954–1957, т. 4: 10]; «Молитву ль тихую читали // Иль пели песни старины» («Ветка Палестины») [Лермонтов 1954–1957, т. 2: 87].

Контрастом по отношению к этим смысловым оттенкам лексемы *старина* выступает у Лермонтова ее употребление в значении «темных» времен, под которыми понимается дохристианская история славян и история разрозненных кавказских племен с их языческой культурой. В поэме «Измаил-Бей» Лермонтов свой рассказ о кавказских поверьях, связанных с природными силами, сопровождает оценочной характеристикой «*темны* преданья их». Следование старине среди кавказских народов у поэта представлено в связи с первобытным устройением социума: «И дики тех ущелий племена, // Им Бог — свобода, их закон — война, // Они растут среди разбоев тайных, // Жестоких дел и дел необычайных» [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 155]. В произведениях Лермонтова «новгородского цикла» аналогично присутствует не имеющий позитивной коннотации образ старины. Такая старина из-за своей отдаленности не только во времени, но и в мировосприятии оказывается смутно улавливаемой, снабжается характеристиками со значением отсутствия света. В поэме «Олег» старину

дохристианской Руси сопровождает описание жертвенника «во мгле языческой дубравы» [Лермонтов 1954–1957, т. 3: 57]. Мгла и темнота — это то, что вторит у Лермонтова изображению языческого мировосприятия.

В языковой картине мира Лермонтова семантику истории образуют несколько словесных рядов. Первый ряд — это абстрактные номинативы, в которых наиболее объемно выражается понимание исторического процесса, а также отражается эмоциональное восприятие поэтом исторических событий и характеров. К этой группе относятся лексемы *старина*, *поверье*, *преданье*. Второй ряд составляют субстантивированные прилагательные, заключающие качественную оценку былых времен, их противопоставление настоящему — *древнее*, *прошлое*, *минувшее*, *давнее*. Третий ряд — словосочетания с конструктивно обусловленным значением *в преданьях славы*, *прежних лет*, *прежних дней*, *в прежни годы*, *в старинны годы*, *давно тому назад*, придающие тексту оттенок фольклорной стилизации.

Создание поэтом целого спектра лексических обозначений, раскрывающих идею прошедших времен, непосредственно связано с определяющим его художественный мир острым чувством истории, личностной причастности к ней. Именно неразрывная связь у Лермонтова личного «нравственного чувства с чувством родины и истории» [Киселева 2017: 124] стала духовным источником предложенной им параллели между историей «души человеческой» и историей «целого народа» [Лермонтов 1954–1957, т. 6: 249]. Для поэта актуальна та история, те старинные годы, которые находят отклик в его сердце и мыслях, которые выступают мерилom нравственных ценностей в его личностной картине мира.

Источники

Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1864–1871.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Литература

Андреевский С. А. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2014. С. 295–313.

Виноградов В. В. (ред.). Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

- Захарова О.В. Былина в русском тезаурусе: история слова, термина, категории // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 268–275.
- Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 14–35.
- Киселева И.А. (ред.). М.Ю.Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А.Киселева. М.: Индрик, 2014. 940 с.
- Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Московский государственный областной университет, 2017. 178 с.
- Киселева И.А. (ред.). Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.
- Киселева И.А., Поташова К.А. Динамическая поэтика стихотворения М.Ю.Лермонтова «Утес» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128–144.
- Колесникова С.М. «Время», которое мы имеем (когнитивное описание) // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 марта 2017 года. М.: Издательство «Перо», 2018. С. 19–22.
- Косяков Г.В. Мотив полета души в лирике М.Ю.Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14. № 2. С. 6–12.
- Мануйлов В.А. (ред.). Частотный словарь языка М.Ю.Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 717–773.
- Падучева Е.В. ДАВНО и ДОЛГО: к вопросу о статальном компоненте в семантике совершенного вида // Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 515–524.
- Рачева А.А. Дейктические единицы «здесь», «тут» и «там» в устной речи: маркирование дискурсивных процессов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 257–272.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, Медиа, 2007.

References

- Andreyevskiy S.A. *Lermontov* // M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya [M. Yu. Lermontov: pro et contra, anthology]. St. Petersburg, RKhGA, 2014, pp. 295–313. (In Russ.)
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow, Russian Language, Media, 2007.

- Evgen'eva A. P. (red.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij Yazyk; Poligrafresursy, 1999.
- Karaulov Yu. N. [Association analysis: the new approach to the literary text interpretation]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2015, no. 25, pp. 14–35. (In Russ.)
- Kiseleva I. A. (ed.). *M. Yu. Lermontov. Entsiklopedicheskiy slovar'* [M. Yu. Lermontov. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Indrik, 2014. 940 p.
- Kiseleva I. A. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema* [Creativity of M. Yu. Lermontov as a religious and philosophical system]. Moscow, Moscow Region State University, 2017. 178 p.
- Kiseleva I. A. (ed.). *Tsennostnyye osnovy natsional'noy kartiny mira v russkoy literature: monograph* [Value foundations of the national outlook in the Russian literature: monograph]. Moscow, Moscow Region State University, 2019. 312 p.
- Kiseleva I. A., Potashova K. A. [The dynamic poetics of Mikhail Lermontov's poem the Cliff (1841)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 128–144. (In Russ.)
- Kolesnikova S. M. [The time we have (cognitive description)]. *Sovremennaya paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kul'turologii: Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 12–13 marta 2017 goda* [The modern paradigm of humanitarian research: problems of philology and cultural studies: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, March 12–13, 2017]. Moscow, Izdatel'stvo "Pero", 2018, pp. 19–22. (In Russ.)
- Kosyakov G. V. [The motif of the soul's flight in Lermontov's lyrics]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 6–12. (In Russ.)
- Manuylov V. A. (ed.). [Frequency dictionary of the Lermontov language]. *Lermontovskaya entsiklopediya* [The Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1981, pp. 717–773. (In Russ.)
- Paducheva E. V. [FOR a LONG TIME and FOR a LONG TIME: on the question of the static component in the semantics of the perfect form] *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, pp. 515–524. (In Russ.)
- Racheva A. A. [The deictic units "zdes'" (here), "tut" (here) and "tam" (there) in oral speech: marking of discursive processes]. *Sibirskiy filologicheskiy journal*, 2018, no. 4, pp. 257–272. (In Russ.)
- Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments: in 3 volumes]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1893.
- Vinogradov V. V. (ed.). *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the Pushkin language in 4 volumes]. Moscow, Azbukovnik, 2000.
- Zakharova O. V. [The bylina in russian thesaurus: a history of the word, term and category]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2014, no. 4, pp. 268–275. (In Russ.)

Функционирование предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва), guskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170021745-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются метафоры и сравнения, в состав которых в качестве образов сравнения входят наименования различных артефактов. Под артефактами понимаются любые вещественные объекты, искусственно созданные в результате деятельности человека. Для анализа привлекаются произведения современных русских прозаиков: Е. Водолазкина, А. Иличевского, О. Славниковой, Е. Чижовой, Р. Сенчина, В. Пелевина, С. Соколова, Д. Глуховского, Г. Яхиной и др. Цель статьи — рассмотреть особенности функционирования предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы. В работе показано, что в современной русской прозе интенсивно используются компаративные конструкции, в которые входят образы артефактов. Отмечается, что состав этих конструкций существенно обновляется по сравнению с предшествующими периодами: в качестве образов сравнения выступают названия современных технических средств. В частности, широкое распространение получила в последние десятилетия компьютерная метафора. Делается вывод, что в современных прозаических текстах наблюдается детализация и конкретизация предметных метафор и сравнений посредством уточняющих и трансформирующих образ определений. Показано, что в текстах современной прозы

представлены разные типы взаимодействия предметных метафор и сравнений друг с другом и с компаративными тропами других семантических классов. Выделены различные функции артефактных тропов в тексте: функция образной характеристики, оценочная функция, текстообразующая и интертекстуальная функции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: артефакт, метафора, сравнение, компаративная конструкция, современная русская проза, основание сравнения, взаимодействие тропов, функция в тексте

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Функционирование предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы // Русская речь. 2022. № 4. С. 75–86. DOI: 10.31857/S013161170021745-8.

The Language of Fiction

Functioning of Artifact Metaphors and Similes in the Texts of Modern Russian Prose

Natalya A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),
ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article deals with metaphors and similes which include the names of various artefacts as images of comparison. Artefacts are defined as any material objects artificially created as a result of human activity. The analysis involves the works of modern Russian prose writers: E. Vodolazkin, A. Ilichevsky, O. Slavnikova, E. Chizhova, R. Senchin, V. Pelevin, S. Sokolov, D. Glukhovskiy, G. Yakhina, etc. The purpose of the article is to consider features of the functioning of artifact metaphors and similes in the texts of modern Russian prose. The paper shows that comparative constructions which include images of artifacts, are intensively used in modern Russian prose. It is noted that the composition of these structures is significantly updated in comparison with previous literary periods: the names of modern

technical means act as comparison images. In particular, the computer metaphor has become widespread in recent decades. It is concluded that one of the features of the modern prose texts is concretization of artifact metaphors and similes observed through modifiers transforming the image. It is shown that different types of interaction of artifact metaphors and similes with each other and with comparative tropes of other semantic classes are presented in modern prose texts. The paper distinguishes various functions of artifact tropes in the text. These include the function of figurative characteristic, evaluative function, text-forming and intertextual functions.

KEYWORDS: artifact, metaphor, simile, comparative construction, modern Russian prose, basis of comparison, interaction of tropes, function in the text

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Functioning of Artifact Metaphors and Similes in the Texts of Modern Russian Prose. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 75–86. DOI: 10.31857/S013161170021745-8.

В составе образных средств русской художественной речи традиционно широко используются метафоры и сравнения, включающие наименования различных предметов, см., например: *Тогда раскаянья кинжал пронзит тебя...* (М. Лермонтов); *Кузьма Васильевич на этом месте рассказа всякий раз уверял нас, что этот взгляд пронзил его, словно шилом* (И. Тургенев); *Мне все противно, все скучно; я машина: хожу, делаю и не замечаю, что делаю* (И. Гончаров); <...> *дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие* (Л. Толстой).

Предметные метафоры и сравнения образуют один из наиболее крупных и объемных семантических классов компаративных тропов, выделяемых по образу сравнения, наряду с зооморфными, антропоморфными, фитоморфными и другими тропами. Этот класс тропов отмечался исследователями, но изучен в современной художественной речи фрагментарно [Разуваева 2009, Цинковская 2010b].

Цель нашей статьи — рассмотреть функционирование предметных метафор и сравнений, включающих названия артефактов, в текстах современной русской прозы. Под артефактами в данной работе понимаются любые вещественные объекты, искусственно созданные в результате деятельности человека. Для анализа привлекаются произведения

современных русских прозаиков: Е. Водолазкина, А. Иличевского, О. Славниковой, Е. Чижовой, Р. Сенчина, В. Пелевина, С. Соколова, Д. Глуховского, Г. Яхиной и др.

Артефактные метафоры и сравнения интенсивно используются в современной русской прозе. Наиболее распространены в ней метафоры и сравнения, включающие названия бытовых предметов, машин, механизмов и их деталей, например: *Память — что **кран** в голове: отвернешь и полилось; сперва потихоньку, тонкой струйкой* (Е. Чижова. Повелитель вещей); *Крепкие волны ветра равномерно накатывали на дом, бились в него, как невидимый **мешок с опилками*** (Р. Сенчин. У моря); *В переулке около кафе-мороженого, украшенного здоровенной снежинкой с одним обломанным оленьим рогом, гортанные кавказцы с усами будто **ножницы и плоскогубцы** торговали дивными розами в ведрах, каждое ведро стоимостью в четверть машины «Жигули»* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); *Жизнь измельчает человека, как **кухонный комбайн*** (Е. Водолазкин. Оправдание Острова).

Предметные метафоры и сравнения динамичны и в связи с техническим развитием общества регулярно подвергаются обновлению: в современных прозаических текстах появляются образы сравнения, отражающие современную реальность и не встречавшиеся в текстах предшествующего периода. Это, во-первых, названия новых бытовых предметов, например *микроволновка, кухонный комбайн, штатив для селфи: Летняя Москва днем — **микроволновка*** (Д. Глуховский. Текст); *Мы все работаем у Бога **штативами для селфи*** (В. Пелевин. Непобедимое солнце). Во-вторых, это получившие широкое распространение названия компьютерных устройств и их деталей: *Все еще начиналось в очередной раз, и Миша был внутренне пуст, как **компьютер, лишенный программы*** (Е. Радов. Змеесос); *Это было его любимым развлечением — напрячь память, чтобы где-то в глубинах мозга, как на **дисплее**, высветились те или иные нужные ему цифры* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть); *Казалось, его глаза, подобно высокотехнологичному **сканеру**, считывали с закоулков души любую грешную мыслишку* (Е. Сухов. Делу конец — сроку начало); *Но на **десктопе** нашего мира есть иконка, позволяющая им управлять* (В. Пелевин. Непобедимое солнце). Образы, связанные с компьютерными технологиями, наиболее часто встречаются в произведениях В. Пелевина: «Пелевин относится к тем авторам, которые пытаются художественно осмыслить феномен сети, и читатели его произведений — в основном пользователи компьютерных технологий, представители поколения интернета» [Калафатич 2019: 49–50].

В современной прозе наблюдаются различные процессы контекстной репрезентации артефактных метафор и сравнений. Прежде всего необходимо отметить, что они часто употребляются в сочетании с различными конкретизаторами, детализирующими и трансформирующими образ.

К таким конкретизаторам относятся определения разных типов, придаточные предложения: *В тот день в ней что-то надломилось, вернее, порвалось. Словно она — пакет, пустая оболочка, куда больше ничего не положишь: ни прошлого, которое она для себя придумала, ни будущего, которого нет* (Е. Чижова. Повелитель вещей); *На ветках висели салативо-желтые, пупырчатые, напоминающие мячи для русского хоккея, плоды. <...> Ненастоящие они были, будто из пластика или резины* (Р. Сенчин. У моря); *Если другие регистраторши под гнетом замедления все больше увядали и буквально ложились на свои столы, то Марина походила на неутомимую заводную куклу с механизмом из зубчатых колес, подобным часовому: в ответ на любую выходку нетерпеливых агитаторов она передвигалась ровно на одно тугое деление, что требовало от нее полной сосредоточенности* (О. Славникова. Бессмертный).

Детализация образа усиливается в результате нанизывания определений или включения в компаративную конструкцию двух или более сравнений, раскрывающих разные грани объекта: *Нина Александровна глядела на поля под жестким настом, ослепительно чистые, уложенные грубыми складками, будто снятое с зимней веревки промерзлое белье* (О. Славникова. Бессмертный); *Сквозь дыры в облаках проглядывают кусочки серого неба: не марево, а рваная тряпка, заношенная, протертая до дыр на локтях* (Е. Чижова. Повелитель вещей); *...я прекрасно понимаю одиночество тех, кто не только не имеет жизни бесконечной, но и вовсе отвержен и забыт. Сорванный и брошенный одуванчик, выкинутый продавленный стул без ножки, висящая на ветке варежка* (Н. Репина. Жизнеописание Льва).

Кроме того, в современных прозаических текстах широко распространено взаимодействие артефактных метафор и сравнений с тропами других классов. Особенно часто артефактные тропы взаимодействуют с антропоморфными, например: *Деревьям, напившимся драные фракы сумерек, — качаться, махать руками в подражание дирижерам, пугалам и людям от ветряков — мукомолам* (С. Соколов. Между собакой и волком); *...желтым металлическим отсветом речной поверхности, которую, точно ногтем шоколадную фольгу, вошил и гладил жесткий ветерок* (О. Славникова. 2017).

Встречается и взаимодействие этих тропов с зооморфными: *...пасть зноя-зверя, который намеревался проглотить небосвод словно ламповую колбу, подалась накалом горнила вспять и сомкнулась губным порезом на горизонте* (А. Иличевский. Ай-Петри).

Одновременно артефактные тропы активно взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие в современной русской прозе носит разный характер. Прежде всего часто используется семантическая модель, отражающая присутствие одного объекта на другом, при этом эти объекты являются образами сравнения. Так, например, в одном из контекстов романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» объединяются образы сравнения

*скатерть, бисер, ленты, шелковая нить: Она [Зулейха] поворачивает голову вперед. С вершины холма раскинувшаяся внизу равнина кажется гигантской белой **скатертью**, по которой рука Всевышнего разметала **бисер** деревьев и **ленты** дорог. Караван с раскулаченными тонкой **шелковой нитью** тянется за горизонт, над которым торжественно восходит алое солнце.* Эта модель была отмечена Н. В. Павлович как «парадигма $X \rightarrow Y$, где X = ‘что-то на чем-то’ (что-то в природе, видимое на чем-то или на фоне чего-то: лошади в поле, звезды на небе...), а Y = ‘вкрапление в ткань’ (узор на ткани или изделия из ткани, заплатка на ткани, украшение, вышивка на ткани, пыль, грязь на ткани или одежде и т. д.)» [Павлович 1995: 72]. Отмеченная модель носит статический характер. В то же время взаимодействие артефактных метафор и сравнений может моделировать динамичную ситуацию, охватывающую два или более объектов. Так, в романе О. Славниковой «2017» взаимодействуют образы сравнения, воссоздающие ситуацию стирки: *Элита регулярно жертвовала обществу ту тонкую сущность, тот драгоценный покров, который буквально снимает с человека фото- и телекамера; многие политики после съемок ощущали усталость, сосущую пустоту кровеносных сосудов, мокрую тяжесть мозга, полоскавшегося в черепе, будто **ком белья в барабане стиральной машины*** (О. Славникова. 2017). В романе А. Иличевского «Чертеж Ньютона» взаимодействующие тропы также обозначают тесно связанные друг с другом предметы бытовой ситуации: *Метеорит чиркал по небу, как **спичка по коробку**.*

Связанные между собой предметы, наименования которых относятся к одной тематической группе, могут порождать разные образные ситуации и характеризовать разные предметы сравнения. См., например, образы иглы и нитки в различных контекстах: *Вирус передавался через то, на что они просто смотрели вместе, — даже через очень отдаленные предметы, вроде самолета, похожего в небе на **иголку с ниткой** рыхлой белой шерсти* (О. Славникова. 2017); *Потихоньку продышался, и снова **ниточка** памяти потекла сквозь **игольное ушко** мозжечка...* (А. Иличевский. Перс).

Одним из видов взаимодействия артефактных тропов является также их противопоставление в тексте. См., например, *Орли не сочеталась со Славой. Слава был простоватый и некрасивый, округлый и мягкий, как **матрас**, — в общем, никакой. А Орли — упругая, как **боксерская перчатка*** (А. Иванов. Комьюнити); *Взmaterел я и выстарел, залоснился и вытерся, как в обиходе хомут. **Тертый калач** прошлогодний я сделался, мозоль и хряц, а не вечер ли был **сдобой*** (С. Соколов. Между собакой и волком).

Наряду с отношениями контраста в текстах современной прозы встречаются и объединение компаративных тропов на основе родо-видовых отношений: *Марьяна разворачивается к Ольге, как тяжелый «Икарус» на узкой дороге, вся слепленная из неловкости, руки — **садовый инвентарь. Тяпки или грабли*** (К. Буржская. Зверобой).

Артефактные метафоры и сравнения могут иметь разные основания сравнения: сходство формы, размера, внешнего вида, звучания, характер оценки. В качестве основания сравнения в современной прозе регулярно выступает функция предмета: *...мне нравился взгляд этой девушки. Это был взгляд, который забирает в себя, взгляд, в котором я хотела обмякнуть и раскрыться, как если бы я была чем-то твердым, что желает быть мягким и распротертым. У нее был взгляд-ключ* (О. Васякина. Рана); *Что касается Илимского заповедника, то он представлял собою действующий храм. Массивы скал и массы прозрачного синего воздуха были одинаково каменны, одинаково воздушны; круглое озеро Илим стало настолько прозрачно, что увеличивало, будто луна, затонувший лет двести назад, похожий на недоеденную курицу маленький баркас* (О. Славникова. 2017); *А мы связались, мы свои жизни и близких переплели в канат* (Д. Глуховский. Текст).

На основе функциональной характеристики формируются механистичные тропы, развивающие традиционную метафору «человек — машина», которая восходит к философским идеям Р. Декарта и Ж. О. Ламетри. Опорными словами для таких тропов служат существительные *автомат, машина, механизм, винтик, шестерня* и др. Механистичные, или «машинные», тропы последовательно используются в разных контекстах для характеристик человека, включающих такие смыслы, как ‘бездушие’, ‘отключенное сознание’, ‘покорность’, ‘выполнение различных операций’. Чаще всего такие тропы выражают негативную оценку. Например, смыслы ‘бездушие, бесчувственность’ лежат в основе употребления образа сравнения *автомат* в романе Е. Водолазкина «Оправдание острова»: *В тех нападениях, которые стали захлестывать Остров в последнее время, чувства уже не было, там царствовала мысль, дурная бесчувственная мысль. <...> Один из бомбистов сказал на суде: — Я холоден, как автомат. Откуда нам сия беда? Как явилась? Не с теми ли многочисленными механизмами, что вошли в нашу жизнь, разрушив привычную мягкость островных людей?*

К механистичным тропам близка по характеру оценки группа артефактных тропов с переносом по функции, включающих названия колющих и режущих предметов и оружия: *Но, если честно, Плетнев старался вообще не думать. Орудие не должно думать, а он сейчас был именно орудием. Как нож или пистолет не знает ничего ни о добре, ни о зле, ни о преступлении, ни о наказании, а лишь тупо и послушно повинуется держащей его руке, так и он не должен подниматься выше самого нижнего пласта сознания, отвечавшего за то, чтобы точно и успешно выполнить поставленную перед ним задачу* (А. Волос. Победитель).

В последние десятилетия получил широкое распространение новый вариант «машинной» метафоры — компьютерная метафора, которая «предлагает подходить к человеческому познанию, как если бы оно было вычислительной деятельностью» [Хорошильцева]: *Мистер Хеллман был*

глубоко законопослушный гражданин своего отечества, как **компьютер**, начиненный всевозможными инструкциями, правилами и сводами закона (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес); *Ваш мозг — это лингвистический **компьютер*** (В. Пелевин. Бэтман Аполло).

Артефактные тропы в современной прозе могут совмещать разные основания сравнения, в результате наименование предмета, использованное в качестве образа сравнения, приобретает многомерность смыслов. Например, словосочетание *консервная банка* в романе А. Иличевского «Анархисты», соотносясь с образом шлака (отхода), реализует также смыслы ‘ржавчина — уничтожение’, ‘острые края — опасность, ущерб’: — *Вот и вы его, Владимир Семенович, жалеете... Поймите, я не злорадствую. Я холоден как лед. Чем скорей такой тип — шлак времени — сгинет, тем чище станет наша многострадальная земля. Он как **консервная банка** в лесу — скоро ее ржа съест, а пока обрезать можно.* Сравнение «щеки, как банки варенья» в романе О. Славниковой «Бессмертный» совмещает два признака — ‘круглый’ и ‘красный’: ...*тут аудитория обращала взгляды на румяную шестидесятилетнюю блондинку со щеками, как **две пол-литровые банки варенья**.*

Актуализация разных оснований сравнения в одном контексте может порождать эффект каламбура. Таково, например, столкновение двух значений слова *истребитель* в романе Е. Водолазкина «Брисбен»: *Как и предвидел Майер, Глеб круто пошел вверх. В одном интервью продюсер даже назвал Глеба **истребителем** с вертикальным взлетом. Это сравнение чем-то Майера привлекло и стало появляться в большинстве его интервью, что Глеба несколько даже обеспокоило. Да, он видел такие машины в военных репортажах, но сравнение с истребителем казалось ему неочевидным, потому что кого же, спросил он однажды у Майера, ему надлежало истреблять? Ты будешь истреблять конкурентов, пояснил продюсер, что ж тут непонятного? <...> В отличие от воинственного тевтонца, Глеб никого не собирался истреблять, но не мог не признать, что взлет оказался вертикальным.*

Как уже отмечалось выше, состав компаративных конструкций в современной прозе обновляется. Для нее характерно обращение к необычным, оригинальным образам сравнения: *Утро нового дня наступало нехотя, улицы завесило мутью, солнце растворилось в тумане, как **шипучая таблетка*** (Д. Глуховский. Текст); *Все вокруг было нереально. Мутно светились два граненых стакана Экономического Центра, над ними луна горела, будто **кнопка вызванного лифта*** (О. Славникова. 2017).

Необычными могут быть и основания сравнения. Например, артефактное сравнение с нетривиальным основанием в романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич» служит основой синэстетической образной характеристики: *В какой-то момент Гуревич поймал себя на том, что <...> слегка проваливается в этот ровный **белый, как перина, голос**.*

При реализации предметных метафор и сравнений в тексте может наблюдаться отсутствие субстантива, непосредственно называющего образ сравнения. В этом случае способом создания образной характеристики служат метафорические глагольные формы и имена прилагательные: *Вот здесь, на супружеской кровати, она еще досматривала какие-то последние обрывки, остатки **отснятого** душой материала; Получалось, что никто по-настоящему не видел ни ее высоких, словно **гладью вышитых** бровей, ни милого очерка губ, всегда заветренных, будто полежавшие на блюде дольки апельсина* (О. Славникова. Бессмертный); *Двигубский, поживавшийся, поправлявший свою мохнатую шапку (логическое развитие шевелюры...), болтавший **плохо привинченными** руками, слушал меня внимательно* (А. Макушинский. Город в долине); *На югосклоне ж, над городом, вследствие значительных дымочадных, коверкающих горизонт, работ всегда иметься в наличии выбору **вяленых и копченых** туч* (С. Соколов. Между собакой и волком); *...а один мужик, с глазами безгрешной голубизны на **сырокопченом** лице, обнимая жену под цветастую грудь, все орал, чтобы заворачивали на Красную площадь* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Предметные метафоры и сравнения выполняют в современной прозе различные функции. Прежде всего, функцию образной характеристики и оценочную функцию: *По советским меркам это была неплохая гитара, но по большому счету — Глеб понял это много позже, коллекционируя инструменты, — **лопата лопатой*** (Е. Водолазкин. Брисбен); *И выпрыгнуть, едва мы забрались в этот старый трясучий **саркофаг** [воздушный шар], захотелось немедленно. <...> помню, считала минуты до выброски, лишь бы поскорее покинуть эту летающую **гробину*** (Д. Рубина. Бабий ветер); *И торчат казанские минареты бестолковыми **оглоблями**, дырявят небо почем зря* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

Артефактные метафоры и сравнения могут выполнять текстообразующую функцию в произведении. Например, в романе М. Елизарова «Земля» такую функцию выполняет ключевая метафора *песочные часы*. Как отмечает О. Е. Евтушенко, «эта ключевая метафора несет в себе идею о том, что между жизнью и смертью нет границы. <...> Эта метафора представлена в тексте на уровне слова и на уровне структуры высказывания так, что осколки собираются в гештальт только после предъявления автором перифрастического описания песочных часов» [Евтушенко 2021: 78]: *... звукоизоляция, окружающая меня, приняла форму двухкамерной стеклянной капсулы, в которой время, предметы и я сам обращены в песчаный прах* (М. Елизаров. Земля). В романе Е. Водолазкина «Брисбен» предметные метафоры и сравнения, включающие названия музыкальных инструментов, не только развивают тему произведения, но также выполняют в нем

текстообразующую функцию [Николина, Петрова 2021]. В романе Д. Рубиной «Бабий ветер» такую же функцию выполняют компаративные тропы с образами сравнения *воздушный шар* и *парашиют*.

Артефактные метафоры и сравнения могут участвовать в реализации межтекстовых связей произведений и, таким образом, выступать и в интертекстуальной функции. Как отмечает Ю. В. Цинковская, «интертекстуальные метафоры расширяют границы произведения, вводят в текст другие тексты и произведения искусства как самостоятельные художественные образы» [Цинковская 2010а: 158]. Например, в романе А. Макушинского «Город в долине» разворачивается сравнение с винтом, восходящее к роману Л. Толстого «Война и мир», при этом сравнение трансформируется в метафору, ср.: *Когда Пьер после дуэли с Долоховым и разрыва с Элен сидит в Торжке на почтовой станции и ничего не может понять, не знает, для чего жить и что есть жизнь, что смерть, как будто... (я, по всегдашней своей привычке, нашел, вот только что, это место; поэтому цитирую буквально) “как будто в голове его свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь. Винт не входил дальше, не выходил вон, а вертелся, ничего не захватывая, всё на том же нарезе, и нельзя было перестать вертеть его”. Винт не входит и не выходит, сказал Двигубский, глядя на шапки пиний, и вытащить его не могу, и ввернуть не могу. Давно уже надо было все это бросить. Я брошу, вдруг сказал он, я помню. Если уж не сумел написать, то сумею хоть бросить, отказаться, признать свое поражение»: — Рукописи у меня в сохранности, а он все-таки должен, пока не поздно, попытаться выйти из этого тупика, вывернуть этот сорвавшийся винт. Он принимает свое поражение, пусть так....*

В том же романе А. Макушинского используется метафора *революционный кинжал*, отсылающая к стихотворению А. Пушкина «Кинжал»: *Б. И. передал мне рассказ Мясникова, что когда он был еще молодым рабочим и впервые был арестован за революционную деятельность и заключен в тюрьму, то, беря из тюремной библиотеки книги, читал Пушкина, как говорит, «запоем». <...> И вот Мясников наткнулся на стихотворение «Кинжал». «И он, — говорит Б. И., — рассказывал, что “Кинжал” произвел на него такое потрясающее впечатление, что в тюрьме он внутренне поклялся стать вот таким революционным “кинжалом”».*

Артефактные тропы неравномерно представлены в идиостилиях современных прозаиков. Как показывают наши наблюдения, наиболее часто образы артефактов используются в произведениях А. Иличевского, Е. Водолазкина и О. Славниковой. Выделяются в этом плане тексты О. Славниковой, которые характеризуются особенно высокой частотностью предметных метафор и сравнений. Эти компаративные конструкции в прозе Славниковой связаны с разворачиванием мотива противопостав-

ления живого/неживого и, соответственно, мотива смерти: «Она очень любит сравнивать живое с неживым. Традиционной аматизации и антропоморфизации неживой природы она предпочитает обратный процесс. <...> Подмена живого неживым (мертвым или косным) выводит прямоком на дорожку к Небытию» [Беляков 2006].

Итак, в современной русской прозе активно используются компаративные конструкции, в которые входят образы артефактов. Наполнение этих конструкций обновляется с течением времени. Так, широкое распространение получила в последние десятилетия компьютерная метафора. В современных прозаических текстах наблюдается детализация и конкретизация предметных метафор и сравнений посредством уточняющих и трансформирующих образ определений. Артефактные тропы активно взаимодействуют друг с другом, а также с метафорами и сравнениями других семантических классов, прежде всего антропоморфными, реже зооморфными. В текстах современной прозы представлены разные типы взаимодействия предметных метафор и сравнений (объединение артефактных тропов одной образной ситуацией, противопоставление их и др.). Артефактные тропы выполняют в тексте различные функции: функцию образной характеристики, оценочную функцию, текстообразующую и интертекстуальную функции.

Литература

- Беляков С. Натюрморт с камнем [Электронный ресурс] // Знамя. 2006. № 12. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3146> (дата обращения: 20.06.2022).
- Евтушенко О. В. Техники создания компаративных тропов в современной российской прозе // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: Сборник научных статей. М.: Аквилон, 2021. С. 69–83.
- Калафатич Ж. Мотивы информационных технологий в творчестве В. Пелевина // Настоящее и будущее русской литературы. Коллективная монография. Дебrecен: Издательство «DIDAKT», 2019. С. 49–58.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Образное поле «Музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Русская речь. 2021. № 4. С. 108–119.
- Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 491 с.
- Разуваева Л. В. Сравнение как средство репрезентации художественной картины мира (на материале русской прозы конца XX – начала XXI веков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 23 с.
- Хорошильцева Н. А. Фундаментальные метафоры в истории культуры [Электронный ресурс]. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3927 (дата обращения: 01.06.2022).

- Цинковская Ю.В. Виды художественных метафор в современной русской прозе // Ученые записки Забайкальского гос. гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г.Чернышевского. 2010а, № 3 (32). С. 154–158.
- Цинковская Ю.В. Антропоцентричные и предметные метафоры в современной русской прозе // Гуманитарный вектор. 2010b, № 2 (22). С. 155–158.

References

- Belyakov S. [Still-life with stone]. *Znamya*, 2006, no. 12. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3146> (accessed 20.06.2022). (In Russ.)
- Evtushenko O.V. [Techniques for creating comparative tropes in modern Russian prose]. *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: Sbornik nauchnykh statei* [Metaphorical world image of the modern prose: A collection of scientific articles]. Moscow, Akvilon Publ., 2021, pp. 69–83. (In Russ.)
- Kalafatich Zh. [Motives of information technologies in the works of V. Pelevin]. *Present and future of the Russian literature. Collective monograph*. Debrecen, DIDAKT Publ. House, 2019, pp. 49–58. (In Russ.)
- Khoroshil'tseva N.A. *Fundamental'nye metafory v istorii kul'tury* [Fundamental metaphors in the cultural history]. Available at: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3927 (accessed 01.06.2022).
- Nikolina N.A., Petrova Z.Yu. [Figurative field “Music” in the novel “Brisbane” by E. Vodolazkin]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 4, pp. 108–119.
- Pavlovich N.V. *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [The language of images. Paradigms of images in the Russian poetic language]. Moscow, Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 1995. 491 p.
- Razuvaeva L.V. *Sravnienie kak sredstvo reprezentatsii khudozhestvennoi kartiny mira (na materiale russkoi prozy kontsa XX – nachala XXI vekov). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Simile as a means of the representation of the literary world image (based on the material of the late 20th century – early 21st century Russian prose). Author's abstract of the cand. diss.]. Voronezh, 2009. 23 p.
- Tsinkovskaya Yu. V. [Types of metaphors in modern Russian prose]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gos. humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [Transactions of Transbaikalian State Humanities Pedagogical University]. 2010a, no. 3 (32), pp. 154–158. (In Russ.)
- Tsinkovskaya Yu.V. [Antropocentric and artefact metaphors in modern Russian prose]. *Gumani-tarnyi vektor*. 2010b, no. 2 (22), pp. 155–158. (In Russ.)

«Как часто, пестрою толпою окружен...»: Жуковский — Батюшков — Веневитинов — Лермонтов

Лев Аркадьевич Трахтенберг, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), Lev_A_T@inbox.ru

DOI: 10.31857/S013161170021746-9

АННОТАЦИЯ: В статье показано, что первые два слова стихотворения М. Ю. Лермонтова: «Как часто...» — можно рассматривать как ритмико-синтаксическую формулу, сложившуюся в поэзии 1800-х — начала 1820-х гг. Ее история начинается с элегии В. А. Жуковского «Сельское кладбище», где она вводит анафору. В послании Жуковского «К Филалету» устанавливается ассоциация этой формулы с темой воспоминания-мечты. К. Н. Батюшков в «Воспоминаниях» дополняет ее мотивом одиночества в толпе. В «Подробном отчете о луне» Жуковского тема воспоминания приобретает пространственное измерение. А в «Послании к Р<ожали>ну» Д. В. Веневитинова ситуация одиночества в толпе соединяется с образом рукопожатия как метафорой взаимопонимания, которого тщетно ищет поэт.

Таким образом, в стихотворении Лермонтова начальные слова вызывают ассоциации с поэтической традицией, вводя темы воспоминания и одиночества. Вместе с тем в соответствии со своим буквальным смыслом они обобщают ситуацию стихотворения, контрастируя с открывающей текст точной датой — «1 января», которая выполняет функцию заголовка. Благодаря синтезу единичного момента во времени действительности и ряда повторений во времени мечты произведение приобретает универсальный смысл.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература XIX века; поэтическая формула; история мотива; реминисценция; темы воспоминания, мечты, одиночества
для цитирования: Трахтенберг Л. А. «Как часто, пестрою толпою окружен...»: Жуковский — Батюшков — Веневитинов — Лермонтов // Русская речь. 2022. № 4. С. 87–99. DOI: 10.31857/S013161170021746-9.

The Language of Fiction

“How Often, Surrounded by the Motley Crowd...”: Zhukovsky — Batyushkov — Venevitinov — Lermontov

Lev A. Trakhtenberg, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), Lev_A_T@inbox.ru

ABSTRACT: The paper shows that the first two words of Mikhail Lermontov’s poem, *How often*, can be viewed as a formula, which evolves in the 1800s — early 1820s. Its history begins with Vasily Zhukovsky’s translation of Thomas Gray’s *Elegy Written in a Country Churchyard*, where it introduces an anaphor. In another poem by Zhukovsky, the epistle *To Philaethes*, the formula comes to associate with the theme of recollection as dream. Konstantin Batyushkov in his *Recollections* supplements it with the motif of loneliness in a crowd. In Zhukovsky’s *Detailed Report on the Moon* this theme acquires a spatial dimension. In Venevitinov’s *Epistle to R<ozhali>n* the situation of loneliness in a crowd is combined with the metaphor of handshake signifying mutual understanding, which the poet fails to find. Thus the first words of Lermontov’s poem call forth associations with the poetic tradition, introducing the themes of recollection and loneliness. They also generalise the situation, as far as their literal meaning goes, contrasting with the precise date, *January 1*, which opens the text as its heading. The synthesis of a unique moment in the time of reality and a multitude of repetitions in the time of dream gives the poem a universal meaning.

KEYWORDS: Russian 19th-century literature; poetic formula; history of a motif; reminiscence; themes of recollection, dream, loneliness

FOR CITATION: Trakhtenberg L. A. "How Often, Surrounded by the Motley Crowd...": Zhukovsky – Batyushkov – Venevitinov – Lermontov. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 4. Pp. 87–99. DOI: 10.31857/S013161170021746-9.

Тема статьи — два первых слова хрестоматийно известного стихотворения М. Ю. Лермонтова: «Как часто...»¹. Задача — показать, что в русской поэзии первых десятилетий XIX века эти слова, выступающие в начале стихотворной строки, складываются в ритмико-синтаксическую формулу, и проследить путь ее становления.

Первые два слова в стихотворении Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840)² сосредоточивают на себе внимание читателя, поскольку они выделены синтаксически и, благодаря этому, ритмически. Формально они входят в состав главной части сложного предложения, занимающего две первых строфы:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
 При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
 Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
 Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
 Погибших лет святые звуки [Лермонтов 2014, т. 1: 380].

¹ Из работ об этом стихотворении см. [Гинзбург 1940: 78, 83, 88; Розанов 1990: 177–179, 191, 273 (переиздание книги 1942 г.); Герштейн 1986: 41–49 (1-е изд. — 1964); Маймин 1972: 195–206; Сквозников 2002: 47–52; Юхнова 2003: 115–121; Ермоленко 2014: 25–29; Козлов, Мирошниченко 2014: 13–16]; библиография также приведена в статье «Лермонтовской энциклопедии» [Назарова, Найдич 1981: 215–216] и в комментарии к изданию [Лермонтов 2014, т. 1: 635].

² Здесь и далее, если не указано иное, приводится дата первой публикации, а не создания произведения.

«Пестрою толпою окружен» — причастный оборот, прямо не связанный с первыми двумя словами фразы: синтаксически он подчинен непосредственно сказуемому. Но сказуемое это далеко: оно отделено от первой строки в синтаксическом отношении двумя временными придаточными частями («Когда передо мной...», «Когда касаются...») и деепричастным оборотом («Наружно погружаясь в их блеск и суету»), а в стиховом — границей между первой и второй строфами. Все это создает у читателя впечатление изоляции первых двух слов стихотворения, тем самым выделяя их как особую формулу поэтической речи. Для осознания их как формулы принципиальную роль играет, конечно, сильная позиция начала стиха, строфы и текста в целом.

Как эта формула входит в русский поэтический язык? Ее история ведет к началу XIX века, к творчеству В. А. Жуковского — новатора, открывателя многих путей в русской поэзии³.

Е. Г. Эткинд отмечает связь стихотворений «Как часто, пестрою толпою окружен...» Лермонтова и «Сельское кладбище» — Жуковского. Сходство, о котором он говорит, стилистическое и композиционное: оно состоит в характере словосочетаний и в композиционном решении, соотносящем две части — пейзаж и лирическую медитацию [Эткинд 1978: 179–180]. И здесь же следует искать истоки использованной Лермонтовым формулы. Слова «как часто» в позиции начала строки встречаются в стихотворении Жуковского четырежды, два раза в седьмой и два — в пятнадцатой строфе:

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля! <...>

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой [Жуковский 1999: 53–54].

Как известно, «Сельское кладбище» (1802) — перевод «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея (1751)⁴. Сопоставление стихотворения Жуковского с английским оригиналом дает возможность наблюдать рождение поэтической формулы. В обеих строфах, которые у Жуковского начинаются с «как часто», у Грея также анафора — однако не одна и та же.

³ См., например, [Виноградов 1941: 161–178; Жуковский 1965: 23–89; Семенко 1975: 114–157; Янушкевич 1985; Гаспаров 2000: 111–167].

⁴ Элегия Жуковского неоднократно анализировалась [Эткинд 1973: 56–73; Топоров 1981: 207–286; Вацуру 1994: 48–73; Фрайман 2002: 12–35; Козлов 2012: 326–346].

В первой из этих строф есть слова *how* 'как' и *oft* 'часто'; оба находятся в позиции начала строки, тем самым привлекая к себе внимание читателя, и оба повторяются — но синтаксической связи между ними нет. *How* образует анафору в третьем и четвертом стихах катрена, предшествуя притом не одному и тому же слову, как впоследствии у Жуковского, а разным — наречию и глаголу соответственно:

Oft did the harvest to their sickle yield,
Their furrow oft the stubborn glebe has broke:
How jocund did they drive their team afield!
How bow'd the woods beneath their sturdy stroke. <...>

Full many a gem of purest ray serene
The dark unfathom'd caves of ocean bear:
Full many a flower is born to blush unseen,
And waste its sweetness on the desert air [Gray 1879: 74, 76].

Таким образом, хотя оба слова — и *как*, и *часто* — соответствуют лексемам английского оригинала, их сочетание оттуда не заимствовано. Повторяя его на протяжении двух строф, формульный характер придает ему именно Жуковский.

Следующий раз Жуковский начинает строку с сочетания «как часто» в послании «К Филалету» (1809): «Как часто о часах минувших я мечтаю!» [Жуковский 1999: 139]. Здесь возникает то, чего еще нет в «Сельском кладбище», но что очень важно для Лермонтова, — ассоциация этой формулы с темой воспоминания. В дальнейшем эта ассоциация будет лишь усиливаться, дополняясь новыми семантическими оттенками.

К той же формуле, также в позиции начала строки, вероятно под влиянием Жуковского, прибегает К. Н. Батюшков в двух ключевых текстах — элегиях «Мечта» и «Воспоминания».

В стихотворении «Мечта» эта формула появляется в фрагменте, представляющем собой риторическое обращение к Горацию:

Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединенье,
Ты ждал Глицерию <...> [Батюшков 1977: 258].

Здесь разработана тема иная, нежели в рассмотренных стихотворениях Жуковского, но родственная — не воспоминания, а ожидания, мечты не о прошлом, а о будущем; обе темы объединяет элегическая медитативная установка [Вацура 1994: 77–86].

Важно отметить, что в первоначальной редакции стихотворения, написанной в 1802–1803 гг. и изданной в 1806 г., фрагмент о Горации короче

и формулы «как часто» там нет. Она впервые появляется в промежуточной редакции, создававшейся, по-видимому, в 1809–1810 гг. и опубликованной в 1811 г. (с разночтением: вместо «в Тибуре» — «в Тиволи»), и сохраняется в окончательной, вошедшей в единственный прижизненный сборник произведений Батюшкова — «Опыты в стихах и прозе» (1817). В этом сборнике «Мечта» занимает сильную позицию, завершая первый раздел тома стихов — «Элегии»⁵. Возможно, введение этой формулы в позднюю редакцию отражает знакомство Батюшкова с «Сельским кладбищем» Жуковского. Влияние Жуковского на эту редакцию подтверждается и текстологическими данными. Ее черновая рукопись сохранилась в архиве Жуковского, и на ней есть помета с рекомендацией исправить текст, сделанная, по-видимому, его рукой. Жуковский же впервые публикует полный текст новой редакции в антологии «Собрание русских стихотворений» (см. комментарии: [Батюшков 1934: 473–481; Батюшков 1964: 314]).

А в элегии Батюшкова «Воспоминания», напечатанной впервые в «Опытах...» с подзаголовком «Отрывок»⁶, как и в «Сельском кладбище», формула повторяется дважды, образуя анафору. Факт повтора — дополнительный аргумент в пользу предположения о том, что здесь можно видеть именно реминисценцию из элегии Жуковского — Грея. Поэт обращается к возлюбленной:

Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою,
И Сейна по цветам льет сребренный кристалл,
Как часто среди толпы и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен
Я пенье забывал волшебное сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной [Батюшков 1977: 213].

Здесь в ассоциации с формулой «как часто» выступает еще один мотив, который будет играть строевую роль в стихотворении Лермонтова, — одиночество в толпе. Звучит сразу после этой формулы, в той же строке, само слово *толпа*, сопровождаемое эпитетами; Лермонтов повторит этот лексический ход. Главное же, что формула «как часто» соединяет две пространственно-временных сферы: поэт находится среди чуждой ему толпы, но переносится мыслью к прошлому и мечтает об утраченной любви. У Лермонтова эта ситуация повторится.

⁵ О значении этого стихотворения для сборника в целом см. в [Зубков 1987: 326].

⁶ Более полный текст этого произведения, который сейчас печатается под заглавием «Элегия» («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...»), сохранился в рукописи, принадлежавшей Жуковскому, и был опубликован лишь через много лет после смерти Батюшкова — в 1884 г. Цитированный фрагмент представлен там с некоторыми разночтениями [Батюшков 1964: 199].

В свою очередь, Жуковский еще раз использует формулу «как часто» в той же позиции в «Подробном отчете о луне» (1820). Она также вводит тему воспоминания, которая развертывается в следующих строках:

Как часто вдруг возвращено
Каким-то быстрым мановеньем
Все улетевшее давно!
И видим мы воображеньем
Тот свежий луг, где мы цвели;
Даруем жизнь друзьям отжившим
Былое кажется небывшим
И нас манящим издали <...> [Жуковский 2000: 201–202].

Здесь воспоминание приобретает пространственную форму. Картина пространства есть и в «Воспоминаниях» Батюшкова, но в «Подробном отчете о луне» другой предмет изображения. Если Батюшков описывает то место, где находится поэт, когда обращается мыслью к прошлому, то у Жуковского развернутая в пространстве картина составляет содержание воспоминания. В этом отношении Лермонтову ближе образец Жуковского. Однако характер образа в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» иной, нежели в «Подробном отчете...». В стихотворении Жуковского луг — это лишь аллегория прошлого; Лермонтов же описывает пространство реальное — усадьбу, с которой связаны воспоминания его детства.

Формула «как часто» появляется и у других поэтов. Несколько раз встречается она у А. С. Пушкина. Один из примеров — в «Кавказском пленнике» (1822): «Как часто пленник над аулом / Недвижим на горе сидел!» [Пушкин 1937: 98]. Тема медитации здесь имплицирована статуарной позой героя: о чем он думал — не говорится (одно из типичных для романтической поэмы умолчаний [Жирмунский 1978: 54–69]), сказано лишь, что он «...бури немощному вою / С какой-то радостью внимал» [Пушкин 1937: 99].

Ф. И. Тютчев использует эту формулу в стихотворении «Высокого предчувствия...», которое датируется концом 1820-х гг., не опубликованном при жизни автора, а значит, очевидно, неизвестном Лермонтову. Оно представляет собой частичный перевод оды А. Мандзони «Пятое мая», посвященной смерти Наполеона. В соответствующем контексте разрабатывается тема воспоминания: «Как часто высказать себя / Душа сия хотела <...> Как часто пред кончиной дня <...> Крестом сложивши руки, / Стоял он — и минувшее / Овладевало им!..» [Тютчев 2002: 69]. В итальянском оригинале анафору в этом месте вводит оборот “Oh quante volte...” ‘Ах, сколько раз...’ [Manzoni 1881: 691].

Д. В. Веневитинов в «Послании к Р<ожали>ну» (написанном в 1826 г., а впервые опубликованном в 1829, уже после кончины поэта) с помощью

той же формулы описывает, как и Батюшков в «Воспоминаниях», ситуацию одиночества в толпе. Как в стихотворении Батюшкова (и, вероятно, под воздействием этого образца), в «Послании к Р<ожали>ну» пространству реальности противопоставлено пространство мечты. Поэт размышляет; он ищет родственной души, но не находит ее рядом. Метафорой взаимопонимания, так им и не обретенного, служит образ рукопожатия, который впоследствии развивает Лермонтов — вполне возможно, с опорой на стихотворение Веневитинова⁷:

Когда б в пустыне многолюдной
Ты не нашел души одной, —
Поверь, ты б навсегда, друг мой,
Забыл свой ропот безрассудной.
Как часто в пламени речей,
Носяся мыслью среди друзей,
Мечте обманчивой, послушной,
Давал я руку простодушно —
Никто не жал руки моей [Веневитинов 1980: 44].

У самого Лермонтова в раннем творчестве сочетание «как часто» в позиции начала строки встречается неоднократно. Первый случай — в юношеской поэме «Корсар», созданной, по-видимому, в 1828 г. и не публиковавшейся при жизни поэта [Лермонтов 2014, т. 2: 587], в том месте, где рассказывается о раздумьях героя в разбойничьей пещере, перед тем как он сам присоединяется к пиратам: «Как часто ночью я сидел, / Воспомявая и мечтая <...>» [Лермонтов 2014, т. 2: 40]. Здесь можно услышать реминисценцию из «Кавказского пленника» Пушкина: как известно, первые поэмы Лермонтова в целом представляют собой опыт разработки сформировавших традицию жанра мотивов [Эйхенбаум 1924: 24–27]. Лермонтов сохраняет ассоциацию формулы «как часто» с ситуацией размышления, которая в «Корсаре» остается свернутой до нескольких слов.

Та же формула появляется и в поэме «Джюлио», созданной двумя годами позднее — в 1830 г. — и также опубликованной лишь посмертно [Лермонтов 2014, т. 2: 593]. Укрепляется связь формулы с темой размышления: «Как часто в душном сумраке ночном / Со страхом пробегал я жизнь мою <...>» [Лермонтов 2014, т. 2: 72]. Как и у Жуковского, сочетание «как часто» повторяется (на этот раз — трижды). Но на смену меланхолии Жуковского приходит драматизм: тяжело больной, ожидая смерти, герой вспоминает прошлое.

⁷ Другие параллели между этим стихотворением Веневитинова и лирикой Лермонтова проводятся в работе [Журавлева 2002: 38–39].

Наконец, эта формула употреблена в стихотворении «1831-го июня 11 дня» — программном, одном из важнейших в корпусе ранней лирики Лермонтова⁸, но тоже при жизни автора не печатавшемся. Здесь она занимает позицию начала не только строки, но и строфы, причем композиционно значительной — второй: «Как часто силой мысли в краткой час <...>». Тема медитации сохранена и здесь; ее маркирует, как и в «Корсаре», слово *мечта* [Лермонтов 2014, т. 1: 153].

Из сказанного видно, что к тому моменту, когда Лермонтов создает стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...», открывающие текст слова уже сложились в формулу, в поэтический фразеологизм. Как Лермонтов его использует?

Он выдвигает эту формулу в начало уже не только стиха и строфы, но всего произведения. Тем самым она приобретает значение семантического ключа ко всему тексту. Она коннотирует смысловое поле *мечты* и *воспоминания*. Аспекты воспоминания — пространственный и субъективный, топос прекрасного места счастья и покоя (*locus amoenus*) и идеализированный, преодолевающий грань реального образ возлюбленной. Этот комплекс мотивов представлен в стихотворении Батюшкова «Воспоминания», которое можно признать наиболее близким по смыслу непосредственным претекстом произведения Лермонтова. Первоисточник формулы — «Сельское кладбище» Жуковского. Другое стихотворение Жуковского — «Подробный отчет о луне» — возможно, подсказывает Лермонтову идею о разработке темы воспоминания в форме пространственной картины. А метафорически осмысленный образ рукопожатия в связи с темой медитации на фоне одиночества в толпе напоминает о «Послании к Р<ожали>ну» Д. В. Веневитинова.

Давно отмечено, что стихотворение Лермонтова в композиционном и идейном отношении построено на контрасте: пространственном («здесь» светского бала и «там» — усадьбы), временном (настоящего и прошлого), сущностном (мрачной реальности и светлой мечты), наконец, жанровом (сатиры и элегии). Но еще один контраст заключен в его первых словах. Это два слова заголовка — «1 января» — и другие два слова первой строки: «Как часто...». Они задают контраст частного и общего. Заголовок приурочивает ситуацию стихотворения к определенному моменту, начало первой строки представляет ее как многократно повторяющуюся. Этот синтез сиюминутной реальности и вневременной мечты придает стихотворению универсальный смысл.

⁸ См. о нем [Эйхенбаум 1924: 40; Гинзбург 1940: 64–65, 107–108; Эйхенбаум 1941: 11, 18, 22; Журавлева 2002: 61–65].

Источники

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. 607 с. (Лит. памятники).

Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Фрийдмана. М.; Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1964. 354 с. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Батюшков К. Н. Сочинения / Ред., ст. и коммент. Д. Д. Благого. М.; Л.: Academia, 1934. 748 с.

Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. Е. А. Маймин, М. А. Чернышев. М.: Наука, 1980. 608 с. (Лит. памятники).

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 1999. 760 с.; Т. 2. Стихотворения 1815–1852 гг. / Ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки русской культуры, 2000. 840 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Стихотворения / Подг. текста А. С. Бодровой и С. А. Степиной; коммент. А. С. Бодровой, О. В. Миллер, Н. Г. Охотина, И. С. Чистовой; отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 776 с.; Т. 2. Поэмы / Подг. текста и коммент. О. В. Миллер и Ю. М. Прозорова; отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. 704 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. Поэмы, 1817–1824 / Общ. ред. тома С. М. Бонди. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 483 с.

Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849 / Сост. В. Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2002. 528 с.

Gray T. Poems and letters. London, Chiswick Press, 1879. XVI, 415, [1] p.

Manzoni A. Opere varie. Milano, Fratelli Rechiedei, 1881. 731 p.

Литература

Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука. Санкт-Петербург. изд. фирма, 1994. 238, [2] с.

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1941. 620 с.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Изд. 2-е, доп. М.: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.

Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Худож. лит., 1986. 351 с.

Гинзбург Л. Я. Творческий путь Лермонтова. Л.: Худож. лит., 1940. 223 с.

Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 356 с.

Л. А. Трахтенберг. «Как часто, пестрою толпою окружен...»: Жуковский – Батюшков – Веневитинов – Лермонтов
L. A. Trakhtenberg. "How Often, Surrounded by the Motley Crowd...": Zhukovsky – Batyushkov – Venevitinov...

- Ермоленко С. И.* Два образа мира – два типа миропереживания: М. Ю. Лермонтов «Как часто, пестрою толпою окружен» // Филологический класс. 2014. № 3 (37). С. 25–29.
- Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избр. тр. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 423 с.
- Журавлева А. И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
- Зубков Н. Н.* Опыты на пути к славе: О единственном прижизненном издании К. Н. Батюшкова // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг свершив: О судьбе произведений Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского. М.: Книга, 1987. С. 265–350. (Судьбы книг).
- Козлов В. И.* Жанровые ингредиенты «Сельского кладбища» // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 326–346.
- Козлов В. И., Мирошниченко О. С.* Идиллический «ключ» к поэзии М. Ю. Лермонтова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 12–25.
- Маймин Е. А.* Опыты литературного анализа. М.: Просвещение, 1972. 207 с.
- Назарова Л. Н., Найдич Э. Э.* «Как часто, пестрою толпою окружен» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 215–216.
- Розанов И. Н.* Лермонтов мастер стиха // Розанов И. Н. Литературные репутации. Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990. С. 110–280.
- Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975. 256 с.
- Сквозников В. Д.* Русская лирика: Развитие реализма. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 162 с.
- Топоров В. Н.* «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. 10. No. 3. P. 207–286.
- Фрайман Т. Н.* Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е – начало 1820-х годов). Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 2002. 161 с.
- Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.
- Эйхенбаум Б. М.* Литературная позиция Лермонтова // Литературное наследство Т. 43/44. М. Ю. Лермонтов. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 3–82.
- Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1973. 248 с. (Серия «Из истории мировой культуры»).
- Эткинд Е. Г.* Материя стиха. Париж: Institut d'études slaves, 1978. 506 с. (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. T. XLVIII).
- Юхнова И. С.* Человек и мир в стихотворениях Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...» // Болдинские чтения. [2001]. Нижний Новгород: Изд-во «Вектор-Тис», 2003. С. 115–121.
- Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 285 с.

References

- Eikhenbaum B. M. *Lermontov: Opyt istoriko-literaturnoi otsenki* [Lermontov: An attempt of literary assessment]. Leningrad, State Publishing House, 1924. 168 p.
- Eikhenbaum B. M. [Lermontov's literary position]. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 43/44. M.Yu. Lermontov. Book 1. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ. House, 1941, pp. 3–82. (In Russ.)
- Ermolenko S. I. [Two images of the world – two types of experience: M. Yu. Lermontov's "How often, surrounded by the motley crowd..."]. *Filologicheskii klass*, 2014, no. 3 (37), pp. 25–29. (In Russ.)
- Etkind E. G. *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1973. 248 p.
- Etkind E. G. *Materiya stikha* [The matter of verse]. Paris, Institut d'études slaves Publ., 1978. 506 p.
- Fraiman T. N. *Tvorcheskaya strategiya i poetika V.A. Zhukovskogo (1800-e – nachalo 1820-kh gg.)* [V.A. Zhukovsky's creative strategy and poetics (1800s – early 1820s)]. Tartu, Tartu Ülikooli kirjastus Publ., 2002. 161 p.
- Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofikha* [Handbook on the history of Russian verse. Meter. Rhythm. Rhyme. Stanza]. 2nd ed., enlarged. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 352 p.
- Gershtein E. G. *Sud'ba Lermontova* [Lermontov's fate]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986. 351 p.
- Ginzburg L. Ya. *Tvorcheskii put' Lermontova* [Lermontov's life and oeuvre]. Leningrad, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1940. 223 p.
- Gukovskii G. A. *Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and the Russian romantics]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1965. 356 p.
- Kozlov V. I. [Genre ingredients of "A Country Churchyard"]. *Voprosy literatury*, 2012, no. 3, pp. 326–346. (In Russ.)
- Kozlov V. I., Miroshnichenko O. S. [The idyllic "key" to M. Yu. Lermontov's poetry]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2014, no. 4, pp. 12–25. (In Russ.)
- Majmin E. A. *Opyty literaturnogo analiza* [Essays in literary analysis]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 207 p.
- Nazarova L. N., Naidich E. E. ["How often, surrounded by the motley crowd..."]. *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1981, pp. 215–216. (In Russ.)
- Rozanov I. N. [Lermontov, master of verse] // Rozanov I. N. *Literaturnye reputatsii. Raboty raznykh let*. Moscow, Sovetskii Pisatel' Publ., 1990, pp. 110–280. (In Russ.)
- Semenko I. M. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [Zhukovsky's life and poetry]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1975. 256 p.
- Skvoznikov V. D. *Russkaya lirika: Razvitie realizma* [Russian lyrics: development of realism]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002. 162 p.

Л. А. Трахтенберг. «Как часто, пестрою толпою окружен...»: Жуковский – Батюшков – Веневитинов – Лермонтов

L. A. Trakhtenberg. "How Often, Surrounded by the Motley Crowd...": Zhukovsky – Batyushkov – Venevitinov...

- Toporov V.N. [Zhukovsky's "A Country Churchyard": to the sources of Russian poetry]. *Russian Literature*, 1981, vol. 10, no. 3, pp. 207–286. (In Russ.)
- Vatsuro V.E. *Lirika pushkinskoi pory: «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of the Pushkin age: "The elegiac school"]. St. Petersburg, Nauka Publ., St. Petersburg publishing firm, 1994. 238, [2] p.
- Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, State Publishing House for Fiction, 1941. 620 p.
- Yanushkevich A.S. *Etapy i problemy tvorcheskoi evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [Stages and problems of the evolution of V.A. Zhukovsky's oeuvre]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1985. 285 p.
- Yukhnova I.S. [Human and world in Pushkin's "Along the noisy streets I wander..." and Lermontov's "How often, surrounded by the motley crowd..."]. *Boldinskie chteniya. [2001]*. Nizhny Novgorod, "Vektor-TiS" Publ., 2003, pp. 115–121. (In Russ.)
- Zhirumskii V.M. *Bairon i Pushkin; Pushkin i zapadnye literatury: Izbrannye trudy* [Byron and Pushkin; Pushkin and Western literature: Selected works]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1978. 423 p.
- Zhuravleva A.I. *Lermontov v russkoi literature. Problemy poetiki* [Lermontov in Russian literature. Problems of poetics]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2002. 288 p.
- Zubkov N.N. [Attempts on the way to fame: On the only lifetime edition of K. N. Batyushkov] // Zorin A. L., Zubkov N. N., Nemzer A. S. *Svoi podvig svershiv: O sud'be proizvedenii G. R. Derzhavina, K. N. Bat'ushkova, V.A. Zhukovskogo*. Moscow, Kniga Publ., 1987, pp. 265–350. (In Russ.)

Об одном стихотворении Яна Сатуновского

Надежда Ароновна Шапиро, Школа № 57 (Россия, Москва), nashapiro@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170021747-0

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена разбору одного стихотворения Яна Сатуновского. Яков Абрамович Сатуновский (1913–1982) — русский поэт, участник Великой Отечественной войны, оказал значительное влияние на развитие современной русской поэзии. Однако при жизни его взрослые стихи в Советском Союзе не публиковались, издавались только стихи для детей. Стихотворение, которому посвящена статья, было написано в 1939 году, а напечатано в 1974-м, в самиздатском собрании сочинений в трех томах, озаглавленном «Избранное» (тиражом 7 экз.) под номером шесть: *Вчера, опаздывая на работу, / я встретил женщину, / ползавишую по льду, / и поднял ее, а потом подумал: — Ду- / рак, а вдруг она враг народа? / Вдруг! — а вдруг наоборот? / Вдруг она друг? Или, как сказать, обыватель? / Обыкновенная старуха на вате, / шут ее разберет.*

Это стихотворение может показаться неуклюжим, неумелым, ритм и рифма улавливаются в нем с трудом. В действительности же оно мастерски выстроено. Подробный анализ лексических, грамматических, звуковых особенностей и сравнение с близкими по теме или звучанию классическими образцами лирики помогает оценить и своеобразие поэтического языка незаурядного автора, и сложность интонации и смысла конкретного стихотворения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия, Ян Сатуновский, самиздат, лианозовцы, второй поэтический авангард

для цитирования: Шапиро Н. А. Об одном стихотворении Яна Сатуновского // Русская речь. 2022. № 4. С. 100–106. DOI: 10.31857/S013161170021747-0.

The Language of Fiction

On a Poem by Jan Satunovsky

Nadezhda A. Shapiro, School No. 57 (Russia, Moscow), nashapiro@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of a poem by Jan Satunovsky.

Jacob Abramovich Satunovsky (1913-1982) is Russian poet, a participant of the World War II, who made significant impact on the development of contemporary Russian poetry. However, during his lifetime, many of his poems were not published in Soviet Union, with an exception of poems for children.

The poem, to which the article is devoted was written in 1939 and published in 1974 in samizdat collected works in three volumes, entitled “Selected works” (a run of 7 copies):

Yesterday, running late for work, / I met a woman / crawling on the ice, / I helped her up, and then suddenly thought: - Idi / ot!, what if she is a public enemy? / Suddenly! Or maybe the other way around? / What if she's a friend? Or, so to say, a layman? / An ordinary old woman in a shabby jacket, / One never knows!

This poem may seem clumsy, inept, lacking rhythm and rhyme. However, it is masterfully lined up. Detailed Analysis of lexical, grammatical and phonetic features and comparison to other poems with similar theme or sound helps to appreciate both the originality of poetic language of an outstanding author and the complexity of Intonation and meaning of the poem.

KEYWORDS: Russian poetry, Yan Satunovsky, samizdat, Lianozovo group, the second poetic avant-garde

FOR CITATION: Shapiro N. A. On a Poem by Jan Satunovsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 100–106. DOI: 10.31857/S013161170021747-0.

*Мне говорят:
какая бедность словаря!
Да, бедность, бедность;
низость, гнилость барачков;
серость,
сырость смертная;
и вечный страх: а ну, как...
да, бедность, так.*

Ян Сатуновский

Вчера, опаздывая на работу,
я встретил женщину, ползавшую по льду,
и поднял ее, а потом подумал: — Ду-
рак, а вдруг она враг народа?
Вдруг! — а вдруг наоборот?
Вдруг она друг? Или, как сказать, обыватель?
Обыкновенная старуха на вате,
шут ее разберет.

1939

При жизни Яна Сатуновского (1913–1982), русского поэта, участника Великой Отечественной войны, в Советском Союзе были опубликованы только его детские стихи. Он говорил о себе не без горечи: «Я не поэт, не печатаюсь с одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года». А между тем сейчас уже не подлежит сомнению, как многим обязана ему современная русская поэзия.

В 1974 г. Сатуновский в семи экземплярах напечатал свое «Избранное» в трех томах, пронумеровав все стихотворения и указав год написания каждого¹. «Вчера, опаздывая на работу...» помещено там под номером 6.

Мне случалось несколько раз разговаривать об этом стихотворении и со старшеклассниками, и со взрослыми людьми, школьными учителями, и выслушивать первые впечатления. Обычно такие: оно совсем простое по содержанию и немудрящее, неумелое по языку и потому смешное. Поэт (или герой) рассказывает, какой случай с ним произошел: он увидел, что женщина упала и не может подняться, помог ей, несмотря на то что торопился, а потом задумался, правильно ли он поступил, не является ли она врагом народа, да так и не нашел ответа. И рассказ этот очень неуклюжий, не похож на стихи. Не улавливается ритм, вначале с трудом обнаруживаются

¹ На основании этого издания позднее вышла книга [Сатуновский 2012].

рифмы (*работу — народа, по льду — ду* — первый слог слова), а когда обнаруживаются, производят впечатление плохих. И слова непоэтические: ни метафор, ни сравнений, единственное прилагательное — «обыкновенная». Кажутся совсем неподходящими для стихов разговорные «шут ее разберет», «как сказать», «дурак», да и «старуха на вате» (такое выражение не относится к устойчивым, зато есть «барыня на вате», а чаще «старая барыня на вате» или «стара барыня на вате» — презрительное или насмешливое наименование. А «встретил женщину, ползавшую по льду» вообще нельзя сказать, если герой не ползет навстречу. Проще всего подумать, что перед нами или комичный графоманский опыт, или сатира.

Первое предположение отмечаем хотя бы потому, что стихотворение написал известный поэт в 26 лет (на самом деле, конечно, не только поэту). А что или кого может оно высмеивать? Наверное, простодушного героя, который и рассказывать умеет не очень хорошо, и думает не о том, зачем-то пытается угадать, не враг ли народа поскользнувшаяся на льду старая женщина. Вероятно, хочет соответствовать каким-то идеологическим установкам своего времени?

Проверим свои ощущения и сознаемся, что мы вольно или невольно преувеличили или даже сочинили возможность комического или сатирического восприятия стихотворения. Поддались наивному представлению: просторечие, ошибки, нескладица — для смеха.

А между тем стихотворение только на самый первый взгляд неуклюже. Оно сделано мастерски и очень четко выстроено; здесь два четверостишия с опоясывающей рифмовкой, написанные тоническим стихом²; но стихотворение разделяется на две части, не совпадающие со строфическим делением: рассказ о событии (1–3 строки, третья — без последнего слога) и размышления — все остальное. Это короткое стихотворение все время держит читателя в напряжении, потому что несколько раз обманывает ожидания. Начало — «Вчера, опаздывая на работу, я встретил женщину» — может показаться романтической завязкой, характерной для любовной лирики: «Я встретил вас — и все былое...» или «Средь шумного бала случайно...». Продолжение — «ползавшую по льду» — обескураживает грубой точностью и бесстрастностью изображения; движения сюжета по инерции не произошло. Этот слом подчеркнут ритмически: если все сказанное раньше можно было воспринимать как ямб — пятистопный с двумя пиррихиями³ в первой строке и еще три стопы во второй, — то слово

² **Тонический стих** — «стих, организованный не равносложием строк, а определенным количеством ударных слов в стихе, причем количество слогов от ударения до ударения остается произвольным» [Квятковский 1966].

³ **Пиррихий** — это стопа из двух безударных слогов, заменяющая стопу ямба или хорей; отсутствие ударения в ямбе или хорее.

«ползающую» не оставляет такой возможности (заметим, что если бы на этом месте было «ползущую», ямб бы сохранился).

Третья строка порождает новое ожидание: речь может пойти о судьбе женщины; снова память услужливо предлагает образец — некрасовское «Вчерашний день, часу в шестом // Зашел я на Сенную. // Там били женщину кнутом, // Крестьянку молодую. // Ни звука из ее груди...». И это ожидание не оправдывается. Внезапное вторжение слова «дурак», да еще разбитого на слоги, отнесенные к разным строкам, — очень сильное место, новый неожиданный поворот. Весь предшествующий текст — одно бесстрастное повествовательное предложение — длинное, с причастным и деепричастным оборотами и однородными сказуемыми, весь последующий — короткие вопросительные предложения, 3–4 слова, почти без глаголов, сбивчивые, с настойчиво повторяющимся «вдруг».

Вот главная часть нервного (и/или насмешливого) разговора героя с самим собой: — *Ду- рак, а вдруг она враг народа? Вдруг! — а вдруг наоборот? Вдруг она друг?*

Здесь все запутанно, непонятно. Почему герой называет себя дураком? Нельзя помогать врагу? Или опасно помогать тому, кто может быть разоблачен как враг народа, — окажешься сообщником? Дальше — еще один неожиданный, нелогичный поворот. А если эта женщина не враг, а друг — это хорошо? А если хорошо, тогда какой смысл имеет это «вдруг» в двух последних случаях? Вдруг ты подумаешь, что она враг, а на самом деле она друг?

Амплитуда предположений — от страшного наименования эпохи Большого террора «враг народа» к неопределенному и неполитическому «друг» — и дальше к ярлыку «обыватель», который звучит не так угрожающе: мимикрировавший обыватель уже обличен советской поэзией 20-х годов, достаточно вспомнить стихотворение Маяковского «О дряни» («Страшнее Врангеля обывательский быт!»), и в тридцатые годы вызывает уже не гнев, а легкое презрение на фоне новых угроз.

Ощущение запутанности, сумятицы, неразберихи усугубляется тем, что слова в этих строках состоят по большей части из совпадающих звуков: *дурак, вдруг, враг, друг* почти неразличимы; сливаются в звучании *а, она, на работу, народа, наоборот*. Интересно, что слово, принадлежащее официальному идеологическому и политическому словарю, словно на наших глазах рождается из слов обыденных, бытовых (*дурак — вдруг — враг народа*) или распадается на слова обыденные (*обыватель — обыкновенная — на вате*).

Особенности звучания подталкивают к осознанию: внезапно, почти незаметно, *вдруг*, можно из друга превратиться во врага или наоборот или друга назвать врагом — только один-два звука добавь или замени.

Из-за многочисленных созвучий возникают внутренние рифмы. На слух можно не угадать авторскую разбивку на строки и предположить другую, например, такую:

— Ду-рак,
а вдруг она враг
народа? Вдруг!
— а вдруг наоборот?
Вдруг она друг?

Но такое деление на строки требует особого нажима при произнесении, почти скандирования или декламации, — так читают стихи Маяковского. А у Сатуновского тонический стих, уложенный в длинные строки (никакой «лесенки»), концы которых не отмечены яркими, эффектными рифмами, звучит как обыденная, непосредственная, непоэтическая речь (сам он называл свои стихи «рубленной прозой») с интонацией, которую не так-то просто определить.

Когда на маленьком пространстве в несколько строчек толпятся и сталкиваются повторяющиеся и похожие слова и знаки препинания, так называемые средства художественной выразительности, хочется однозначно разгадать, что именно они выражают, — хотя бы эмоцию, вызвавшую эти повторы, вопрошания и восклицания. Заметим, что ни одного слова, называющего чувства, в стихотворении нет. Сравним со стихотворением Маяковского «Необычайное приключение...», где очевидны и комизм изображения чувств героя в фантастической ситуации (*Что я наделал! Я погиб!.. Хочу испуг не показать — и ретируюсь задом... Черт дернул дерзости мои орать ему, — сконфужен... боюсь — не вышло б хуже!*), и серьезность вывода, к которому поэт подталкивает читателя. А что у героя Сатуновского? Может быть, смятение и страх? Или лихорадочный поиск правильного решения? Насмешка над самим собой, самоподразнивание — вот какие глупости могут прийти в голову на ровном месте как будто без всякого повода? Или саркастическая реакция на время и идеологию, внушившую обязательность таких вопросов? И как действовать читателю — пытаться угадать «правильное» чувство, выраженное стихами, или представить себе возможную комбинацию из нескольких названных? Или здесь кроется еще что-то, что мы интуитивно улавливаем, но не готовы вербализовать?

Вместо ответа приведем слова о поэзии Яна Сатуновского, написанные его другом, поэтом Генрихом Сапгиром [Сапгир 1992]:

«Он писал удивительные стихи, которые на первый взгляд и на стихи-то не были похожи. Меткое замечание, страстное переживание, парадокс, афоризм, иногда это напоминало дневник. В сущности, это

и был дневник поэта, который вдруг высвечивал из хаоса повседневности, из скуки обыденности нечто — образ, волнение, сарказм — это запоминалось сразу. Как будто и не было кропотливой работы над каждым словом, интонацией, и еще — души, а просто так сказалось — иначе и сказаться не могло. <...>

Искусство, с которым сделано это ощущение жизни с обнаженными нервами, почти незаметно, мастерство неподражаемое. Теплота чувства, которое подчас смеется над собой, едкость и горечь мысли — стихи совершенно живые. Рожденные сейчас. Вот — еще не остыли. Может быть, хокку, только русские».

Литература

- Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966 [Электронный ресурс]. URL: <https://wysotsky.com/0009/150.htm> (дата обращения: 20.05.2022).
- Сагир Г. Поэт Ян Сатуновский. Предисловие // Хочу ли я посмертной славы: [Избранные стихи] / Сост. И. Ахметьев, П. Сатуновский. М.: Библиотека альманаха «Весы», 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/satunovsky1.html#sagir> (дата обращения: 20.05.2022).
- Сатуновский Ян. Стихи и проза к стихам. М.: Виртуальная галерея, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/satunovsky_stikhi_i_proza_k_stikham_2012_izd.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

References

- Kvyatkovskii A. P. *Poeticheskii slovar'* (nauch. red. I. Rodnyanskaya) [Poetic dictionary (scientific editor I. Rodnyanskaya)]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ. Available at: <https://wysotsky.com/0009/150.htm> (accessed 20.05.2022).
- Sagir G. *Poet Yan Satunovskii. Predislovie k Khochu li ya posmertnoi slavy. Izbrannye stikhi* (sost. I. Akhmet'ev, P. Satunovskii) [Poet Yan Satunovskiy. Preface to Do I Want Posthumous Glory. Selected poems (compiled by I. Akhmet'ev, P. Satunovskii)] Moscow, Biblioteka al'manakha "Vesy", 1992. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/satunovsky1.html#sagir> (accessed 20.05.2022).
- Satunovskii Yan. *Stikhi i proza k stikham* [Poems and prose to poems]. Moscow, Virtual'naya Galereya Publ., 2012. Available at: https://imwerden.de/pdf/satunovsky_stikhi_i_proza_k_stikham_2012_izd.pdf (accessed 20.05.2022).

Книжные новинки

«Современная социалингвистика развивается бурно...» (о новой книге Л. П. Крысина)

Олег Викторович НИКИТИН, Московский государственный областной университет
(Россия, Мытищи), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170021748-1

АННОТАЦИЯ: В книге известного лингвиста Л. П. Крысина «Очерки по социалингвистике» уточняется сущность понятия «социалингвистика», анализируются актуальные термины, проблемы и направления этой науки, говорится об истоках ее изучения, определяется статус и место данной отрасли гуманитарного знания в историко-культурном и филологическом пространстве XXI века. В обзоре особое внимание обращается на расширение понятийного ряда социалингвистики в связи с изменением коммуникативной ситуации, изучаются такие явления, как языковой код, вариативность и норма, литературный стандарт и диалект, просторечие и жаргон. Рассматривается социальный аспект речевого общения. Указывается на маркированность языковых единиц и моделей. Отмечается, что автор книги по-новому осмысляет прецедентные феномены и этностереотипы в их языковом выражении. Подчеркивается важность соблюдения речевых норм в письменной и устной речи. Подробно разбираются факты живого языка и поведенческие тактики, стимулирующие создание вариативных форм и социолектов. Поднимается вопрос о включении ненормативных лексем в «Толковом словаре русской разговорной речи». Описывается социально-коммуникативная система русского языка. Приводится библиография работ Московской школы функциональной социалингвистики. Делается вывод о стилистической неоднородности языкового выражения, необходимости изучения, оценки и классификации фактов проявления

социокультуры речи. Ставится задача повышения компетентности и толерантности носителей языка в общении с представителями разных этно- и социогрупп.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социолингвистика, языковая норма, вариативность, социолект, коммуникативная ситуация, речевой портрет, социальная маркированность языка

для цитирования: Никитин О. В. «Современная социолингвистика развивается бурно...» (о новой книге Л. П. Крысина) // Русская речь. 2022. № 4. С. 107–117. DOI: 10.31857/S013161170021748-1.

Book News

“Modern Sociolinguistics is Developing Rapidly...” (on L. P. Krysin’s New Book)

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Russia, Mytishchi), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: In his latest book L. P. Krysin, a prominent linguist, reveals the essence of the concept of «sociolinguistics», analyzes current terms, problems and directions of this science, discusses its origins, determines the status and place of this branch of humanitarian knowledge in the circle of philological and extralinguistic issues of the XXI century. The review directs particular attention to expansion of the conceptual range of sociolinguistics due to the changing communicative situation, examines such phenomena as the language code, variability and norm, literary standard and dialect, vernacular and jargon. The social aspect of speech communication is considered. The markedness of language units and models is highlighted. It is noted that the author offers a new interpretation of precedent phenomena and ethnostereotypes in their linguistic expression. The importance of observing speech norms in written and oral speech is emphasized. The facts of a living language are analyzed in detail, as well as behavioral tactics that stimulate the creation of variable forms and sociolects. The question is

raised as to whether non-normative lexemes should be represented in the «Explanatory Dictionary of the Russian Colloquial Speech». The social and communicative system of the Russian language is described. The bibliography of the works of the Moscow School of Functional Sociolinguistics is provided. The author concludes that language expression is stylistically heterogeneous and emphasizes the need to study, evaluate and classify the sociocultural manifestations in speech. He also advocates to promote competence and tolerance of native speakers in communication with representatives of different ethnic and social groups.

KEYWORDS: sociolinguistics, language norm, variability, sociolect, communicative situation, speech portrait, social marking of the language

FOR CITATION: Nikitin O. V. "Modern Sociolinguistics is Developing Rapidly..." (on L. P. Krysin's New Book). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 4. Pp. 107–117. DOI: 10.31857/S013161170021748-1.

Социолингвистика — одна из самых актуальных современных наук. Это объясняется тем, что за последние десятилетия существенно изменился языковой облик коммуникации. Традиционная книжная культура вышла за границы библиотек и устремилась в интернет-пространство. Новые общественные явления (компьютеризация медиапространства, глобализация в политике и экономике, «сетевое», «клиповое» мышление, развитие субкультур, трансгендерные проблемы, интернационализация языка, мода на использование стилистически сниженных средств языка и т. п.) вызвали переворот в сознании молодежи, сломали имевшиеся стереотипы. Речь поколения «next» стала непонятной многим носителям литературного языка. Усилилось влияние на нее извне — появились и уже внедрились в сознание говорящих многие непривычные, странно звучащие для русского уха слова: *хайп* (шумиха, ажиотаж), *хейтер* (недруг), *чилить* (отдыхать), *изи* (легко), *агриться* (злиться) и т. д. Мы находимся практически на пороге создания своеобразного *параязыка*, передающего эмоции, обладающего фонетической и грамматической двусмысленностью и «мгновенностью» (смайлики и гифки), который стилистически контрастирует с языком русской классической литературы. Данная тенденция то затихает, то вновь усиливается, пополняя лексический фонд сотнями новых социально окрашенных слов и выражений. Особенно это стало заметно в период эпидемии коронавируса 2020–2022 гг., который уже окрестили

«эпохой», давшей толчок к созданию сотен (!) неологизмов. Ср.: *хоумсексуал* — «о человеке, постоянно находившемся дома во время самоизоляции в период пандемии...» (одно из значений, приведенное в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»), *коронахакер*, *covid-жесть*, *зоотсвадьба* [Словарь... 2021] и мн. др. Казавшаяся призрачной «карнавализация языка» (выражение В. Г. Костомарова) поставила его на «грань нервного срыва» (по словам М. А. Кронгауза). Обозначенные явления необходимо изучать историкам, культурологам, социологам, психологам и прежде всего лингвистам для того, чтобы выяснить причины возникновения языковых вкусов эпохи XXI века и проанализировать воздействие современной неологии на формирование коммуникативного портрета общества.

Новая книга Л. П. Крысина «Очерки по социолингвистике»¹ решает многие из поставленных вопросов. Она не только корректным теоретическим анализом, но и чутьем талантливого филолога-практика показывает неоднозначность взгляда на культурные срезы общества, сложность их «рече-поведенческих тактик» в разных ситуациях и включает читателя в калейдоскоп оттенков родной речи, которую мы слышим на каждом шагу, а значит — создаем вместе реальную картину звуков, форм, фразеологии и синтаксиса — образа живого языка.

Обыгрываемый в первых строках книги сюжет из замечательной книги К. И. Чуковского «От двух до пяти» как раз говорит о чуткости человека к духовной материи языка, о влиянии профессиональных способностей родителей на его восприятие, о гармонии природного смысла, приспосабливающегося в мышлении совсем юного создания к облику слова: «Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина “Одежда”, как-то сказал: — Я всех люблю одинаково, а мамочку на *один номер* больше. А другой, у которого отец был писатель и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил: — Папа, скажи *редактору этой карусели* — нельзя ли мне, наконец, покататься!» [Крысин 2021: 3]. С этого и начинается социолингвистика, которая, по мнению ученого, «делает упор на то, как используют языковой знак люди, — все одинаково или по-разному, в зависимости от своего возраста, пола, социального положения, уровня и характера образования, от уровня общей культуры и т. п.» [Крысин 2021: 3].

Автор вводит читателя в понятийное поле этой науки, раскрывает такие дефиниции, как: *языковое сообщество*; *языковой код*; *социально-коммуникативная система*; *языковая ситуация*; *переключение и смешение кодов*; *языковая вариативность*; *языковая норма*; *литературный язык (стандарт)*; *диалект*; *социолект*; *арго — жаргон — сленг*; *просторечие*; *диглоссия и двуязычие*; *сферы использования языка*; *речевая и неречевая*

¹ Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с. ISBN: 978-5-9765-4524-3.

коммуникация; коммуникативная ситуация; речевое общение, речевое поведение, речевой акт; коммуникативная компетенция носителя языка. Они и составляют теоретический фундамент социолингвистики — науки без границ, ведь у каждого общества есть свой языковой код — территориальный или социальный диалект, городское койне, пиджин. Эти средства коммуникации могут быть дополнены искусственным языком или особым компьютерным сленгом.

Интересно, как Л. П. Крысин объясняет переключение кодов на примере смены русского языка на французский и наоборот в речи дворян в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Общение, пишет ученый, «происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков:

“Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав. — Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. — Она взглянула на Элен и улыбнулась ей. — Ma bonne Hélène, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать” (Война и мир. Т. I. Ч. 3).

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова *граф, рескрипт, министр, политика, гвардия*, то перед нами — заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед [э], гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т. д.» [Крысин 2021: 23].

Большую роль в коммуникации играет вариативность в воспроизведении слов и их произносительных характеристик, возможность синонимической замены отдельных лексем, выражений и синтаксических конструкций. Например, Л. П. Крысин приводит такие данные по источникам 1960–1970-х гг.: «Москвичи старшего возраста еще сохраняют произношение [шы]гí, [жы]рá, а в речи других групп говорящих эта черта почти не встречается. Ассимилятивное произношение согласного — т. е. смягчение его перед следующим мягким согласным: [з'в']ерь, [с'т']енá, [з'л']йтсья — в среде рабочих встречается реже, чем в среде гуманитарной интеллигенции, а произношение ко[н'ф']éта, ла[ф']ки (лавки) находится за пределами литературной нормы и свойственно просторечию или диалектной речи...» [Крысин 2021: 27]. С тех пор минуло несколько десятилетий. Изменился социолингвистический рисунок речи. Мы едва ли можем услышать теперь элементы старомосковского произношения в массовом варианте. Так называемое «социальное варьирование» стало постепенно смещаться в другую плоскость — в область «мобильной» коммуникации.

Ключевое понятие социолингвистики — норма / антинорма. Она пронизывает все уровни языкового восприятия. Показательно, и об этом

напоминает читателям Л. П. Крысин, что норма исторически изменчива, но этот процесс происходит медленно. Даже сейчас, если мы возьмем томик писем Пушкина, то увидим ту же стилистику письменной речи, близкий разговорному языку синтаксис, поймем почти все языковые каламбуры поэта и его юмор. Значит, норма держит язык, превращает его в определенную социально-коммуникативную систему. Кроме того, и с этим можно полностью согласиться, «норма играет роль фильтра: она пропускает в литературное употребление всё яркое, меткое, сочное, что есть в живой народной речи, и задерживает, отсеивает всё случайное, блеклое, невыразительное» [Крысин 2021: 29].

Из относительно новых терминов Л. П. Крысин называет *социолект* — «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе — профессиональной, сословной, возрастной и т. п. — в пределах той или иной подсистемы национального языка» [Крысин 2021: 36]. Существует солдатский, школьный, уголовный жаргон, студенческий сленг — все это разные «жанры» социолектов, которые прочно вросли в коммуникативную систему языка и продолжают функционировать в разговорно-бытовой среде, даже несмотря на смену официальных обозначений. Ученый приводит такой пример: «...с появлением в России в начале XXI в. термина “полиция” вместо “милиция” полицейских продолжают называть ментами...» [Крысин 2021: 37]. Объясняется это, очевидно, привычкой — своего рода речевой традицией, которая передается из поколения в поколение, тиражируется в фильмах, песнях.

Большое место в культурном пространстве нашего времени стало занимать так называемое просторечие-2 (по Л. П. Крысину), отличающееся от традиционного городского просторечия, носители которого, как правило, выходцы из деревни, не получившие высшего образования и не владеющие в полной мере функциональными стилями речи, поэтому использующие канцеляризм в быту и, наоборот, в официальных ситуациях употребляющие разговорные обороты. Таких людей в настоящий момент осталось очень мало. Носители просторечия-2 — это в первую очередь горожане среднего и молодого возраста, которые имеют незаконченное среднее образование и не владеют нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в большой степени жаргонизирована. Оно бытует в устной форме, а потому быстро копируется, например, в непринужденной семейной беседе, во дворе, в магазине и на рынке — по преимуществу там, где уровень социальной элитарности языка снижен. Оно расширило свои функции и стилистические рамки особенно в XXI веке. Л. П. Крысин называет его «наиболее русской» языковой подсистемой [Крысин 2021: 40]. Это слова и выражения типа *чаво, местов, балдеть, приперлись по нахалке* и т. п. [Крысин 2021: 41]. Автор книги полагает, что

не следует говорить об антинормативности данного явления, несмотря на то что указанную «подсистему языка никто не кодифицирует». Ученый считает, что просторечию присуща «определенная традиция использования языковых средств» при очень широкой вариативности форм, например: *ездию, ездю* [Крысин 2021].

Важным термином в понятийном ряду социолингвистики является *коммуникативная компетенция носителя языка*. К ней можно отнести, по мысли ученого, набор навыков общения, правила речевого этикета, знание особенностей общения ребенка со взрослым, студента с преподавателем, соблюдение социальной дистанции и другие поведенческие стратегии. Л. П. Крысин пишет, что для них еще не созданы «ситуативные грамматики» [Крысин 2021: 53]. Но эти словесные регламенты легко усваиваются с опытом и затем закрепляются в памяти как готовые единицы языка.

В «Очерках» обсуждаются и другие проблемы: от теоретических (социальная дифференциация языка, концепция Е. Д. Поливанова, теория антиномий М. В. Панова, теория языковой эволюции У. Лабова) до экспериментально-практических, выражающих авторский интерес к какому-то одному вопросу. Так, Л. П. Крысин предпринял попытку описания речевого облика современного русского интеллигента, что в известной мере является продолжением идеи создания фонетического портрета политических деятелей, писателей и ученых XVIII–XX вв., воплощенной М. В. Пановым [Панов 1990]. При всем различии черт и противоречиях в трактовке самого слова «интеллигент» Л. П. Крысин выделяет несколько параметров языковой личности городского гуманитария («технаря»), составляющего это самое культурное ядро социальной группы «умственного труда».

Первый — фонетический. Сюда ученый относит употребление полумягкого *ж* в иноязычных словах типа *жюри*. Другая черта — «[л] среднее, или европейское, по артикуляции промежуточное между [л] и [л']». Произношение этого звука, — пишет далее Л. П. Крысин, — свойственно некоторым представителям гуманитарной интеллигенции старшего поколения — в словах иноязычного происхождения и в иностранных собственных именах: *блеф*, *ля* (название музыкальной ноты), *лямбда* (название греческой буквы, используемой в качестве математической переменной), *Флобер* и нек. др. [Крысин 2021: 221]. Еще одна особенность — экспансия *г* фрикативного, что для литературного произношения является «фонетической инновацией» [Крысин 2021: 222].

В области гласных звуков — сохранение некоторых черт старомосковского произношения, например, «наличие особого звука [ы^э] в первом предупредительном слоге после твердых шипящих: *ж[ы^э]ра, ш[ы^э]зи*», которое автор книги относит к свойствам речи потомственных москвичей старшего

поколения [Крысин 2021: 223]. Интересный факт, подмеченный в 1971 г. в диалектной речи Л. Л. Касаткиным, — наличие редукции у в безударном слоге в случаях *дедѣшка, бабѣшка, бѣтерброд* — встречается и в литературном выражении. Л. П. Крысин отнес это явление к характерной особенности представителей технической интеллигенции среднего и молодого поколений [Крысин 2021: 224]. Следующая интересная черта, подмеченная ученым, заключается в сохранении [о] «в неударной позиции в заимствованных словах: [во]кал, [со]нет, [бо]леро и т. п.» [Крысин 2021].

Второй — лексический. Ученый обратил внимание на частотность употребления слова, хотя и признает небесспорность этого параметра: «...наблюдения над лексическими особенностями речи той или иной социальной группы почти всегда содержат элементы случайности» [Крысин 2021: 225]. Так, он утверждает, что штрихом к речевому портрету современного интеллигента будет использование слов *волнительный, волнительно, отнюдь*, оценочных и модальных элементов вроде *жаль* (но не *жалко*), *непременно* [Крысин 2021: 225–226]. В противоположность распространенности «интеллигентных» слов и выражений еще одним показателем может быть, по мнению Л. П. Крысина, отрицательное отношение в этой среде к штампам и модным речениям, исключение их из речевого обихода. К таким случаям он отнес *произошла подвижка, обговорить на президиуме*, которые «отпугивают своей казенностью» [Крысин 2021: 226].

Как ни странно, непринужденная устная речь интеллигента XXI века, по наблюдениям Л. П. Крысина, «в достаточно сильной степени жаргонизирована», в большей мере эта черта проявляется у мужчин. Мы порой слышим выражения типа *в напряге, не врублюсь, катить бочку* и др. [Крысин 2021: 227].

К остальным особенностям коммуникации в среде интеллигенции, как полагает ученый, следует отнести специфические черты речевого поведения. Одна из них — *полигlossenность*, то есть «умение переключаться в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения» [Крысин 2021: 228]. Другая заключается в использовании обращений: *Простите..., Не могли бы Вы сказать..., Девушка! Доктор!* и т. п. Л. П. Крысин отмечает, что «многие из них не принимаются интеллигентской средой» (как в случаях *Женщина! Мужчина!*) или же «ограничены определенными группами говорящих». По его наблюдениям, «например, обращение *коллега* принято — да и то в более или менее официальной обстановке — в среде медиков, ученых; *ваше преосвященство, ваше святейшество, владыка* — при обращении к иерарху церкви; апеллатив *профессор*, хотя и возможен при обращении студента к преподавателю, достаточно редок...» [Крысин 2021: 229]. В этой связи вспоминается недавний случай из нашей преподавательской практики,

произошедший во время проведения итоговой аттестации бакалавров в Сретенской духовной академии: выпускник, начиная свой ответ, обратился к епископу, председателю комиссии, словами *Ваши высокопреосвященство*, а тот его быстро поправил — *преосвященство*!

Следующей чертой речи интеллигента, как полагает Л. П. Крысин, является использование прецедентных феноменов — готовых выразительных средств, художественных текстов, фразеологизмов и т. д. От героического эпоса и античной мифологии до Шекспира, употребления имен литературных героев русской классики (Плюшкин, Манилов и т. п.) и обыгрывания известных фраз в нужных ситуациях (*Служить бы рад — прислуживаться тошно*) [Крысин 2021: 231–233] — все эти «прецеденты» относятся к маркерам словесного портрета культурного человека.

Наверное, автор мог бы указать и другие особенности, но заключил типологию свойств, характерных для интеллигентной среды, *языковой игрой* — своеобразной рефлексией над словом, контекстом, намеренным искажением внешней оболочки для создания эффекта. Это и любовь к языковым каламбурам, подтекстам и смысловым уловкам... Действительно, фразы вроде *Завтра у них какое-то муроприятие*; — *Старухи на завалинке симпозиум устроили* мы не раз встречали в общении в кругу филологов. Или например: *работать не прикладая рук* (вместо: *не покладая*), *гнать каленой метлой* (из: *каленным железом и новая метла*) [Крысин 2021: 234].

Таков, по мнению Л. П. Крысина, социально-речевой портрет интеллигента начала XXI века (в книгу вошли и разделы, написанные ранее в виде статей в 2000-е гг.). Изменился ли он с тех пор? Появились ли новые черты? Или бюрократизация языка и «сетевое» мышление тоже оказывают влияние на коммуникативный облик ученого, врача, инженера, сотрудника лаборатории... Полагаем, что эти вопросы остаются открытыми, но почему-то нам думается, что старая интеллигенция с ее «ушаковскими» чертами уходит в прошлое. Новый ритм жизни, глобализация сознания, необходимость активно использовать многочисленные электронные средства и постоянно быть начеку постепенно меняют и способы коммуникации, и форму их выражения.

Выскажемся по поводу еще одного фрагмента книги Л. П. Крысина — о русских этностереотипах, которые автор понимает как «стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос» [Крысин 2021: 236]. Приводимые ученым выражения-концепты *немецкая пунктуальность*, *русский размах* как раз свидетельствуют о том, что в языковом сознании уже давно сложились эти устойчивые ассоциации, подкрепляемые набором лексических средств и фразеологизмов, характеризующих

определенный этнос. Среди них значительное место, по мнению автора книги, занимают атрибутивные словосочетания типа *американская деловитость, английская чопорность*, генитивные словосочетания (*Он добивается своего с упорством китайца*), сравнительные обороты вроде *точен, как немец* или *молчалив, как финн*, фразеологизмы (*уйти по-английски*), пословицы и поговорки — *Незванный гость хуже татарина* и мн. др. Л. П. Крысин отмечает такие особенности выражения этностереотипов, как обобщение и гиперболизацию, показанные в примерах: **Все чехи любят пиво; У бразильцев любой ребенок играет в футбол лучше нашего мастера** [Крысин 2021: 238–239].

Особенно актуальны в последние годы оказались так называемые ненормативные этнонимы, широко распространенные в социальных сетях. Новые более агрессивные и стилистически сниженные формы заменили старые *америкашка, жидёнок, италяшка, китаёзы* [Крысин 2021: 241–244]. Замечательно, что автор приводит образцы словарных статей из «Толкового словаря русской разговорной речи», которые показывают границу смысловой нагрузки этнонима и его возможные способы употребления [Крысин 2021: 245–249].

Л. П. Крысин опубликовал этот фрагмент, позднее включенный в книгу, впервые в 2015 году, когда состояние украино-российских взаимоотношений на официальном уровне было достаточно терпимым. А сейчас языковое творчество в сфере аномальной этнонимии уже не знает границ. Так, внешние обстоятельства повлияли на формирование нового облика всем известных этнонимов *русские* и *украинцы*. В этой связи нам представляется полезной идея ученого о необходимости разработки лингвистических проблем для того, «чтобы управлять языковыми процессами» [Крысин 2021: 7]. Данная область социолингвистики стала активно развиваться в России с 1980-х годов и получила название *языковой политики*.

В заключительной части книги Л. П. Крысин говорит о направлениях социолингвистических исследований, которые группируются вокруг синхронической и диахронической осей. Он отметил и традиционные (от де Соссюра до В. В. Виноградова и др.), и новые — такие, как, например, *лингвистическая конфликтология*, исследование речевого общения «в человеческих диадах и триадах» (врач — пациент, муж — жена, учитель — ученик, судья — подсудимый — адвокат), разработка методики массовых социолингвистических обследований (у нас это осуществили впервые С. И. Ожегов и М. В. Панов), законов о языках и регламентации применения языков малых народов (см. подробнее: [Крысин 2021: 250–280]). По-прежнему остается актуальной функциональная социолингвистика (очерк о ней, написанный Е. А. Земской и Л. П. Крысиным, помещен в приложении к книге [Крысин 2021: 310–334]).

Исследователям будет полезна библиография работ Московской школы функциональной социолингвистики за период 1960–2020 гг. [Крысин 2021: 335–352].

«Очерки» убеждают нас в том, что язык продолжает развиваться по своим законам в многоголосии времени. Л. П. Крысин выступает за рациональное использование языковых средств, показывает нам границы, за которые выходить не стоит. Ученый подчеркивает, что в настоящее время вариативность их употребления социально обусловлена, и это влияние внешних факторов на язык будет только возрастать. Тем важнее, по нашему мнению, роль нормативных словарей, специальных радио- и телепередач и просветительских программ, популяризация культуры речи в Интернете, расширение аудитории пользователей общедоступных сетевых ресурсов вроде «Грамота.ру». Наблюдая снижение уровня образцовой речи и письма, особенно в публичной сфере, ученый призывает читателей любить родной язык, видеть в нем высокое словесное искусство, чувствовать его поэзию, восхищаться фразеологией и осознать наконец, что такой дар мы обязаны сберечь для потомков.

Литература

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

References

Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 360 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of Russian literary pronunciation of XVIII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi [Dictionary of the Russian language of coronavirus epoch]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2021. 550 p.

Книжные новинки

Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах (о новой книге М. Л. Ковшовой)

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия), nvpatr@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170021749-2

АННОТАЦИЯ: В настоящем словаре описываются собственные имена — антропонимы, предназначенные называть антропные и антропоморфные (подобные человеку) образы в русских паремиях и идиомах. Словарь представляет собой новаторский лексикографический продукт, не имеющий аналогов в мировой практике. В его основу положен лингвокультурологический принцип описания паремий и идиом как знаков, способных хранить и передавать из поколения в поколение культурную информацию, в том числе с помощью такого показательного компонента, как собственное имя. Словарь состоит из трех блоков: «Собственное имя в загадках и отгадках»; «Собственное имя в пословицах и поговорках»; «Собственное имя в идиомах». Принципы описания в каждом блоке обусловлены особенностями употребления собственных имен в разных жанрах фольклора — загадках, пословицах, поговорках и во фразеологических единицах языка — идиомах.

Словарь приглашает читателя узнать, какие антропонимы, а также имена каких мифологических, религиозных, литературных, исторических персонажей за всю историю русской и мировой культуры были «отобраны» речевой практикой и закреплены в русских паремиях и идиомах. В словаре представлены собственные имена прямые и производные (в том числе народные формы личных имен), подлинные и искусственные, их структуры и конструкции в паремиях и идиомах. Словарь снабжен необ-

Н. В. Патроева. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах...
N. V. Patroeva. Book Review: Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms...

ходимыми пояснениями историко-этимологического, семантического и культурологического характера и отсылками к источникам материала. Словарь предназначен для филологов, лингвокультурологов, преподавателей, писателей, журналистов и широкого круга любознательных читателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фольклорная ономастика, имя собственное, антропоним, мифоним, библеизм, фольклоризм, фольклорная формула, фразеологизм, язык фольклорных жанров

для цитирования: Патроева Н. В. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах (о новой книге М. Л. Ковшовой) // Русская речь. 2022. № 4. С. 118–128. DOI: 10.31857/S013161170021749-2.

Book News

Book Review: Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms (on a New Book of M. L. Kovshova)

Natalia V. Patroeva, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), nvpatr@list.ru

ANNOTATION: This dictionary describes proper names — anthroponyms, intended to name anthropic and anthropomorphic (human-like) images in Russian paremias and idioms. The dictionary is an innovative lexicographic product that has no analogues in the world. It is based on the linguoculturological principle of describing paremias and idioms as signs capable of storing and transmitting cultural information from generation to generation, and specifically by using an indicative component as a proper name. The dictionary consists of three blocks: ‘Proper names in riddles and answers’; ‘Proper names in proverbs and sayings’; ‘Proper names in idioms’. The principles of description in each block are due to the peculiarities of the use of proper names in different genres of folklore — riddles, proverbs, sayings and in phraseological units of the language — idioms.

The dictionary invites the reader to find out which anthroponyms, as well as the names of which mythological, religious, literary, historical characters in the entire history of Russian and world culture have been “selected” by speech practice and fixed in Russian paremias and idioms. The dictionary contains proper names, direct and derivative (including folk forms of personal names), genuine and artificial, their structures and constructions in paremias and idioms. The dictionary contains necessary explanations of the historical, etymological, semantic and cultural nature and references to the sources of the material.

The dictionary is intended for philologists, cultural linguists, teachers, writers, journalists and a wide range of curious readers.

KEYWORDS: folklore onomastics, proper name, anthroponym, mythonym, biblicalism, folklorism, folklore formula, phraseological unit, language of folklore genres

FOR CITATION: Patroeva N. V. Book Review: Dictionary of Proper Names in Russian Riddles, Proverbs, Sayings and Idioms (on a New Book of M. L. Kovshova). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 4. Pp. 118–128. DOI: 10.31857/S013161170021749-2.

«Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах»¹, созданный известным специалистом в области русской фразеологии и лингвокультурологии Марией Львовной Ковшовой, является, несомненно, значительным событием в области изучения языка русского фольклора, ономастики, этнолингвистики и лингвокультурологических штудий начала XXI столетия. В новаторском лексикографическом труде, работа над которым велась в течение ряда лет под эгидой Института языкознания РАН и Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, а также при поддержке Российского научного фонда, впервые собраны воедино все варианты антропонимов, фиксируемые в малых жанрах устного народного творчества и в устойчивых оборотах русского языка. Как указывает автор во введении, «словарь призван на своем, лексикографическом, “языке” обозначить значимость и функции собственных имен в загадках, пословицах, поговорках и идиомах» (с. 5)², подчеркнув особую роль антропонимов в формировании

¹ Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2021. 352 с. ISBN 978-5-9710-8014-5.

² Страница в скобках указывается за цитируемым текстом здесь и в дальнейшем по рецензируемому изданию.

культурного кода языка и народа — его носителя, хранителя многовековой мудрости и традиции.

Собственное существительное, отождествляя слово и денотат, лишено в системе языка понятийного (сигнификативного) элемента значения, однако особенности онимической семантики не мешают антропонимам и иным группам имен собственных служить носителями лингвострановедческой информации: оним, в концентрированном виде представляя историю культуры того или иного этноса, обладает «национально-культурным компонентом» [Листрова-Правда 1983: 76] семемы, является носителем обобщенных образов как неких «денотатов имен» [Суперанская 1973: 255] и целых «текстов имен» [Топоров 2010: 44]. Имя, миф и фольклор «непосредственно связаны по своей природе» [Лотман 1994: 301]: ситуация именованности вещи в культовой сфере и мифологии может рассматриваться как акт ее творения, познания, узнавания. Не случайно фольклорная ономастика — плодотворно развивающаяся давняя филологическая отрасль. Традиции изучения славянских мифонимов³, устнопоэтического именника, заложенные еще в классических трудах XIX столетия (например, в «Славянской и российской мифологии» 1810 г. А. С. Кайсарова, «Кратком обозрении мифологии славян российских» 1815 г. П. М. Строева, «Славянской мифологии» 1847 г. Н. И. Костомарова, «Славянских древностях» 1848 г. П. Й. Шафарика, «Поэтических воззрениях славян на природу» 1865–1869 гг. А. Н. Афанасьева), были продолжены во второй половине XX века и в начале нынешнего⁴, однако появление специального словаря, отражающего функционирование антропонимов в разных жанрах русского фольклора и идиомах, открывает широкие перспективы для активизации исследований в этой интереснейшей междисциплинарной области, развивающейся на стыке фразеологии, ономастики, этимологии, лингвофольклористики, лингвокультурологии, лингвопоэтики, семиотики культуры, истории и этнографии.

В качестве материала словаря используются идиомы, загадки, пословицы и поговорки, в составе которых есть антропонимы, мифонимы, агонимы, имена исторических деятелей и литературных персонажей и хронимы, содержащие церковно-календарные имена. Состав собранных вариантов личных имен (в заголовочной зоне после онима, подаваемого

³ Здесь и далее используются термины из области теории имен собственных (ономастики): *оним* — имя собственное; *ономастикон* — совокупность имен собственных, закрепленных за той или иной этнической и культурной традицией; *антропоним* — имя, отчество, фамилия, прозвище человека; *мифоним* — имя мифологического или фольклорного персонажа; *топоним* — географическое наименование; *агоним* — имя святого и — шире — любое имя, связанное со святынями и святостью; *хроним* — собственное наименование даты, периода, исторической эпохи.

⁴ См., напр.: [Померанцева 1975], [Черепанова 1983], [Кондратьева 1964], [Листрова-Правда 2001], [Пеньковский 1988], [Патроева 2016].

всегда в номинативе единственного числа, следуют неофициальные, народные, фамильярные, диалектные формы, корреляты кодифицированного (закрепленного в нормативных словарях языка) антропонима, имеющие в словообразовательной структуре уменьшительно-ласкательные суффиксы, то есть диминутивные, и его орфографические вариации), в том числе искусственных имен собственных, обязанных своим происхождением чаще всего олицетворению (*Клюковица*, *Хлопун* и пр.), поражает структурным и стилистическим разнообразием, несмотря на то что многие имена повторяются в разных фольклорных и идиоматических контекстах. Представленные в словаре иллюстрации помогают исследователю выявить не только ассоциативно-образный ореол, культурно-историческую информативность и известность (прецедентность) имени, символичность, оценочность, синтагматику (валентность, сочетаемость), иногда демонстрирующую переход в разряд нарицательных характеристик человека или вещи (*сухой Мартын* — ружье, *хитрый Митрий* — хитрец и т. п.), но и функциональный потенциал.

Каждый из трех отделов словаря имеет, таким образом, свою структуру словарной статьи, поскольку описание имени собственного разнится в связи с жанровыми особенностями текста. Так, в части, касающейся идиом, присутствуют в качестве обязательных зоны толкования значения и функционально-стилистической окраски, предваряющие зону иллюстраций. Факультативная зона комментариев участвует в описании фольклорной ономастики (комментарий к употреблению, происхождению имени дается не всегда, а по мере необходимости — как правило, это пояснения к малоизвестным, устаревшим словам и выражениям, хрононимам, топонимам, незнание которых может привести к непониманию смысла паремии).

Обилие ономастического материала обусловлено богатством источниковой базы лексикографического труда: интересно, что в качестве источников привлекаются не только получившие уже давно широкую известность в филологических кругах авторитетные фразеологические словари и собрания паремий («Русская мысль и речь» М. И. Михельсона, «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова, «Словарь образных выражений русского языка» В. Н. Телия, «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова, «Академический словарь русской фразеологии» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, «Большой словарь русских пословиц» и «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко и др.), сборники малых фольклорных жанров («Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова, «Загадки» М. А. Рыбниковой, «Малые жанры русского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки» В. Н. Морохина, «Русские пословицы и поговорки» В. П. Аникина и др.), но и сетевые ресурсы, из которых автор выбрал речевые новации — недавно появившиеся загадки, клише, крылатые

кинематографизмы и пр.: *Короче, Склифосовский!* или *А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться!*, не получившие пока описания в иных словарных изданиях, а также «Национальный корпус русского языка».

Словарь фольклорной и идиоматической ономастики, на наш взгляд, предоставляет в распоряжение ономастологов обильное поле для изучения системных связей имен собственных — проблемы, далеко еще не изученной в масштабе языка в целом. Так, например, зона комментария нередко выявляет не только внутреннюю многозначность и омонимию⁵ в ономастическом пространстве, выстраивая парадигматические связи между антропонимами, мифонимами, хрононимами, топонимами и т. п. именами, представляющими разные подклассы ономастикона, но совпадающими в написании и звучании: «Сегодня Саввы, завтра **Варвары** (*Варвара 4 дек., св. Савва 5 дек. <...>*); К **Варваре** на расправу (*название церкви св. Варвары в Москве, построена в 1517 г. Рядом с церковью Иван Грозный построил «Купецкий» двор; в XVII в. на его месте была построена тюрьма, где расправу, т. е. приговор, приводили в исполнение*)» (с. 38–39); и т. п. Благодаря комментариям и толкованиям, представляемым в словаре М. Л. Ковшовой, формируются широкие интертекстуальные связи между не только представленными идиомами и фольклорными контекстами, мифологией, Библией, иллюстрациями из произведений художественного и публицистического стилей, но и уже имеющимися в распоряжении читателей и исследователей словарями, содержащими ономастическую лексику — словарями личных имен, фамилий, топонимов («Словарем русских личных имен» Н. А. Петровского; «Современным словарем личных имен» А. В. Суперанской; «Словарем русских фамилий» В. А. Никонова и Е. Л. Крушельницкого; «Топонимическим словарем» Е. М. Поспелова; и др.), мифологическими и этнолингвистическими словарями (например, «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого и «Славянская мифология» под ред. С. М. Толстой), писательскими словарями.

Чтобы ярче продемонстрировать эвристический потенциал словаря М. Л. Ковшовой, сравним комментарии из рецензируемого словаря с толкованиями к антропониму и агниониму *Фома* с информацией из некоторых других лексикографических изданий: «**Фома** рус. [из арамейск. te'oma близнец; арабск. tuma; греч. Thomas]; англ. Thomas Томас, нем. Thomas Томас, фр. Thomas Тома, ит. Tommaso Томмазо; англ. сокр. Tom(my) Том, Томми, болг. Томаш [Суперанская 2005: 226–227]; «**ФОМА**, в христианских преданиях один из двенадцати апостолов. Ф. не было с учениками, когда к ним приходил воскресший Иисус Христос (Ио, 20, 24), и он отказывается поверить в воскресение Христа, пока сам не увидит ран от гвоздей и не вложит в них перста (имя «неверного», т. е. «неверующего» Ф. становится

⁵ См.: [Привалова 1979].

нарицательным)...» [Мелетинский 1990: 559]; «**ФОМА НЕВЕРНЫЙ (НЕВЕ-РЮЩИЙ)**). *Книжн. О человеке, которого трудно заставить поверить чему-л.* Оборот пришел из Евангелия. Один из апостолов, Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, заявил: «... если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны Его, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанн, 20, 24–29). *Неверный=неверующий*» [Бирих 2007: 723]; «**ФОМА-БОЛЬШАЯ КРОМА**. День апостола Фомы, 6/19 октября. Севернорус. <...> Обилие хлебов и запасов. <...> О богатом, зажиточном человеке. Без указ. Места. — Даль 2: 197» [Моргунова 2019: 464]; «**ФОМА** (св. Фома (I в.) — апостол из двенадцати; см. тж БЛИЗНЕЦ) Успение Твое, Мати Богородица, Опозданием Фомы нам открылося. Святым Духом апостол водится Далеко от братского клироса. <...> Вскричал он, Фома, со рыданием: «Завела меня пучина понтова! Вы блаженны последним лобзанием, А Фома, сирота, он лишен того! <...> Белы ноги у Фомы подгибаются, Белы руки у него опускаются, Очи смыкаются, — И нашла туга на апостолов. <...>; И ко гробу Фома подводится, Подводится ко гробу белому, Где почила Святая Богородица. Диво дивное сердцу оробелому! <...>; Все древности, кроме: дай и мой, Все ревности, кроме той, земной, Все верно-сти, — но и в смертный бой Неверующим Фомой <...>; НАУКА ФОМЫ Загл. <...>; Что сны и псалмы! Бог ради Фомы В мир сей // Пришел <...>; Вас и на ложе неверья гложет Червь (бедные мы!). Не народился еще, кто вложит Перст — в рану Фомы <...>» [Григорьев 2005: 397]. Если сопоставить приведенные данные на вокабулу «Фома» с данными рецензируемого лексикографического труда, то можно убедиться, что в каждом из разделов словаря М. Л. Ковшовой имя *Фома* подается особым образом: так, в разделе I. 1 «Собственное имя в загадках» приводятся сами загадки с отгадками и зонной шифров, указывающими на источники материала):

«**ФОМА — Фома, Фомка**

Черные чернизины, как они нанизаны, Засмотрелся **Фома** — понабрался ума (*буквы*). Ми 144, Р 370

Зимой **Фомой**, а летом Филаретом (*береза*) Ми 64

Зимой **Фомой**, а летом Филаретом (*заяц*) ДЛ

У **Фомки** не найдешь кромки (*репа*) Ми 88» (с. 120).

В разделе I.2 «Собственное имя в отгадках», где представлены в основном фиктонимы (литературные онимы) и агонимы, имя *Фома* отсутствует (в отличие, например, от таких известных библейских персонажей, как Адам, Ева, Мария, Авель, Каин, Иаков, Илия, Иосиф, Лазарь, Моисей, Самсон и др.). В разделе II «Собственное имя в пословицах и поговорках» 119 паремий с участием членов вокабулы «**ФОМА, ФОМИЩЕ, ФОМКА, ФОМУШКА, ФОМКА ФОМА, ФОМУШКА ФОМА**», которую дополняет пословица с фонетическим вариантом *Хома*: «Купил **Хома** хорта, а Ерёма

чёрта (хорт — охотничья борзая)» (с. 191–194, 196) — так, в сравнении с разделом, посвященным загадкам и отгадкам, здесь существенно расширяется наше представление об ассоциативно-смысловом ореоле имени *Фома* в культурном тезаурусе русского народа. В разделе III «Собственное имя в идиомах» предлагается комментарий к происхождению оборота и демонстрируется (в зоне иллюстраций) достаточно широкая временная перспектива функционирования агнонима в публицистике и художественной литературе конца XIX — последней трети XX столетий⁶, причем иным образом, чем в изданных ранее академических словарях⁷, характеризуется стилистическая окраска оборота: «**Фома неверующий <неверный; Неверный>**. Разг. Ирон. — ‘Человек, которого трудно убедить; который упорно отказывается видеть очевидное’. <...> [Чиновник] Точно ли умер, а? [Истопник] Да говорят же, умер, *Фома Неверный!* [Чиновник] А бальзамируют? [Д. С. Мережковский. Павел Первый (1908)] <...>

Из Евангелия. Фома, один из двенадцати апостолов, не был с учениками, когда к ним приходил воскресший Иисус. Фома отказывался верить в воскресение Иисуса Христа, пока сам не вложил персты в раны от гвоздей» (с. 330–331).

Материал иллюстративных зон позволяет прийти к выводам, касающимся грамматики онимов (например, для пословичных антропонимов характерны позиции подлежащего, дополнения и обращения; идиомы, содержащие имя собственное, частотны в функции предиката; в загадках у имен собственных наиболее разнообразный синтаксический спектр — см. приведенные выше иллюстрации с агнонимом *Фома*), их синтагматики (*Фома/Фомка* сочетается в пределах подчинительной группы только с прилагательным *глупый*, местоимениями *наш*, *всякий* в пословичном жанре, в идиомах имеет устойчивую связь с причастием *неверующий* или прилагательным *неверный*, а в загадках имеет нулевую синтагматику на уровне словосочетания) и парадигматики (например, контекстуальными антонимами могут выступать *Фома* и *Ерёма*: Прочил за **Фому**, а взял **Ерёма**), участия в ритмо- и рифмообразовании: *Фома — сума/ума, Фомой — зимой, Фомою — собою* и пр.

Приведенные словарные статьи доказывают, насколько разнообразно, жанрово-ориентированно и оригинально описывается в новом лексикографическом издании роль собственного имени в создании ономастического пространства различных дискурсов, формирующих русскую карти-

⁶ Всего в словаре на вокабулу *Фома* в третьем разделе приведено 11 иллюстраций, в целях экономии пространства рецензии далее процитирована только одна.

⁷ Иногда помета не указывается — см.: [Молотков 1987: 502].

ну мира и концептосферу языка, как по-разному обыгрывается народом ассоциативный потенциал онима.

Может быть, во введении к словарю автору следовало бы особо остановиться на проблеме объединения разножанрового материала в одном словаре и на вопросе, касающемся объема термина «паремия», границы которого понимаются в научной литературе по-разному⁸, в том числе в его соотношении с объемом понятия «фразеология» (в отличие от загадок, пословицы и поговорки иногда относят к сфере не только паремии, но и фразеологии в качестве, например, «фразеологических выражений», по Н. М. Шанскому).

Согласимся с автором, что «словарь побуждает к дальнейшему исследованию онимов и апеллятивов не только в плане притяжения или отталкивания, но и в плане возможной их нейтрализации в загадках, пословицах, поговорках, идиомах» (с. 7). В качестве пожелания автору словаря для продолжения исследований в этой области отметим, что дополнение ономастикона малых фольклорных жанров может совершаться при возможном переиздании за счет вовлечения в анализ таких малых жанров русского фольклора, как прибаутки, пустобайки, или пустоговорки, и скороговорки, также нередко включающих собственные имена собственные: *Хороша Маиша, да не наша; Акулина Савишна — не вчерашня-давишна*; и пр.

Разумеется, что вместе с созданными уже фольклорными конкордансами, словарями фольклорных и литературных имен собственных, словарями библеизмов и мифонимов, этнолингвистическими словарями новый «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» позволит в более или менее отдаленном будущем составить целостное представление об ономастике русского народа в диахроническом и функциональном аспектах.

Литература

- Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. 448 с.
- Кондратьева Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка: сб. науч. тр. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. С. 98–188.

⁸ М. Л. Ковшова отмечает во введении, что «пословицы, поговорки и загадки являются паремическими жанрами фольклора» (с. 5).

- Листрова-Правда Ю. Т.* К изучению русских антропонимов как носителей лингвострано-ведческой информации // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. С. 75–80.
- Листрова-Правда Ю. Т.* Собственное личное имя в поговорах и поговорках, собранных В. И. Далем // Язык русского фольклора: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 110–111.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 298–319.
- Мелетинский Е. М.* (гл. ред.). Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
- Молотков А. И.* (ред.). Фразеологический словарь русского языка / Изд. 4-е, стер. М.: Русский язык, 1987. 544 с.
- Моргунова О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. 544 с.
- Патроева Н. В.* Имя собственное в русской народной песне // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 488–492.
- Пеньковский А. Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора: Межвуз. сб., Петрозаводск: ПГУ, 1988. С. 34–38.
- Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
- Привалова М. И.* Собственные имена и проблема омонимии // Вопросы языкознания. 1979. № 5. С. 56–67.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.
- Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- Топоров В. Н.* О мифологическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // Семантика имени (Имя-2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 44–69.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

References

- Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaia frazeologija. Istoriko-etimologičeskii slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: approx. 6000 phraseological units]. Moscow, Astrel': AST: Khranitel' Publ., 2007. 926 p. (In Russ.)
- Cherepanova O. A. *Mifologičeskaia leksika russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: LGU Publ., 1983. 169 p. (In Russ.)
- Grigor'ev V. P., Kolodiaznaia L. I., Shestakova L. L. *Sobstvennoe imia v russkoj poezii XX veka: Slovar' lichnykh imen* [Proper name in Russian poetry of the twentieth century: Dictionary

- of personal names]. Moscow, OOO "Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik" Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)
- Kondrat'eva T. N. [Proper names in proverbs, sayings and riddles of the Russian people]. *Voprosy grammatiki i leksikologii russkogo iazyka* [Questions of grammar and lexicology of the Russian language]. Kazan', Izd-vo Kazan. Un-ta Publ., 1964, pp. 98–188. (In Russ.)
- Listrova-Pravda Yu. T. [On the study of Russian anthroponyms as carriers of linguistic and cultural information]. *Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike iazykovogo znaka* [Lexical and grammatical components in the semantics of a linguistic sign]. Voronezh: VGU Publ., 1983, pp. 75–80. (In Russ.)
- Listrova-Pravda Yu. T. [Own personal name in proverbs and sayings collected by V. I. Dal]. *Iazyk russkogo fol'klora* [Language of Russian folklore], Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2001, pp. 110–111. (In Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. [Myth – name – culture] // Uspenskii B. A. *Izbrannye trudy. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. T. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 298–319. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. (ch. ed.). *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990. 672 p. (In Russ.)
- Molotkov A. I. (ch. ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 544 p. (In Russ.)
- Morgunova O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. *Russkii narodnyi kalendar'. Etnolingvisticheskii slovar'* [Russian folk calendar. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2019. 544 p. (In Russ.)
- Patroeva N. V. [Proper name in Russian folk song]. *Onomastika Povolzh'ia: Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Onomastics of the Volga region: Materials of the XV International scientific conference]. Arzamas, Arzamas'skii filial NNGU Publ., 2016, pp. 488–492. (In Russ.)
- Pen'kovskii A. B. [Onomastic space of the Russian bygone epic as a model of its artistic world]. *Iazyk russkogo fol'klora* [Language of Russian folklore]. Petrozavodsk, PGU Publ., 1988, pp. 34–38. (In Russ.)
- Pomerantseva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 191 p. (In Russ.)
- Privalova M. I. [Proper names and the problem of homonymy]. *Voprosy yazykoznanii*, no. 5, 1979, pp. 56–67. (In Russ.)
- Superanskaia A. V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General theory of a proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 365 p. (In Russ.)
- Superanskaia A. V. *Sovremennyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Writing]. Moscow, Airis-Press Publ., 2005. 384 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. [On the mythological image of Semyon and Semyonovna in the Russian tradition]. *Semantika imeni (Imia-2)* [Semantics of the name (Name-2)]. Moscow, Yazyki Slavianskikh Kul'tur Publ., 2010, pp. 44–69. (In Russ.)